

Наслѣдник

Что мне делать, чтобы наследовать Жизнь Вечную? (Мк. 10,17)

4-5

2005

СОХРАНИТЬ ВЕРНОСТЬ

Что могут люди
без верности?
Что удастся без
верности? Ничего.
Но нынешний мир
мало что хочет
знать об этом.
А кто действительно
ведаёт верность,
тот сумеет поведать
кое-что о блаженстве
и высшем счастье её.

Иван Александрович
Ильин

2

6

20

41

30

60

66

Тема номера: «ВЕРНОСТЬ»

НУЖНА ЛИ РОДИНА СЕГОДНЯ?

- 2** НУЖНА ЛИ РОДИНА СЕГОДНЯ?
4 ОНИ БЫЛИ ВЕРНЫМИ!
 Революцию совершили не рабочие и не крестьяне
6 О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ПРОДАВАТЬ
 «Не ходите, дети, в армию служить...»
12 И КЛЯТВУ ВЕРНОСТИ СДЕРЖАЛИ
 Выбор императора Николая I. Рассказ

ТРАДИЦИЯ. СЕМЬЯ

- 18** КТО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ РОДСТВЕННИК
 Мы превращаемся в толпу одиночек?
20 ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИИ. ПРИ ЕЕ ОТСУТСТВИИ
 Почему не рождаем мы и почему рождают они
24 ЧТОБЫ СТАЛО НА КАПЕЛЬКУ БОЛЬШЕ СЧАСТЬЯ
 Интервью с дочерью настоящей большой семьи
28 ГДЕ ТЕЛО?
 Как он похоронил мать.
30 ГОРОД И ГОЛОД
 «Не вырастет – в магазине купим!»

ДОЖДИСЬ

- 36** «ИЩУ ТО, ЧЕМУ МОЖНО БЫТЬ ВЕРНЫМ»
 Чему ты верен и почему? Вопрос непростой...
40 ЧЕЛОВЕКА НАДО ИСКАТЬ СРЕДИ
 НЕВОЗМОЖНОГО
 «Это верно, ибо невозможно...»
41 ДОЖДИСЬ ЛЮБИМОГО
42 ВСТРЕТИТЬ СВОЮ ЛЮБОВЬ
 Ожидание было не зря

А КАК У ДРУГИХ?

- 50** ПУТЬ ВЕРНОСТИ И СЫНОВНЕЙ
 ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ
 Тайна самурая
54 БОЛГАРСКАЯ ПОЭМА БЕЗ СЛОВ
 Интервью с Нешкой Робевой, человеком-легендой
 болгарской гимнастики

ДЕЛО ЖИЗНИ

- 58** ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В ПЯТНИЦУ
 ВЕЧЕРОМ
 Спасатели заточены под одно — выручать из беды
62 МИРОНОСИЦЫ
 «Все 10 минут невозможно оторваться от экрана»
64 ВЕЛИКИЙ ПРОЕКТ
 Без этих 16-ти книг России не обойтись
72 ПРИТЧА О МОЛОДОМ ДИПЛОМАТЕ
 Какая жена не предаст?

Наследник

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
 ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
 СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
 МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
 ЯВЛЕКСИЯ II

Издание
 Новоспасского монастыря.

Православный молодежный журнал «Наследник» зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ №ФС77-21508.

Рукописи не возвращаются. Ответственность за содержание рекламных объявлений несет рекламодатель.

Над номером работали:

священник
Максим Первозванский
 (главный редактор),
Василий Пичугин,
Артем Ермаков,
Наталья Зырянова
 (редакционный совет),
Анастасия Варчева
 (выпускающий редактор),
Виктория Рыженко
 (художественный редактор),

Зоя Антонова
 (ответственный секретарь),

Ирина Капитанникова
 (штатный корреспондент),

Алена Козель
 (рисунки),

Сергей Соков
 (фотограф),

Людмила Шкода
 (отдел распространения),

Ирина Журова
 (дизайнер),

Денис Жуков
 (макет)

ЧТО МЫ МОЖЕМ БЕЗ ВЕРНОСТИ?

Что могут люди без верности? Что удастся без верности? Ничего. Но нынешний мир мало что хочет знать об этом. Он славит корыстный произвол; он ослабляет все связи; он жаждет освобожденного человека. Он лишен верности и не замечает ее отсутствия. Всеобщее освобождение от оков, всеобщее взаимное предательство ведут человечество к гибели...

Как просто и точно звучат вот эти слова: «Я остаюсь тем, кто я есть; я буду любить то, что привязало мое сердце; и я буду действовать так, пока моя грудь будет подниматься от дыхания жизни». Кажется, как просто ведет себя верность! Однако она — редкий гость на земле. Почему?

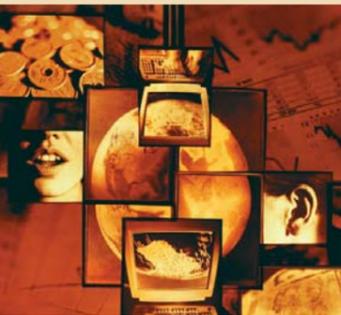
Потому что верность идет изнутри и предполагает цельность души; но современный человек склонен к распылению, рефлексии, резонерству, ко всеотрицающему критиканству. Если человек целен, он обладает одним-единственным духовным центром, который и определяет его жизнь; тогда он склонен к верности. Если же он распялен, в нем наличествуют несколько состязающихся друг с другом и потому бессильных «центров», между которыми он колеблется и которые постоянно обессиливают и предают друг друга. Но верность — это то душевное единство, та духовная «тотальность», из которой рождается внутренняя уверенность верного.

Чтобы быть верным, надо что-то любить; то есть надо вообще уметь любить, а именно безраздельной полной любовью. Эта любовь и определяет человека. Она привязывает его к любимой ценности, и верность, таким образом, есть приверженность ценности. Кто ничего не любит, тот, неприкаянный, порхает, ничему не верный, все предающий. Кто действительно любит, тот не может иначе: в нем властвует внутренний закон, святая необходимость. Не то чтобы эта необходимость была ему в тягость или закабаляла его: нет, но он и не хочет иначе, он ничего другого и не желал бы и не мог. Эту необходимость он воспринимает как нечто избранное им и желанное: как самоопределение, как истинную свободу. Она для него легка и «естественна»; и он несет и свою верность как единственную и естественную возможность своей жизни...

Верный человек обладает глубиной характера. Тому, кто неглубок и пуст, верность не «удастся». У верного человека ясное, честное сердце. Тот, кто живет с сумбурным, мрачным сердцем, однажды теряет свою верность в этом мрачном хаосе. Верный человек обладает сильной, твердой волей. Как может соблюсти верность слабовольный человек? Верный человек есть та духовная сила бытия, та непроиснесенная присяга и клятва, та точка опоры, которую требовал Архимед, чтобы перевернуть мир. Возникая из внутренней силы, верность сама является источником силы. Она подкрепляется характером, достоинством и честью. Она — искра Божия, благословение Божие, она — истинное укрепление в Господе...

Все, что сделалось в человеческой истории по-настоящему истинным и «реальным»; что сумело победить все сомнения, страхи и опасности; что черпало из глубины и страдало по-рыцарски, — жило в верности. Верность для нас, таким образом, как зов наших предков и — обет нашим внукам; а для нас это слово звучит как глубокое убеждение, утешение и успокоение. А кто действительно ведает верность, тот сумеет поведать кое-что о блаженстве и высшем счастье ее.

Из книги И. А. Ильина
 «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий».

Нужна ли

Родина сегодня?

Как жаль, что нынче не дерутся на дуэлях. Хотя драться-то действительно не за что. Прекрасные дамы давно уже вымерли. Рисковать жизнью ради Родины? А нужна она поколению, выросшему в лабиринтах Интернета? Вскормленному бесплатными презервативами и демократичными СМИ?

Автор:
Ирина
Шкода

А правда: почему нам не нужна Родина? Почему пару столетий назад молодые люди голубых кровей горели желанием сражаться за нее и даже умирать? Почему еще полвека назад, когда Марк Бернес пел песню «С чего начинается Родина?», люди плакали?

барина. Кто: царь Николай? Керенский? Или, может, веселый калмык Ильич, которого впоследствии так полюбят дети?... Белогвардейцы шли на смерть. Красиво. В ногу. Без надежды на спасение. Умирала Россия – их Россия. И они умирали вместе с ней.

Готовы ли мы умереть за Родину?

Менее чем через двадцать лет совсем другие люди защищали совсем другую Родину. И странно сознавать, что географически это – одна земля. Теперь она носила нелепое, безликое название: Советский Союз. Страна без Бога – это точка на карте, асфальт под ногами, не больше. Но, видно, не все отрелись от веры. И когда грянула Вторая мировая, советские солдаты пошли на фронт умирать не

Не так давно выросло последнее поколение мальчиков с сияющими глазами – они грезили фильмами о войне, они играли в разведчиков и твердо знали, что «своих» сдавать нельзя. Теперь это – полные лысеющие мужчины, в совершенстве овладевшие наукой делать деньги. И глаза их детей уже не сияют. Разве могут на что-то вдохновить барби, супермены, покемоны и телепузики? А Родина... А что – Родина? Мы знаем, какая она? Единая, неделимая? Великая, Малая и Белая? Независимая? Или, может, она там – за океаном?

ради дружбы народов, узкоглазого дедушки Ленина и красного флага. Может, именно тогда Бог коснулся их сердец, разрушив капиталистическое довольство НЭПа и смертельные объятия голода... Народ пережил войну по-христиански. Героически. Эта война нам близка. О ней рассказывали деды. Ее мы можем увидеть в черно-белой хронике. В кадрах с лицами людей, из которых кто-то еще сегодня доживает свой век в голодном одиночестве. Мы читали о войне, мы слушали песни тех огненных лет. И ведь без слов ясно: они защищали Россию. Ту, которая граничит с Богом. На пожелтевших фотокарточках – молодые ребята с задумчивыми глазами. Они теплые, добрые, совсем не «коло-чие» и очень родные... Они жили, страдали,

У каждого – своя Родина. Своя у пылких корнетов и поручиков, сражавшихся на Бородинском поле. Они знали, за что отдавали жизнь. Россия для них – вверенное Богом сокровище, любовь, смысл и полнота. Они с песней шли на войну, увидев врага, кричали «Ура!», воевали строем и видели так близко глаза противника...

Россия – вверенное Богом сокровище, любовь, смысл и полнота.

Враждующие армии сближаются. Залпы из пушек. Команда «Пли!», и ружья гремят в унисон. И, наконец, заветная мечта гусар, кирасиров и всех юнцов с первыми девственными усиками – рубка. И радость ведь не от того, что убьешь своей рукой, нет. Вероятнее всего, убит будешь сам. Хорошо, если вражеским штыком, наповал. А может, ранят, и тогда – ляжешь на поле брани, раскинув руки, ожидая смерти от копыт обезумевших лошадей. Только чудо может спасти потрясенного мальчишку, когда в ушах зазвонит канонада, зарядит в глазах от нарядных мундиров, золотых эполет и блестящих на солнце пуговиц... Радость – другая, ни с чем не сравнимая – в осознании своего призвания. И тогда, бросаясь в бой, мысленно произносишь: «Господи! Да будет воля Твоя!»

умирали – за нас. Да, за нас! А на могилах их кресты покосились. А их внуки жрут мясо в мак-доналдсах... Неужели – зря умирали?!

Не будем спешить с ответом. Ведь вопрос в том, готовы ли мы умереть. Завтра. Сегодня. Есть ли у нас патриоты? Воины? Герои? Кто сегодня будет защищать Святую Русь?

Совсем другая Родина – белогвардейская Россия. Страна переживала тяжелейший перелом истории. Монархия агонизировала. Светлые умы заболели злокачественной «интеллигентностью». Народ – немый, неученый – заставили говорить, выбирать себе

Есть парадокс: патриотизм немислим без войны. Неглупые люди не строят иллюзий о будущем светлом, согласии общем. Война, к сожалению, будет всегда.

А раз так – будем воевать!

Статья опубликована в журнале «Отрок.UA» №6, 2004 год

Они были верными!

Ссылки на то, что предали все чаще всего возникают тогда, когда кому-то по каким-то причинам необходимо скрыть трусость и коварство отдельных конкретных лиц. Десятки лет пропаганда вдавливалась русским в головы, что Государь предал (или собирался предать) свой народ. Сегодня, когда это утверждение перевернулось, не худо было бы наконец ра-

зскими сановниками, высшими чинами Двора и членами Государственного Совета по назначению, но также всей многочисленной свитой, представители которой думали только об отличиях или о доходных местах, где можно было бы, критикуя все без тени всякого стеснения, предаваться праздной жизни. Все эти люди, князья или графы, носители на-

иболее известных фамилий: Куракины, Бярятинские, Оболенские, Горчаковы, Трубецкие, Шуваловы, — объединились, как по волшебству, в одном блоке с выскочками, представленными Граббе, Княжевичами, Саблиными и кучей других, для того, чтобы

громко отречься от своих вчерашних благодетелей.

Это общее бегство, этот цинизм оставления были особенно презренны со стороны тех, которые еще накануне ловили доброжелательную улыбку или какую-нибудь милость. И между ними мы видим: графа Дмитрия Шереметьева, графа Александра Воронцова, графа Альфреда Велепольского, князя Павла Енгальчева, князя Виктора Кочубея, князя Михаила Кантакаузена, двух князей Белосельских, отца и сына, генерала Илью Татищева, генерала Максимовича, Свечина, Гадона,

«Никто в феврале 1917-го не жалел о прошлом и не пытался вернуть его. Все жители России, как один, легко и радостно предали своего царя, отречение пришло позднее», — так пишет сегодня один из лучших патристических публицистов.

графа Нирода и столько других... — все они его оставили, "прежде, чем пропел петух".

Как видим, рабочих или крестьян в этой компании нет. Не отыщешь их и среди офицеров генерального штаба, и среди депутатов Государственной думы, организовавших февральский переворот. Но даже среди последних, если присмотреться, можно увидеть нормальных, честных людей, до конца верных своей присяге. Известный монархист полковник Федор Винберг в своей книге «Крестный путь» пишет, что в разговоре с офицерами из Псковых те заверили его, что гарнизон Пскова, состоявший из новобранцев, «встал бы на защиту Государя, если бы нашелся хоть один генерал, который повел бы их в тот момент». Винберг охотно поверил им, «ибо знал, что помимо Петрограда и его окрестностей почти всюду на Северном фронте наши запасные батальоны, кроме латышских частей, были хороши». А ведь здесь говорится о новобранцах, о запасных батальонах, которых легче было сокрушить, чем старых солдат. Старые же солдаты по всем воспоминаниям, описывающим их реакцию, горько плакали после прочтения манифеста об отречении Государя. Опытный офицер, очевидец тех событий, много беседовавший с офицерами на эту тему, сделал такой вывод: «Вообще почти везде для строевых войск

Между тем такие обвинения звучат не просто горько, но и бессмысленно. Предателей, то есть людей, изменивших своему господину или другу, на земле хватало во все времена. И в то же время поголовное, абсолютное предательство — вещь в истории небывалая.

переворот явился неожиданностью; везде они были ошеломлены, озадачены и чрезвычайно нервны; все было сделано штабами и главными начальниками». Даже один из главных организаторов переворота генерал Алексеев в записке Временному правительству от 14 марта 1917 года вынужден был написать: «На Северном и Западном фронтах эта весть была воспринята с сожалением, грустью, огорчением, а на Румынском, Кавказском фронтах и Черноморском флоте отречение произвело тягостное впечатление». Верным присяге более двух недель оставался 20-тысячный гарнизон Гатчины. Заговорщики очень боялись его выступления и делали все возможное, чтобы изолировать гарнизон от столицы. В Петрограде упорное сопротивление мятежникам оказали юнкера, например Николаевское кавалерийское училище, Пажеский корпус. В течение недели гардемарини Морского кадетского корпуса одними винтовками отбивались от предателей царской России.

Генерал К. Д. Нилов, да и генерал В. Н. Войейков, входившие в окружение Государя, тоже старались противодействовать отречению. Очевидцы вспоминают, что Нилов даже говорил о необходимости убить блокировавшего царский поезд на станции Дно предателя, генерала Рузского. Один из адъютантов Рузского, ротмистр граф **А. В. Гендриков**, узнав об измене своего начальника, ворвался к нему в вагон и хотел его застрелить. Интересно, что даже Великий князь Николай Николаевич, умолявший Государя отречься от престола, совершенно скрыл правдивые мнения своих основных генералов. Одним из них был **Н. Н.**

Автор:
Андрей Лавров

Юденич, доложивший Великому князю, что Кавказская армия полностью на стороне Николая II. Аналогичное мнение было доложено ему и генералом **Н. Н. Янушкевичем**. Очевидно, что и другие, убеждавшие Государя отречься, скрыли истинное мнение воинов, если они им вообще интересовались. Генералы **Ф. Келлер** и **Хан-Нахичеванский** послали в Ставку телеграммы о поддержке Николая II,

но их там... потеряли. Начальник морского Генштаба адмирал **А. И. Русин** тоже отверг предложение присоединиться к призывам об отречении и был немедленно уволен.

Таким образом, репрессии против русских патриотов начались в России уже в феврале 1917-го. Однако находились люди, агитировавшие против переворота даже в этих тяжелых условиях. Например, в Петрограде в марте 1917 года за такую агитацию был задержан **И. И. Дудиченко**,

член президиума Монархического движения. Полковник **А. П. Кутепов** (будущий глава Российского общевосточного союза в эмиграции), находясь в отпуске, прибыл в Петроград, где до последней возможности руководил действиями своего добровольческого отряда против мятежников. Оставался верен Государю и его семье начальник Охранного отделения столицы генерал-майор **Глобачев**. За царя умер его камергер, начальник Северо-Западных железных дорог **Валуев**. До конца жизни остался верен присяге и охранявший Зимний дворец князь **Ратиев**. Начальник штаба Кронштадтского порта адмирал **А. Г. Бутаков**, окруженный враждебной толпой, отказался отречься «от царского строя» и был тут же убит «неизвестным». Погибли, отказавшись отречься от царя, унтер-офицер **Гарпионик** и генерал **Г. Мигден**. Среди войск дольше всех сопротивлялись осажденные **офицеры Егерского, Московского и Финляндского полков.**

Даже узнав об отречениях Николая II и его брата Михаила, **Сводный полк** Его Императорского Величества, охранявший в Царском Селе царскую семью, остался до конца верен ей. Когда комиссары захватившего власть Временного правительства пришли 9 марта перед приездом Николая II менять охранявший дворец батальон Сводного полка, он «как один человек отказался впустить их за решетку дворца и вместо ответа выкатил пулеметы. Еще минута, и было бы жарко... Но царица попросила к себе их начальника полковника Лазарева. Она не приказывала, она просила подумать о больных детях... Она не хотела, чтобы из-за нее проливалась кровь ее верных людей», — так вспоминали участники этих событий **Константин Колосов** и **корнет С. В. Марков**.

В критические дни переворота капитан лейб-гвардии Петроградского полка **Сергей Лучанинов со своим отрядом** (400 нижних чинов, офицеров и солдат) после трехдневных боев с мятежниками в Петрограде направились в Царское Село для поддержки царской семьи. Промокшие, усталые, голодные, упорно пробирались они без отдыха, по колено в снегу, чтобы спасти царскую семью от возможной гибели.

Поголовное, абсолютное предательство — вещь в истории небывалая.

зобратся, так ли уж оно верно. И даже если мы верим, что в падении монархии тогда были виновны все, стоит установить персональную меру ответственности каждого.

Дядя Государя-мученика, Великий князь Николай Михайлович, расстрелянный в Петрограде в 1919 году, оставил нам в своих записках «Как все они предали его», датированных 26-м апреля 1917 года, очень важное свидетельство о тех, с кого конкретно началось то самое поголовное отречение. Вот что он написал: «В течение 48 часов Николай II и его супруга были покинуты не только выс-

Рабочих или крестьян нет среди покинувших Государя.

По пути к ним присоединялись местные крестьяне. Все они прибыли в Царское Село, долго кричали «Ура!», но были разоружены свежеспеченным тюремщиком Александры Федоровны и ее детей, будущим создателем Белой армии генералом Лавром Корниловым.

Все эти выступления, разумеется, не изменили общего хода революционной машины. Но они были! Вот уже почти двести лет русские либералы поднимают на щит историческое значение неудачного мятежа декабристов. Отдадим же долг памяти тем, кто в самые страшные мгновения нашей истории остался верен своему Государю и своему слову. Их жизнь не прошла даром.

При подготовке материала использована книга С. В. Чешаничева «Отречение» и статьи Анатолия Корнеева в газете «Русский вестник».

Николаевское кавалерийское училище, 1913 г.

Пажеский корпус, 1902 г.

Гардемарины, 1900 г.

Финляндский полк, 1906 г.

Егерский полк, 1907 г.

М. Ю. Лермонтов
БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушке на макушке!

Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег я вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми знаками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блеснул,
Звучал булат, картечь визжала,

Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837

Однажды в беседе с одним из старших офицеров о жизни и службе я услышал фразу, которую, казалось бы, ну никак не должен был произнести человек, более двадцати лет отдавший служению Родине, исколесивший вдоль и поперек ее бескрайние просторы. Он сказал: «Я уже не смогу уехать за границу, как бы в России ни было плохо, но постараюсь сделать все возможное, чтобы там оказались мои дети. Очень хочется, чтобы они пожили более-менее нормально».

Последний парад наступает?

Можно было бы не придавать особого значения этому откровенному признанию подполковника, памятуя о том, что за последние десятилетия пятнадцать лет в поисках лучшей доли из

шим в Южной группе войск (Венгрия), не хотелось выезжать на Родину, где уже начинали свирепствовать бедность, нищета, семимильными шагами шествовали по стране преступность, коррупция...

Самым страшным наказанием за какой-либо проступок для офицера считалась его высылка в Союз. Иные военнослужащие прилагали все свои усилия к тому, чтобы остаться в чужой стране на постоянное место жительства. Особенно мечтали об этом лица из числа гражданского персонала. И некоторым это удавалось — военным и гражданским. Они разводились со своими законными женами (мужьями), оформляли (за определенную плату) формальные браки с мадьярами (ма-

? Кого нынче защищает «человек с ружьем»?

страны выехали миллионы россиян. Можно было бы, если бы не одно пикантное обстоятельство, — то, что человек этот принадлежит к офицерскому корпусу России, а это люди, которых в силу специфики их рода деятельности принято называть «золотым фондом страны», патриотами Отечества, которые, может быть, любят Родину немного больше, чем кто бы то ни было. А стало быть, коль уж они говорят такие вещи, это значит: что-то в нашем государстве не так.

Буквально недели три назад сказанную военнослужащим фразу о детях, для которых лучшую жизнь он видит за пределами родного Отечества, слово в слово повторил другой офицер, тоже подполковник, тоже не один десяток лет помоставший по гарнизонам, а ныне проходящий военную службу в городе Брянске. Как будто сговорились...

Общаясь с людьми военными, внимая их непарадным размышлениям, я задаю себе вопросы: можно ли жить и служить Родине с такими-то мыслями в голове? Одной Родине служить, а о другой мечтать — хотя бы и не для себя, для детей своих?

Помню, как в начале 90-х годов прошлого столетия многим офицерам, прапорщикам, служив-

янное место жительства. Особенно мечтали об этом лица из числа гражданского персонала. И некоторым это удавалось — военным и гражданским. Они разводились со своими законными женами (мужьями), оформляли (за определенную плату) формальные браки с мадьярами (ма-

? Можно ли одной Родине служить, а о другой мечтать?

дьярками), использовали другие возможности. Моему уму тогда все это было непостижимо...

Сегодня любой разговор в военной среде неизменно заканчивается обсуждением «текущего политического момента», обстановки в стране (или начинается с этого) и даже попытками понять, кого нынче защищает «человек с ружьем», — то ли государство, то ли новоявленных толстосумов... С сожалением отмечаю все тот же пессимизм в настроении многих людей в погонах. Какое настроение у них будет завтра? А послезавтра?..

Письмо опубликовано в журнале «Российская Федерация сегодня» №9, 2005 год.

Автор:
Николай Чепурных,
офицер
(Смоленск)

О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ПРОДАВАТЬ

Беседовала
Ирина
Капитан-
никова

«**Н**е ходите, дети, в армию гулять...» Сегодня только, пожалуй, ленивый не кидает камень в сторону нашей некогда великой армии. На наших глазах социальный престиж этой службы стремительно падает. Но что стоит за этим процессом? Как на самом деле обстоит дело в этой столь важной сфере? Неужели пришло время, когда офицеры начнут спокойно оставлять службу и уезжать за границу? Все эти спорные и неоднозначные вопросы мы попросили прокомментировать представителя молодого поколения, потомственного военного, отслужившего уже десять лет, Дмитрия Морозова.

В основе любого служения – преодоление себя.

– **Дмитрий, Вы – потомственный военный. Скажите, выбор Вашего жизненного пути связан с наследованием этой традиции?**

– Путь был выбран с детства. Конечно, пример отца и дедушек сыграл свою роль. Я считаю, что в нашей семье очень хорошо было поставлено патриотическое воспитание. Мне с детства привили любовь к России. Что же касается выбора специальности, то у меня была склонность к техническим наукам (я без проблем поступил в МГТУ имени Баумана), но не было желания заниматься сугубо научной кабинетной работой. Хотелось чего-то более обширного и разностороннего. Тогда отец посоветовал идти в военное училище.

– **Учиться было интереснее, чем в МГТУ?**

– После поступления мы прошли курс молодого бойца, на котором нас гоняли с утра до вечера. Не все выдерживали, но кто это сделал, с благодарностью вспоминали этот месяц, где можно было действительно почувствовать себя солдатом в поле. Поется же: «Становясь капитаном, храните матроса в себе». И чтобы понять солдата, надо побыть на его месте, знать, что он чувствует. Только тогда получится грамотный командир, если человек сам прошел все эти уровни. После этого курса мы приехали в училище, где были тренировки по принятию присяги, потом сама присяга, потом первое увольнение, когда тебе выдают документы о том, что ты военнослужащий, и отпускают в город. До этого вся жизнь проходит в пределах части.

– **А сам момент принятия присяги как-то изменил Ваш взгляд на жизнь?**

– Конечно, изменил, потому что это определенный очень серьезный, очень важный этап. Присяга, в идеале, приносится один раз в жизни, как выбирают супругу (бывает, что офицер вынужден принести другую присягу, например после распада СССР для желающих остаться на Украине и т. п.). Поэтому после этой клятвы защищать народ и Отечество до конца дней ощущаешь себя по-настоящему повзрослевшим, определившимся в жизни.

– **Кто из великих русских военачальников Вам близок?**

– Я еще в детстве читал «Книгу будущих адмиралов», и еще тогда меня поразила личность Федора Ушакова. Он был не только талантливейшим адмиралом, не проигравшим ни одного сражения, даже такого дерзкого, как взятие Корфу – крепости, которая считалась неприступной. Тогда еще меня, ребенка, поразило, что, освободив Ионические острова, адмирал даровал им конституцию. Впоследствии они потеряли свою независимость. Но пока он был там в силе, он эту конституцию поддерживал. Он не просто выполнял воинский долг: победить и все – он стремился обустроить жизнь народов дальше, дать им свободу, возможность жить достойно. Уже в сознательном возрасте эти детские воспоминания всплыли, и я понял, что все это было неспроста, эти победы были ему даны от Бога.

Если не привезут апельсиновый сок...

– **Сейчас часто слышатся всевозможные разговоры об упадке нашей армии, о бедственном положении военнослужащих. Когда мы попросили прокомментировать эту ситуацию, многие указывали на невозможность служить теперь, когда государство со всеми «так обходится». А также, дескать, раньше любая верная служба имела под собой материальное подкрепление, и служили вовсе не «за идею». И то, что мы имеем сейчас, – это вполне закономерный результат... Как Вы относитесь ко всему этому?**

– Понятно, что такое мнение есть. Скажу сразу, что я его не разделяю. По той простой причине, что в нем всегда самой хорошей и полезной для самого человека является самая оплачиваемая работа. Но, как показывает всеобщая практика, денег всегда не хватает. Поэтому гоняться за сверхзаработками я не считаю оправданным. Человек должен прожить свою жизнь так, чтобы ему не было стыдно перед своими детьми, внуками, окружающими. И я считаю, что все те недостатки, которые имеются сейчас у нас в обществе и сказываются, кстати, не только на военных, но и на молодежи и пенсионерах, – временные. Я не считаю их серьезным препятствием для того, чтобы служить. Да, условия, отношение к военным в целом ухудшились по сравнению с тем,

что было в Советском Союзе, и становятся все хуже. Это не секрет. Но, с другой стороны, если государство не будет кормить свою армию, то придется кормить чью-либо другую. Это тоже известная истина. Я согласен, что не все могут сейчас служить по причине семейного положения и т. п. Но, при всех негативных процессах, все равно теперь наладились получение денежного довольствия, снабжение формой. Да, платят, не как в фирмах. Но основной момент теперь в другом. Раньше считалось позором не служить в армии, сейчас, если человек служит, то он словно какой-то неполноценный. И доблестью считается откосить от армии. Я считаю эту ситуацию нездоровой. Тянуть лямку становится все тяжелее, но пока это возможно, это надо делать.

– **Сталкиваетесь ли Вы непосредственно с людьми, которые меняют все материальными благами?**

– Мои знакомые как-то приносят листки для сбора подписей за какого-то кандидата. Я их спрашиваю: «А какая у него программа? Почему ты именно за него подпиши собираешь?» На меня посмотрели, как на не совсем нормального: «Слушай, нам за это деньги платят!» Но так, продолжая аналогию, – если человеку заплатят деньги, он вынесет сек-

«Становясь капитаном,
храните матроса
в себе».

реты и Родину продаст? Как это ни перевернуто сейчас, Родину нельзя продавать, Родина же у человека одна. Что-то же должно быть в человеке святое.

В любое время были такие люди. То, что сейчас пытаются все перевести на материальную основу, я не считаю оправданным. Конечно, уровень оплаты должен быть достойным. Человек должен иметь квартиру, нормально питаться, одеваться, обучать детей. Но если любой шаг будет требовать материального подкрепления, то получится ерунда. Как рассказывают, при операции «Буря в пустыне» не привезли на передовую апельсиновый сок, и войска не вышли в окопы. Может, было не так курьезно, но смысл ясен: «Зачем я буду рисковать жизнью, если я сейчас служу, чтобы получить какую-то сумму, а потом уволиться и жить в свое удовольствие?»

В армию – отъедаться

– **Что бы Вы сказали в качестве напутствия тем ребятам, которые еще только стоят перед выбором своего жизненного пути? Как в современной ситуации должен себя ощущать молодой человек, который собирается служить в армии?**

– Хочу сказать, что, с одной стороны, не надо готовиться к молочным рекам с кисельными берегами, но, с другой стороны, надо понимать, что тот негативный образ Вооруженных Сил, который сейчас усиленно рисуется, не соответствует на самом деле действительности. Я убежден, что все эти рассказы о дедовщине, о том, что в армии голодают, замерзают, – неправда. Я знаю факты совершенно обратные. Многих военнослужащих спасают в армии от дистрофии. Приходя с недостатком веса, они набирают его в армии. В 1993 году, когда я поступил, была довольно тяжелая ситуация. Тем не менее, когда я приехал в зимний отпуск, щеки у меня были видны из-за спины, серьезно говорю.

Что касается дедовщины, то она была и раньше. Это были отдельные случаи, с которыми разбирались начальники. Что будет в подразделении, в основном зависит от командира. И мои старшие товарищи, которые служили в строевых частях, рассказывали, какие там возникали проблемы, как с ними справлялись. Естественно, при нормальной организации работы командования такие факты если и случаются, то им не дают укорениться.

В целом, конечно, военная служба нелегка, как и всякое служение. Человек, который ее выбирает, должен давать себе в этом ясный отчет. И не случайно в первый месяц после сдачи экзаменов в военном училище был курс молодого бойца, где так гоняли, что свободного време-

ни было в лучшем случае полчаса или час в течение дня, все остальное было расписано: от подъема до зарядки, от зарядки до уборки и т. д. И тех, кто не мог все это выдержать, не задерживали. Человек не станет офицером, если он не может пересилить себя. Преодоление себя лежит не только в основе военной службы. Я, в частности, занимался борьбой, где одно из правил – «Через преодоление к совершенствованию». Если человек не преодолевает себя, он останавливается в своем развитии и может деградировать. Поэтому нужно настраиваться на серьезную работу, в первую очередь над собой, и быть готовым к тому, что, как и всякое служение, военная служба накладывает ограничения и на личную жизнь человека. Но все это переносимо, и мы знаем прекрасные примеры военнослужащих, которые были канонизированы. Например, прославленный флотоводец Федор Федорович Ушаков. И военное, и церковное служение во многом пересекаются. Любый христианин – это воин Христов, и даже иерархия церковная и военная во многом одинакова.

Я горжусь тем, что я военнослужащий, считаю, что я сделал правильный выбор. Надеюсь, моя служба действительно принесет пользу Родине. И хочу пожелать читателям, какую бы работу они ни выбрали, выполнять ее достойно, с тем, чтобы на лобом поприще она приносила пользу, добро. Почему военная служба становится все более актуальной, несмотря на наличие всех международных миротворческих организаций? Все равно мы видим непреложность древнейшего правила «Кто сильнее, тот и прав». Если не будет сильной армии, с государством никто не будет считаться, и людям, которые в нем живут, не может быть хорошо, они будут беззащитны. И, поддерживая боеспособность наших Вооруженных Сил, мы обеспечиваем нормальную жизнь всем соотечественникам.

Ответить «Есть!» и идти выполнять

– **Я слышала, что в воинском духе, который известен еще с древности, заложено не столько желание навредить своему противнику, сколько огромное духовное смирение...**

– Вы совершенно правы, говоря о духе смирения. Более того, это закреплено законодательно. Наша военная доктрина имеет оборонительный характер. Мы не собираемся ни на кого нападать. В отличие от доктрин западных стран, где прописано, что в случае возникновения угрозы они оставляют за собой право превентивного удара, у нас в основе лежит принцип сдерживания. Мы считаем, что если будем достаточно сильны, чтобы дать отпор, и на нас никто не нападет, то все хорошо. Личное мое мнение, что будет очень плохо, если в военнослужащих будет культивироваться агрессия. Воинское служение отнюдь не предполагает какую-либо агрессивность. Наоборот, чтобы отразить нападение, чтобы грамотно действовать на поле боя, человек должен быть внутренне уравновешен. О смирении напрямую говорится в уставе: получив приказ, человек должен ответить «Есть!» и идти выполнять. Оно может проявляться на разных уровнях, включая вполне бытовой. Допустим, у кого-то может

Любой христианин –
это воин Христов.

быть такой объект уборки, как отхожее место. И человек со смирением идет и убирает. А если начать возмущаться, запускать все это, то понятно, что там будет твориться. Развивая эту мысль дальше, можно представить себе подразделение, у которого приказ – сдерживать наступление врага до тех пор, пока не отойдут основные части. Солдаты понимают, что они обречены. Никто не будет их прикрывать, заботиться об их уходе – они по сути дела уже мертвы. И, тем не менее, люди выполняют этот приказ, потому что, если они не будут выполнять этот приказ и все побегут, то начнется хаос и потери возрастут многократно. И такое смирение пронизывает всю военную службу начиная от мелочей и заканчивая тем, что человек сознательно отдает жизнь «за други своя».

И клятву верности

На широком дубовом столе, стоявшем в центре рабочего кабинета, лежала карта. Большие белые, ничем не заполненные пространства суши на востоке и юге Европы пересекались лишь тонкими нитками рек да двумя-тремя государственными границами. Достойные внимания города попадались здесь нечасто. Зато другая часть карты вся была так густо исписана названиями, что казалось, будто северо-западный угол стола засижен мухами. Отколовшись в океан Англия чернела еще гуще других, а прерывистые карандашные линии, расходящиеся от острова во все стороны света, делали его похожим на большого жирного паука, сидящего в центре какой-то фантастической всемирной паутины.

Он вспомнил, как десять лет назад, его пышно принимали в Лондоне. В то время эта паутина морских путей нисколько не казалась ему злоедей. Сэр Роберт Пиль, лорд Эбердин, королева Виктория – все они тогда клятвенно заверяли его в вечной дружбе. Скандал с задержанием английского брига «Виксен» с нелегальным грузом оружия и боеприпасов для восставших чеченцев, устроенный Пальмерстоном, благополучно завял. Ненадолго ушел с политической сцены и сам Пальмерстон, а члены нового английского правительства наперебой предлагали военный союз против Франции и английскую помощь в разделе Турции. А чуть раньше султан умолял его помочь сохранить целостность Османской империи. Новоиспеченный император Наполеон III всего пять лет назад искал его дружбы... И вот теперь соединенный альянс четвертый месяц осаждает Севастополь, черные корабли бомбят Одессу, Керчь, Колу, мирный Соловецкий монастырь, далекий Петропавловск, показывая даже в виду кронштадтского рейда.

Но весь этот ход событий, как бы тяжел он ни был, все же следовало признать естественным, даже соответствующим каким-то тайным принципам мирового политического механизма. Англия, Франция, Турция, даже Сардинское королевство действовали против России все-таки в своих интересах. Но никакие новые печальные известия о войне не смогли бы удивить и одновременно расстроить императора так же сильно, как очередное «мирное предложение», полученное вчера из Вены.

— Павел Дмитриевич, сделай милость, перечти еще раз давешнюю австрийскую депешу, – император Николай I обратился к стоявшему в углу комнаты графу Киселеву. – Нет ли там какого иносказания или хоть намек на помощь? Может статься, мы вчера пропустили.

Министр государственных имуществ взял бумаги с небольшого ломберного столика в углу, начал читать, и уже при первых звуках его голоса Николай отчетливо понял, что все иносказания в этом наглom письме намекают лишь на то, что, несмотря на прежние победы, Россия сегодня стоит перед коалицией европейских держав одна, без единого союзника. Ей следует признать свою слабость, прекратить бессмысленное сопротивление, согласиться на австрийское «посредничество» и, выполнив предварительные условия начала мирных переговоров, покорно ждать, когда союзники продиктуют окончательные требования. Требования, выполнение которых приведет не просто к поражению империи в войне, а к распаду и уничтожению всей государственной системы, которую он с таким трудом отстраивал здесь три десятка лет. Россия как европейская держава должна будет исчезнуть. И это после всего, что сделано для Европы в последние полвека.

Киселев окончил читать.

— Спасибо, Павел Дмитриевич. Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость по отношению к нашему молодому соседу. С первого свидания мое сердце приняло его с бесконечным доверием, как пятого сына. И вот австрийский император не перестает поворачивать нож в моем сердце! Пишет, что мы «остались без союзников», а чья же это вина? Не австрийцы ли сто лет подряд по всякому поводу набивались к нам в союзники? И где же они теперь?

Киселев сделал несколько шагов к большому столу и, бросив беглый взгляд на карту, впервые попытался оценить масштабы будущего ущерба. Стоявший рядом шеф жандармов Орлов, угадав его мысль, принялся

бесстрастно докладывать недавно поступившие из Лондона агентурные сведения.

— В 28-й день октября сего 1854 года британский статс-секретарь по иностранным делам лорд Кларендон, отвечая на вопросы европейских газетчиков о причинах войны, отметил, что ныне под Севастополем цивилизация ведет битву против варварства. Спрошенный же одним американцем о том, каким образом сие варварство, 40 лет назад освободившее Европу от Бонапартовой тирании, было с восторгом и упованием принято в Англии, Кларендон отвечать не пожелал, а поехал на частную беседу с лордом Пальмерстоном. Встреча продолжалась более четыре часов. На ней Пальмерстон высказал различные соображения по поводу будущего устройства послевоенной России. Русское военное мореплавание в Черном, Белом и Охотском морях, по мнению лорда, следует уничтожить. Балтийский флот необходимо урезать втрое. Великое княжество Финляндское и Аландские острова вернуть Швеции. Прибалтийские губернии сделать независимыми, а в случае активной поддержки дела союзников Пруссией или Голландией передать под покровительство их монархов. Молдавию и Валахию, а также часть Новороссии можно обещать австрийскому императору, не торопясь в то же время выполнять обещание. Крым, Грузия и русская Армения официально возвращаются Турции, которая в секретных соглашениях гарантирует правительству Ее Величества полную свободу действий британского флота на Черном море и право на беспрепятственную и беспроцентную торговлю английскими товарами. Независимость возвращается также горному черкесскому Кавказу и Польше, восточная граница которой должна простираться сколько возможно далее, желательно до Днепра...

— Алексей Федорович, да что же это такое?! Как они смеют... – наследник престола Великий князь Александр Николаевич прислонившись к стене, судорожно глотал ртом воздух.

— Смеют, Саша, – император оттолкнулся от стола и не спеша подошел к сыну. – Привыкай, будешь править – еще и не такое услышишь. Ухо держи остро, а не робей. Это они у себя в кабинетах такие смелые. А на деле... Докладывай дальше, Орлов.

— Далее лорд Пальмерстон коснулся проблемы раздела наших владений в Азии и Америке и высказал мнение, что ее, даже в случае удачного заключения мирного договора, не следует выносить на обсуждение союзников. Исключительное положение британского флота, полагает он, всегда позволит Англии решить этот вопрос самостоятельно.

— Ну, здесь они, пожалуй, зарываются, – министр Двора Адлерберг взволнованно сжал кулаки. – Если бы здесь была карта Азии, я бы показал Вашему Величеству, как Завойко набил англичанам морду в Камчатке. И союзники не помогли. Целая эскадра против одной нашей «Авроры»! Нет, русский солдат положительно непобедим.

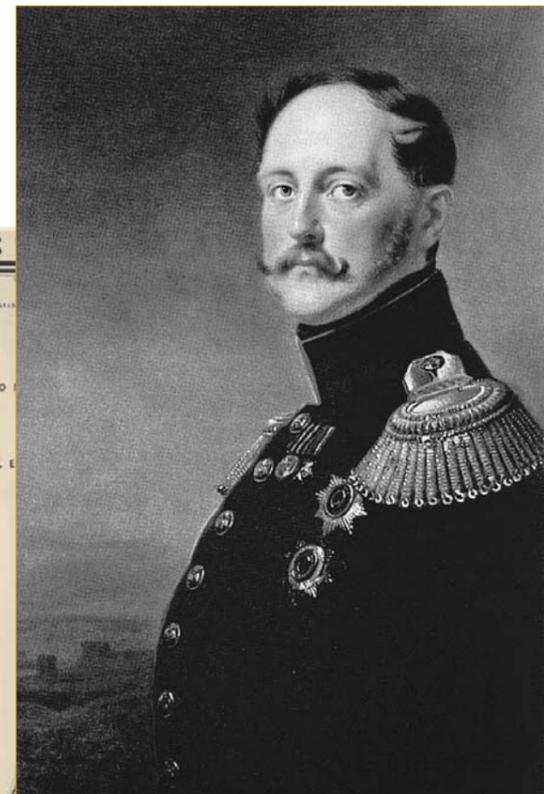
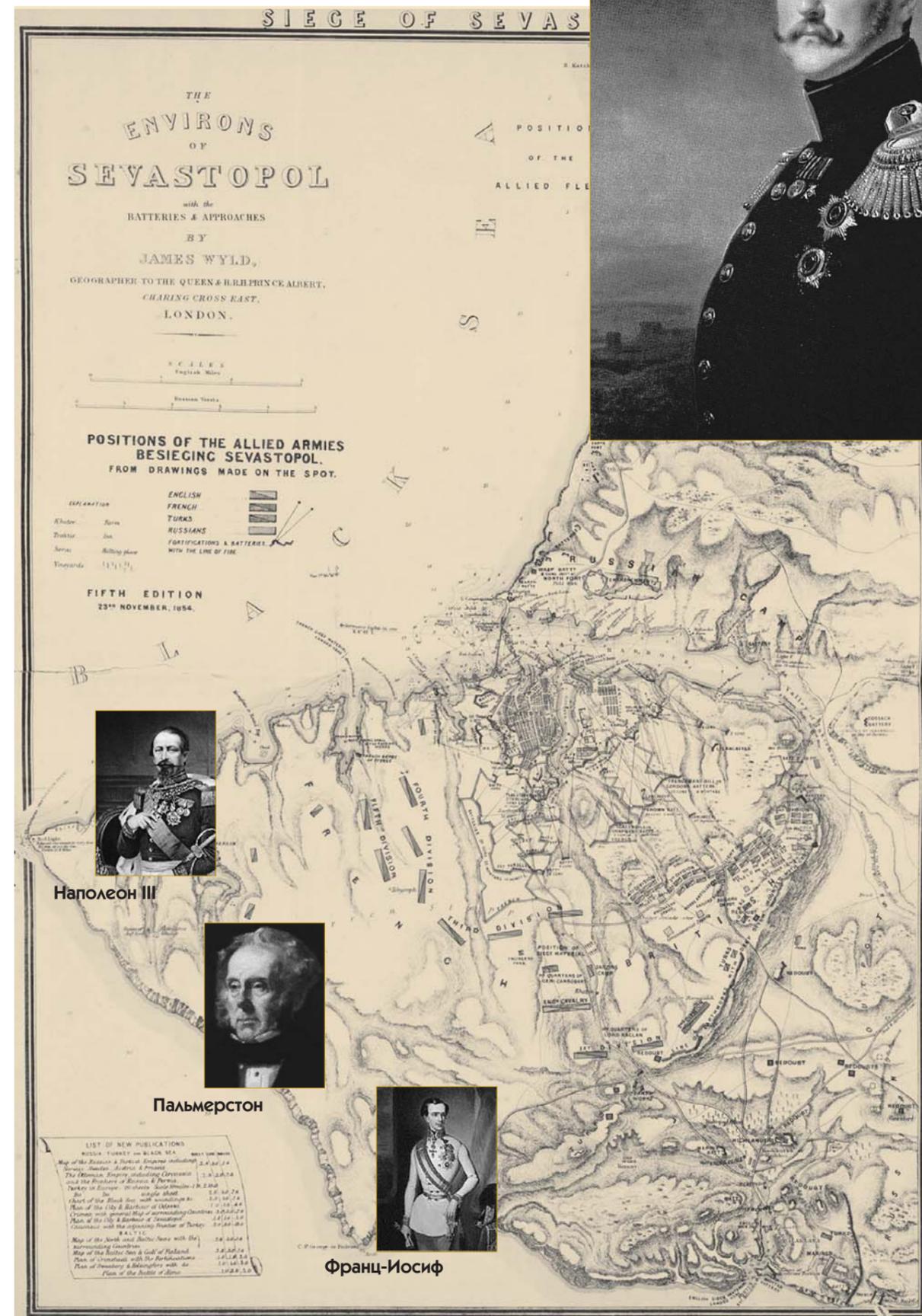
Киселев и Орлов, шокированные таким неловким проявлением патриотизма, брезгливо поджали губы. Император заметил это и усмехнулся.

— Да, славное дело было в Камчатке, Владимир Федорович. Да только судьба войны решится не им. Ты бы лучше сказал, как нам теперь с австрийцами разговаривать? Прав я был в 1849 году или не прав? Ответьте мне, господа, по совести.

Смущенный Адлерберг опустил голову и отступил в тень. Он только теперь заметил, как мучает императора его давешнее решение выступить против венгерского восстания. Он был с Государем и тогда, когда князь-премьер Шварценберг на коленях просил защитить древний трон Габсбургов, и тогда, когда фельдмаршал Паскевич привез в Петербург венгерскую капитуляцию и благодарность молодого императора Франца-Иосифа. Спокойствие и целостность Австрии стоили русской армии двенадцати тысяч человек. Правда, в боях погибло меньше тысячи, остальных скосила открывшаяся в походе холера, от которой во внутренних гарнизонах тоже мерли сотнями. Но дело было не только в потерях. Венгерский поход русской армии спас не одну лишь Австрию, он заста-

Автор:
Артем
Ермаков

сдержали

Император
Николай I

Наполеон III

Пальмерстон

Франц-Иосиф

вил опомниться всю Европу. Либеральные партии Пруссии, Италии, мелких германских княжеств, охваченные было революционной горячкой, под впечатлением русского вторжения пошли на уступки своим монархам. Даже начавшие смуту французы предпочли забыть о республике и провозгласили своего президента императором.

Поражение революции в 1849 году помогло не только европейским королям и аристократам, оно буквально спасло от погрома католическую церковь. А четыре года спустя эта церковь уже начала призывать французов и итальянцев к крестовому походу против «русских ерети-

англичане в 1848 году полагали, что вступление русских войск в Австрию укрепит наши позиции в Европе. Однако смею напомнить, что их весьма удивил наш скорый выход из Венгрии. А мой знакомый лондонский банкир был просто потрясен, когда узнал, что мы даже не взыскали с австрийцев затраченных нами на кампанию денег. Шутка ли, сорок семь с половиной миллионов!

— Не стыдно, Киселев? — император вздохнул и вновь подошел к столу. — Что ж сразу не сказал о деньгах? Помнишь, с каким дефицитом сводили мы тогда государственную роспись? Думаешь, мне не жаль

ков», угрожающих... «суверенитету мусульманской Турции». России можно было и отступить, но речь ведь шла не о дипломатических маневрах, а о праве служить пасхальную литургию в храме Гроба Господня в Иерусалиме, о гарантиях веротерпимости миллион православных подданных султана. Николай вступился за них, и вот уже русские солдаты и матросы гибнут в Севастополе, а восточная агентура Орлова доносит, что умолявшие о русской защите румынские бояре предпочитают иметь дело с Австрией или даже с Францией, лишь бы не выглядеть русофилами перед «просвещенной Европой». Выходит, зря мы им помогали? Опять повторяется 49-й год?

— Ваше Величество, — позволил себе прервать затянувшееся молчание Киселев, — прошу вас, не казните себя. Ну кто, в самом деле, мог предвидеть, что все так обернется? В конце концов, не только вы, но и

было этих миллионов? Да тот же Севастополь можно было бы на них чугунной броней одеть. Только, скорее, разворовали бы их так же, как и теперь крадут. И знаешь почему? Потому что о выгоде у всех ныне в Европе первая мысль. От твоего английского банкира, который, наверное, уж подсчитывает доходы с будущей своей крымской торговли, и до нашего последнего интенданта, который хлеб и сено, выданные ему на армию, сбывает грекам, а те на лодочках — да во французский лагерь. Мы ведь сейчас в Крыму две армии продовольствуем: нашу и союзников, — думаешь, я не знаю? Рубли, франки...

Император подошел к наследнику:

— Похоже, во всей империи, Саша, только ты да я не воруем. Тошно смотреть на все это, господа. Выхода у нас нет, придется, видимо, завтра принять австрийские условия. Потянем пока время, а там, глядишь,

и кампания выправится. Англичане с французами зимой на биваке мрут не хуже наших. Желаю всем спокойной ночи.

Наследник и министры медленно вышли из комнаты, аккуратно приотворив за собой дверь. Николай снова вернулся к карте. «VIEN»*. Сквозь жирный кружок и четыре черные буквы рядом с ним медленно проступало лицо молодого Габсбурга. Где же он видел его таким? Ах да, на портрете, присланном пять лет назад «в благодарность за избавление». Да, вот же и он. Висит на стене кабинета в дальнем углу. Император резко подошел к холсту, взялся обеими руками за раму так, что

та жалобно скрипнула, замер на несколько мгновений и... рывком перевернул картину лицом к стене. Немного подумав, он взял из коробки для рисовальных принадлежностей уголек, размашисто написал на обратной стороне холста «Du undankbare»** и широкими шагами вышел из кабинета.

В полутемном коридоре тянуло холодом. Высокая в медвежьей шапке фигура неподвижным истуканом стояла у дверей. Ветеран, опора империи.

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, Ваше Величество! — не изменяя позы, ответил гре-

* Вена (нем.).

** Неблагодарный (нем.).

надер с черными нафабранными усами. Говорил четко, но не громко: дворец — не плац, да и ночь кругом.

Николай удовлетворенно пожал плечами:

— Холодно тебе?

— Никак нет, Ваше Величество! Обмундированием весьма доволен.

— Слышал наш разговор, конечно же?

— Никак нет... — отчеканил было унтер-офицер, но, поймав пристальный взгляд императора, осекся и глухо выдохнул: — Слышал. Прикажете под арест?

— А коли слышал, так скажи мне, — продолжал Николай, — прав я был тогда, что помощь подал австриякам?

— Прав, Государь. По советам это было.

— Ты-то откуда знаешь?

— А я ведь и сам там был. В третьем пехотном корпусе его превосходительства генерала Ридигера. Ох и потрепали же нас сперва под Вайценом.

— И солдат, убитых мадьярами понапрасну, что же, не жаль тебе?

— Зачем жалеть? В жизни и смерти человеческой один только Бог волен. А смерть у них была славная, геройская. А раз выиграли кампанию, значит, и не напрасна она.

— А слышал, министры мои говорят: зря ходил в Венгрию, зачем денег не взял?

— Ты бы, Государь, ротного нашего лучше об том спросил, его благородие капитана Кречетова.

— И что бы мне ответил твой ротный?

— А то же, что и я. Когда брат брата на помощь зовет, кто ж о деньгах говорить будет, Иуда разве. А государь молодой австрийский, он ведь вроде брата тебе приходится. А по годам так и за сына сойдет.

— Так предал же он Россию, братец! И меня, и тебя, и товарищей твоих, что в венгерской земле остались.

— Ну, так на то Бог будет ему судьей, что он долг свой братский не исполнил. Только ты его, Государь, не суди, не бери греха на душу. Лучше уж войну ему объяви, что ли, чтобы понял он, на кого замахнулся. Поймет, небось, прощения еще запросит.

— И что ж мне тогда, простить его?

— А может, и простить. Пусть в этот раз хорошо попросит только, в ножки подольше поклоняется. Это, значит, чтобы грех свой глубже понять. — Гренадер на минуту задумался, а потом продолжил: — А если и не поймет греха, все равно прости. Лучше уж тебе здесь с ним сосчитаться, чем перед Господом.

Николай удивленно покачал головой.

— Как же это у тебя выходит, братец? Ведь если этак-то рассуждать, так, попроси он у меня опять помощи, мне тебя опять в поход посылать придется.

— Наше дело — служба. Куда скажешь, пойдём. Где прикажешь, на смерть ляжем. А помощь — дело святое, Божье. Кто ж ее ныне даром подаст, как не Россия? Австрийский государь молод, Бог даст, еще не раз поклоняется, не тебе, так детям твоим. Только не впрок ему все это будет, потому как привычку свою подлую вряд ли сумеет бросить. Ну да не мне его судить. Ты вот давеча товарищей моих убитых жалел. Так они за святое братское дело смерть приняли. Бог напоследок все грехи их очистил. Живых жалеть надо. Мне вот теперь государя австрийского жалко.

— Да за что же?

— Бессчастный он. Хоть и поступил с тобой, как собака, а все же человеческий образ на себе носит. От Бога ему престол да венец вручен, а он, ровно кабатчик какой, мечется, выгоды себе ищет. И как ему, сердешному, жизнь кончать приваляется? Ни братства, ни благодарности не знает. Покаяться, и того не умеет. Одно слово — долдон немецкий... — Унтер внезапно замолчал, чуя, что сказал лишнее. Подобравшись, он тревожно глянул на Государя, но тот неожиданно рассмеялся, повернулся к гренадеру спиной и быстро зашагал по коридору в направлении дворцовой церкви.

Начавшуюся раннюю обедню Николай какое-то время слушал в полном одиночестве. Придворные чины, и раньше опаздывавшие к службе, будучи началом войны, стали уже откровенно манкировать ею. В прежние времена это бы страшно разгневало императора. Но утро, казалось, источало вокруг него волны какого-то особенно ненарушимого благодушия. Жить ему оставалось меньше трех месяцев.

ПОВЕСТЬ О ТРЕХ ЦАРЯХ
Джин Эдвардс

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II
Новоспасский монастырь, 2005

«У Бога есть университет. Небольшой. Немногие туда поступают, еще меньше заканчивают. Воистину очень, очень немногие. Бог держит эту школу потопу, что совсем не стало сокрушенных людей. Почему же так мало учащихся в этой священной Школе покорности и сокрушения? Потому что всем, кто в нее зачислен, приходится переносить много боли».

В наше время, когда в крупных церковных книжных магазинах насчитывается по несколько тысяч наименований изданий, не так просто бывает встретить книгу, которая могла бы помочь принять единственно правильное решение в трудной жизненной ситуации. А если все это облечено в форму увлекательной повести, от которой невозможно оторваться в течение всех 64 страниц...

Сюжет книги основан на библейской истории и посвящен первым царям израильским. С помощью нравственной притчи автор раскрывает человеческие мотивы и тайны сердец не только своих героев, но и самих читателей.

«Так же неизбежно, как то, что восходит солнце, людские сердца подвергаются проверке. И несмотря на требования и обвинения, в сердцах всех участников выявятся настоящие мотивы. Это может показаться неважным в глазах людей, но в глазах Бога такие вещи являются главными. Сердце должно обнажиться. Бог об этом позаботится».

Федор Максимов

Но Государь не знал этого. Стоя на службе, привычно и в то же время как-то по-новому ожидая евангельское чтение, он вслушивался в возгласы диакона и пение.

— Блажени плачущи, яко тии утешатся!

Хор уже давно гремел «Аллилуиа», а сердце императора все еще внимало эху евангельских блаженств.

— Блажени кротци, яко тии наследят землю!

Кадило в руках диакона медленно и плавно раскачивалось, маятником отрезая судьбы, надежды, эпохи...

— Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся!

Взмах — и десятки тысяч фигурок в смешных синих кепи в третий раз устилают своими телами подступы к злой, ошетилившейся редутами Плевне. Следом уже бегут другие, по колено в снегу карабкаясь через Балканские горы, таща на руках пушки. И сухонький невыспавшийся Горчаков во фраке гневно закусывает губы, отстаивая перед партнерами по Берлинскому конгрессу еще один маленький клочок чужой, никогда не виданной им болгарской земли. А после — церковный раскол, приглашенная немецкая династия, дипломатические скандалы, таможенные конфликты, участие Болгарии в двух мировых войнах на стороне антирусских сил...

— Блажени милостивии, яко тии помилованы будут!

Взмах — и горстка мелких немецких княжеств с разбегу бросается в объятья прусского короля. Пехотинцы в высоких касках торжественно вступают в Шлезвиг, Гессен, Эльзас. «Железный канцлер», усмехаясь, принимает французскую капитуляцию в Версале. Он никогда не сомневался, что русские сдержат свое обещание, обеспечив его империи надежный восточный тыл. Но скоро, скоро уже лучшие корпуса рейха ринутся на восток, и тогда...

— Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят!

Взмах — и тонут в бездонных Мазурских болотах дивизии генерала Самсонова. Мольбами французов и щедрими посулами английских союзников брошены они были сюда на верную гибель, лишь бы спасти Париж. Падают снопами на поле выкошенные австрийской артиллерией полки Брусилова, прикрывающие отход разбитой румынской армии. Один, два, три, четыре миллиона убитых на германском фронте, а союзники все плетут и плетут заговоры в царской ставке, все подстегают и подстегают Россию новыми займами под грабительские проценты. Когда же она, не выдержав, падает, оккупационные корпуса как ни в чем не бывало занимают Мурманск, Владивосток, Одессу, Баку. Даже румыны спешат скорее урвать «свой» бессарабский кусок...

— Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся!

Взмах — и горят на Прохоровском поле под Курском русские мальчишкитанкисты, так и не дождавшись твердо обещанного союзниками второго фронта. «Спасите Варшаву!» — умоляет польское эмигрантское правительство в Лондоне, тайно приказывая партизанам Армии Крайовой стрелять советским солдатам в спину. «Если Ваши войска на Одере не двинутся на запад в самое ближайшее время, — пишет Сталину Черчилль, — наше поражение в Арденнах превратится в катастрофу». Армии Жукова и Конева еще штурмуют дом за домом в Берлине, а сдавшиеся на западе немецкие генералы уже начинают передавать Даллесу списки своей русской агентуры и делить роли в очередном броске на восток...

— Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное!

Взмах — и рвется через дважды залитую русской кровью Манчжурию за Амур недавно освобожденный Китай. Памятники павшим солдатам в столицах Восточной Европы покрываются черными свастиками. «Оккупанты, убирайтесь домой!» — орут стадионы в Тбилиси и Риге. Русских режут в Баку и Фергане, жгут в Майкопе и Грозном...

— Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради!

Взмах — и бессильно уходят во тьму ордена и империи. Зарастают травой курганы на месте древних сожженных врагами городов, но рядом с ними растут новые. И опять спешат в них за помощью лукавые послы. И снова, морщась, целуют крест. Умоляют, обещают, клянутся... И вновь посылает Россия своих сыновей им на помощь. И вновь они гибнут, преданные и оклеветанные вчерашними друзьями.

Но навстречу им и их сыновьям, не жаждущим мщения, паки и паки раздаётся прекрасный ангельский хор:

— Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу,
Потому что он хороший!

Агния Барто

НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ
Иван Шмелев

...У нас не то что Царицу Небесную никогда не приглашали, а и батюшку с крестом не приносили. Как у нас расстройство какая, барыня в спальню запрется-плачет, я возмолу водицы святой и покровлю, помолосу за них. Ну, будто они дети несмысленные, жалко их. Образов у нас в доме не было, барыня не желала, по своему образованию, и свое благословение – мамаша их замуж благоговела – она на дно сундука упрятала. В детской только я уж настояла Катерины-мученицы повесить образок к кровати, да в прихожей иконка висела, от старых жильцов осталась, вершочка два. А в темненькой у меня и лампадка теплилась, Никола-угодник у меня висел, в дорожку-то захватила, и еще Казанская матушка. А у них чисто, как у татаров, паутинка одна в углах, боле ничего.

Шмелева почему-то принято считать бесконфликтным, почти сусальным писателем. Многие будут удивлены, найдя в его книге героиню со страстями Настасья Филипповны. Писатель, однако, утверждает: подобная прожитательница жизни не должна быть центральной фигурой даже в романе. Московская няня у Шмелева – главная не по форме, а по существу. Прочитав эту книгу, тянется оглядеться вокруг, понять, где же, на самом деле, те скромные и верные люди, невидимой работой которых еще как держится наш насквозь изолгавшийся мир. Сам роман, изданный в последние годы неоднократно, к сожалению, пока не выложен в сети, но другие произведения Шмелева не менее достойны внимания читателей.

Подробнее...

<http://chmeleff.nm.ru/>
<http://www.philolog.ru/shmelev/index.html>
<http://www.kulichki.com/inkwell/hudlit/ruslit/shmelew.htm>

Обнять брата Кто угодно, только

Здравствуй!

Сколько же пустых дней и бессонных ночей ушло у меня только на то, чтобы начать это письмо. Может быть, в первый раз я пишу о том, что для меня самого не совсем ясно, пытаюсь убедить тебя в том, во что сам не до конца верю. Должен верить, пытаюсь, а вот... почему-то пока не получается.

Дело, в общем, довольно ясное: сначала «чти отца твоего и мать твою», потом в какой-то момент «оставь» их, «возлюби ближнего твоего», стань в созданной тобою семье на место родителя и сам, в свой черед, отпусти своих детей от себя. Казалось бы, о чем тут спорить? Тем более, христианам. Формулы простые, красивые, тысячами лет испытанные на прочность. И вот, поди ж ты, угораздило нас родиться в эпоху, когда что-то в них перестало срабатывать. Или, может быть, это в нас что-то «заведает»?

Какова бы ни была причина – результат выходит злобещий. Наш народ, веками славившийся сплоченностью, единодушием, готовностью в любую минуту прийти своим на выручку, – эти качества сегодня почти утратил. Причем речь идет даже не о том, что русский из Пскова ныне глух к бедам русского из Рязани, не о том, что нам безразлична жизнь человека в соседнем доме или квартире напротив. Такое, в конце концов, бывало и прежде, накануне татаро-монгольской ига например. Большинство из нас сегодня чувствует себя отверженными и одинокими у себя дома, в своих собственных семьях.

«Твой отец – инженер или работника, злой, худой, неудачливый, время от времени надирается. А то и вовсе никакого папочки в семье, мать в облезлой шубейке. Глаза вечно на мокром месте, истеричная, измученная, говорит голосом, в котором звучат все ахи и охи мира. Мать всегда жалко, к отцу никакого уважения. Он – никто, когда пьян, ругается с телевизором. Воюющий братец (вариант: воюющая бабка) – после него противно войти в туалет. Квартира о двух комнатах: слишком много мебели плюс ковры, коврики, половички, шторы. Мало света. Вечные «Выключи свою музыку!», «Убери это со стены!», «Я тебя кормлю!» и прочие стенания, прелести жизни в семействе» – цитата эта, пожалуй, слишком длинна для письма. Но разве она не похожа на то твое жалобное письмо, которое я получил весной?

«Кто же автор всей этой гадости?» – спросишь ты. Дело не в его имени, достаточно грязном, чтобы приводить его здесь, и даже не в его целях, ради которых он щедро посыпает

щелочью раны, которые стоило бы омыть и перевязать. Но ведь раны-то эти есть. Он их не выдумал! Положим, в большинстве православных семей ситуация выглядит чуть отрадней. Но успокоиться на этом значит признать, что, во-первых, нам абсолютно наплевать на то, что творится в русских неправославных семьях. А во-вторых, православные, выходит, могут спокойно полагаться на «выглядит» и на «чуть». Та-

Русские превращаются в толпу одиночек.

кое высокомерие вряд ли доведет до добра.

Русские превращаются в толпу одиночек. А ведь это великий народ, некогда сумевший освоить и заселить треть Евразийского континента. Наше государство изначально строилось на общинной, фактически семейной основе. Основа эта была так сильна и привлекательна, что на протяжении столетий в русскую семью в самых разных обстоятельствах вошли десятки крупных и мелких народов. Надо признать, что жизнь в этой великой семье далеко не всегда и не для всех была свободной, водилось в ней и неравенство, но уж братство-то у нас было в почете задолго до Великой французской революции. А сущность и сила братства в том и состоят, что в самой несвободной, в самой неравной ситуации братья умеют оставаться братьями, умеют сначала почувствовать, принять любой братский поступок, как свой собственный, и только потом уж задуматься: плох он или хорош, неудобен или выгоден.

«У родителей вся жизнь ушла на эту квартиру, – ехидно продолжает все тот же автор. – Экономили, копили, собирали, купили. Потом счастливо обживали бетонный кубик, соту в многоподъездном многоквартирном человечнике. Любовно сверлили, клеили, годами подбирали дверные ручки. На план обустройства лоджии ушел год. Еще три – на возведение рам и стекол... Ее забали старыми тряпками и втиснули тебе раскладушку. Квартира – как тюремная хата, где сокамерников не выбирают. Как камень на шее, эта квартира, который нельзя бросить, и оттого нравы какого-нибудь Южного Бутова почему-то должны быть твоими, а ты его, Южное, или какой там район, презираешь до рвоты».

Увы, это ощущение неизбывной несвободы и соединенной с ней неприязни к ближайшему окружению знакомо и нам с тобой. Оно свойственно почти всем юным жителям России от панков до любителей Лермонтова. Вроде бы причина проста: нет своего угла.

как брата, или не родственник

«Вот будет у меня своя квартира или даже дом, тогда я сразу стану милым и добрым». Уж православным-то должно быть ясно, что такие надежды смешны и беспочвенны. Мы ведь не просто так ищем квартирной свободы. Она нужна нам как индивидуальное бомбоубежище, как укрытие. От кого?! Кто мешает нам свободно жить дома, на улице, даже в храме? Ответ ужасающе прост: люди. Нам мешают, нас раздражают окружающие русские люди, в первую очередь самые близкие: отец, мать, брат, сестра, бабушка...

«Враги человеку домашние его». Этой евангельской цитатой в наши дни размахивают не только молодые. Прикрываясь ею как будто забывают, что Господь заповедал любить и врагов. Кроме того, вырванные из контекста, эти слова создают впечатление, что современный человек буквально родился в тылу врага. Его истинным другом и братом может стать журнальная фотомодель, Микки-Маус, Терминатор, наркодилер

из Камеруна, уголовник из соседнего дома – кто угодно, только не родственник. Человек, разумеется, не может и не должен проводить всю свою жизнь в колыбели или за забором. Круг его общения постепенно расширяется за счет интереса, симпатии, восхищения, влюбленности, любви... Все эти наши чувства должны были доставаться окружающим постольку, поскольку мы уже научились дарить их родным. На деле же мы с малых лет привыкаем искать любви и дружбы вдали от дома, помимо родных, а иногда даже назло им.

Человек, разумеется, не может и не должен проводить всю свою жизнь в колыбели или за забором. Круг его общения постепенно расширяется за счет интереса, симпатии, восхищения, влюбленности, любви... Все эти наши чувства должны были доставаться окружающим постольку, поскольку мы уже научились дарить их родным. На деле же мы с малых лет привыкаем искать любви и дружбы вдали от дома, помимо родных, а иногда даже назло им.

против, очень любит Россию и ее традиции и... ненавидит окружающих сограждан как атеистов, западников и предателей. А кто-то, особо не застревая в мире идей, просто вечно путешествует по квартирам и дачам «крутых» знакомых, стараясь лишний раз не вспоминать о «серости и убожестве» тех, кто когда-то дал ему жизнь.

Все эти люди, выбирающие разные, порой прямо противоположные стили жизни, на самом деле являются заложниками одного и того же подхода к братству. «Мой брат – тот, кто мне нравится, – говорят они. – А если мой настоящий брат или отец по каким-то причинам не устраивает меня, то я имею полное право относиться к нему, как к чужому». Верующий человек может, правда, еще смущенно прибавить:

Вот будет у меня своя квартира, я сразу стану милым и добрым.

«Милосердно», – но это почти ничего не меняет. Отчужденное милосердие редко выходит за рамки обычной вежливости. И, следовательно, никакой теплой преданности своей семье, а тем более неприятным нам родственникам мы испытывать не должны. Мы обязаны быть корректными с ними, вот и все. Но корректности в стандартном обществе распространяется даже на собак.

Выходит, братские, родительские, вообще родовые узы в России сами по себе уже ничего не стоят? Можно, конечно, по привычке упрекать в этом правительство, ругать большевиков или демократов, но ведь дело-то в нас самих! Это мы, а не обстоятельства, виновны во

«Эти люди! Что у меня с ними общего?»

«Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет», – написал о таких Гоголь.

Положение осложняется еще и тем, что каждый в России сейчас сам определяет, до каких пределов распространяется его отчуждение от родных. Кто-то вообще не хочет лишней минуты жить в «этой стране» и обивает пороги посольств в надежде, что там ему выдадут «пропуск в рай». Кто-то полагает, что для того чтобы «реализовать себя», уезжать необязательно: достаточно сформировать себе особый «элитарный» круг общения, где уважающие себя люди едят только суши, читают только Кундери и слушают только джаз. Кто-то, на-

взаимном безразличии, парализовавшем Россию до самых окраин. То, что народ в транспорте в час пик не глядит друг другу в глаза, это еще – куда ни шло. Но ведь и каждый вечер, встречая родных на пороге дома, мы научились смотреть на них так же отчужденно: «Эти люди! Ну что у меня с ними общего? Двадцать лет прожили под одной крышей, а все, как чужие. С ними даже о Боге толком не поговоришь...»

Есть ли предел этому отчуждению русских людей друг от друга? Не знаю. Знаю точно только одно: если уж мы в чужом не были верны, кто же доверит нам наше?

Твой NN

ДВА КАПИТАНА
Вениамин Каверин

...Это сердце стучало и молилось зимней ночью в голодном городе, в холодном доме, в маленькой кухне, чуть освещенной желтым огоньком котилки, которая слабо вспыхивала, борясь с теньями, выступавшими из углов. Да спасет тебя любовь моя! Да коснется тебя надежда моя! Встанет рядом, заглянет в глаза, вдохнет жизнь в помертвевшие губы! Прижмется лицом к кровавым битам на ногах. Скажет: это я, твой Капитан! Я пришла к тебе, где бы ты ни был. Я с тобой, что бы ни случилось с тобой. Пускай другая поможет, поддержит тебя, напоит и накормит, – это я, твой Капитан. И если смерть склонится над твоим изголовьем и больше не будет сил, чтобы бороться с ней, и только самая маленькая, последняя сила останется в сердце, – это буду я, и я спасу тебя.

Даже не верится, что эти строки написаны более 60 лет назад. Тогда, во время самой великой войны в истории, молодые русские люди часто не знали, кому, как и в каких случаях надо молиться. Зато они знали, как стоит жить! Верность этому знанию, верность друг другу помогла героям Каверина не только выжить и найти свое место в жизни, но и отстоять в сердце своем ту правду, которая всегда побеждает и грубую силу, и коварную ложь.

Подробнее:

<http://www.world-rt.ru/people.php?id=18709>
http://www.booksfreeonline.com/stories_part2/KAWERIN/kapitany000.html
<http://kaverin.pskov.org/index.html?captans/index.lib>

Иван Лопатин

Не потреблять в нашем обществе потребления, а давать, давать без ВЫХОДНЫХ и отпусков!

Верность традиции. При ее отсутствии

Автор:
Елена
Котовская*

Лежала я недавно в роддоме. В одной палате со мной – чеченка, в соседней, через стенку, – армянка, что само по себе уже наводит на размышления. (Ау, русские девушки, где вы? Посмотрите на детские площадки, зайдите в школы – скоро почти не видно будет русских лиц!) Впрочем, размышляла я не об этом (о том, что русские вымирают, и так без конца говорят и пишут). Понятно, почему не рожаем мы: потому что у нас «так принято» – 1–2 ребенка, как у всех, как на «цивилизованном» Западе. Интереснее понять, почему рожают они! Почему у них «принято» 3–5 и т. д. ?

Две мои соседки по блоку очень отличались друг от друга. Армянка по-русски – едва-едва. Все меня спрашивала: «Он поэт? Он поспал?» Я ей говорю: «Это она, девочка», – а армянка в ответ: «А, понятно. А скоко он вэсит?» Чеченка же, наоборот, была очень культурная. Филолог. И внешне почти русская: светлые волосы, открытое лицо. Но было нечто, что объединяло этих женщин. С утра до вечера к ним не иссякало настоящее женское паломничество. Именно женское, а не мужское (меня, например, навещали только мой муж и один раз мама). А тут – жены братьев мужа, сестры братьев мужа, собственные сестры, чуть ли не сестры жен брать-

Елена Котовская *

Историк,
жительница Москвы XXI века.

ев мужа. Я не шушу: мне чеченка перечисляла – я запуталась.

И вот вся эта женская гвардия проявляла такой неподдельный интерес к новорожденному и такую заботу о роженице, которую мы не привыкли видеть и от ближайших родственников. Например, им обеим регулярно подвозили теплые обеды и ужины, чтобы «молочко пришло». И оно пришло! Они заливались! В отличие от меня с моими йогурто-яблочными приношениями.

Но это еще не все! Как-то на мой вопрос, есть ли у чеченки та или иная вещь для ребенка, она с удивлением ответила, что да, конечно, у нее ВСЕ есть, что нужно, ей ВСЕ подарили еще с первым сыном. Причем не муж и не родители, а все те же «сестры жен братьев мужа». Ее муж подрабатывал случайными работками, у них не было жилья (они снимали), но благодаря этой женской заботе она могла быть абсолютно спокойна за своих детей: их не оставят ни морально, ни материально.

Вы понимаете теперь, почему филолог с высшим образованием и европейской внешностью не разывается (как мы) между любимой работой и детьми, у нее даже мысли не возникает ни о какой такой дилемме – она поступает, как принято поступать в традициях ее народа. Даже в мегаполисе Москве они сохраняют эту традицию, они буквально окутаны ею.

молюционной России). Я уж не говорю про купеческий и дворянский быт с их многочисленными мамками-няньками-гувернантками и прочим. Вот как выглядела, например, «воспитательная гвардия» будущего императора Николая I: «С момента рождения каждого ребенка к нему

Вырываются за ее рамки лишь единицы и тут же превращаются в космополиток – и, как следствие, один ребенок. А всем остальным и так комфортно. Пока мужа на работе, у них идет своя жизнь, свой круг общения, разумеется, абсолютная взаимопомощь, разумеется, никаких проблем, «кто бы посидел с ребенком», и т. д.

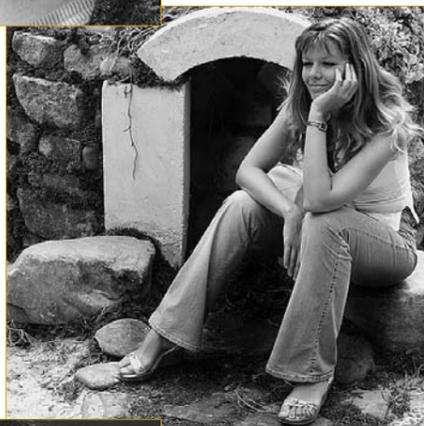
Для нас это все в диковинку. Мы и степеней родства таких не знаем, да и сестер в таком количестве ни нам, ни нашим мужьям взять неоткуда: матери наши тоже не рожали «больше двух». Однако раньше, совсем недавно, всего каких-нибудь сто лет назад, картина была совершенно иная: предст-

приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех няnek, или горничных, двух камердинеров, двух камер-лакеев и восемь истопников» (Л. Выходков. Николай I. М. 2003 г., с. 15). Всего, к слову сказать, в этой семье было десять детей. Цари, конечно, но, однако же, принципиально ничем это не отличалось от реалий русского барства – разве что числом. Были, конечно, исключения, но – как исключения.

В наше время в русских семьях, особенно городских, исключением, пожалуй, является даже наличие регулярно помогающей бабушки. Бабушки теперь тоже могут быть, «как во всем цивилизованном мире», и либо работают «на трех работах», либо «собираются наконец пожить для себя». Как горестно заметила одна моя знакомая, на робкий вопрос мужу

Понятно, почему не рожает мы. Интереснее понять, почему рожают они!

по поводу второго ребенка тот ей резонно ответил: «Ты сперва двух бабушек роди!» Так что часто, очень часто не на кого опереться молодой маме, и вряд ли я ошибусь, сказав, что это, именно это, а не все материальные и прочие трудности, вместе взятые, останавливает подспудно женщину от желания родить даже второго. Чтобы еще раз оказаться в этом полном вакууме общения! В этих четырех стенах, где слова сказать никому! Не мужу же звонить каждый раз на работу, когда тебя терзают мысли вроде «А что если из-за этого сползшего на морозе чепчика у ребеночка начнется менингит?» А иногда и звонишь, так как порой и позвонить-то никому... Нянечки и домработницы тут не помогут – быт они, конечно, облегчат, а вот реального сочувствия, соучастия, любви и общности интересов ни за какие деньги не купишь! Это может дать только родной или близкий по духу человек.

Православным женщинам тут мог бы помочь приход, да вот беда – когда общаться-то? Времени ведь ни у кого нет! В церкви по воскресеньям? Да ведь нельзя болтать в храме! Вон ведь цыкают уже, да и за детьми присматривать надо, а то и на них зашипят. А после службы какое там общение: дети устали, быстрее бы до дома добежать... Вот было бы замечательно, если бы наши пастыри выделили для матерей несколько часочков, в субботу, например, и местечко, где можно было бы чайку попить и по-

«Три года мучений», и начнется «новая жизнь».

общаться, а наши мужья отпускали бы нас на эти часочки! Но это я так, к слову.

Так что же делать нам, выпавшим из собственных традиций и не создавшим новые? «Сестер мужей» ведь себе не нарожаешь. А традиции – они на то и традиции, что не создаются искусственно, а формируются временем. Но раз нельзя создать традицию, можно ведь попытаться сочинить идеологию. Идеологию материнства в современных реалиях российского мегаполиса или глубинки.

Ведь нам больше ничего и не надо! Не всякая с этим согласится, но ведь я не столь уж неправ! Вы, наши добрые пастыри, призывающие нас к чадородию, и вы, ученые мужи, пишущие о демографическом кризисе в России, вы объедините, покажите, расскажите нам, КАК растить детей сегодня, – не абстрактных деток абстрактного времени, а вот этих, в этих непригодных для этого предприятия условиях, воспитайте этот подвиг многодетности, в конце концов! И ведь это действительно подвиг, – быть ежедневно «не таким, как все», не потреблять в нашем обществе потребления, а давать, давать без праздников, выходных и отпусков!

Нет, конечно, сегодня много пишут, даже и светские издания, о многодетных семьях, рассказывают счастливые истории их трудовой жизни. Но ведь это, как правило, уже финал, завершение, созревшие плоды. Кроме того, все эти удавшиеся примеры многодетности формируют женщины талантливые, одаренные способностями к материнству. А как же быть начинающим, где черпать силы и опыт? Как быть нам, безруким, не умеющим вдевать нитку в иголку, не знающим, как сварить борщ,

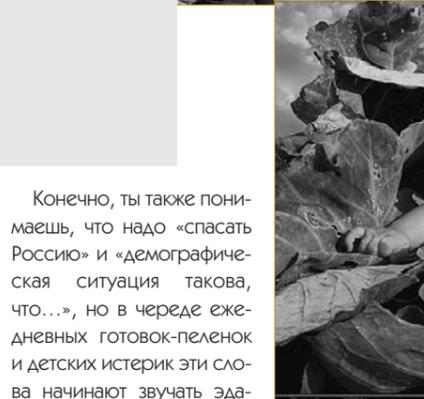
«Ты сперва двух бабушек роди!»

зато наученным учиться, учиться и учиться, а потом работать и еще раз работать и тоскующим в домашних клетках? Вы ведь и таких призываете не уклоняться от материнства в полном его объеме!

Я порой смотрю на юных старшеклассниц из православных гимназий, с усердием сдающих экзамены и поступающих в разные вузы, мечтающих об интересной работе и общественном поприще, и мне делается грустно. О, нет, Боже упаси, я не против высшего образования, но как представить их потом в четырех стенах, в халате, после яркой студенческой жизни, походов-поездов, общений-развлечений, уже почувствовавших отчасти свою полезность на разных «работах», – и подумаешь: «На те же грабли...»

А ведь так просто уклониться и не рожать! Совесть, конечно, подсказывает тебе: как же ты хочешь строить свою жизнь в соответствии с Промыслом Божиим о тебе, когда в этом, самом главном для тебя деле не готова поло-

житься на Него? Конечно, ты все это понимаешь, но реальность жизни такова, что тебе нет возможности вырваться даже в поликлинику «зуб починить», что на жизнь не очень хватает (а многим и жить «не очень есть где»), что дети беспрерывно болеют и твое здоровье оставляет желать лучшего... А вокруг, на детских площадках, рассуждают о том, что вот, мол, «три года мучений» – и начнется «новая жизнь», вот подрастет единственное (или даже второе) чадо – и «мы сядем в голубой самолет и полетим к синему-синему морю», а ты мечтаешь, что вот сяду, мол, в ближайшую электричку и поеду в ближайший лесок. Хоть на часок. И закрадываются мысли: а не легкомысленно ли в ТАКОЙ ситуации «просто положиться»?

Конечно, ты также понимаешь, что надо «спасать Россию» и «демографическая ситуация такова, что...», но в череде ежедневных готовок-пеленок и детских истерик эти слова начинают звучать эдаким фарсом – уж не выдумала ли ты все это, не нафантазировала ли в свое убаюкивание? Тоже мне, «спасательница»

Или современной женщине позволено уже спасаться не только чадородием?

нашлась, согли своим лучше всем утра! И соглашаешься: «Да, да, да, куда это я, вон Маша с русой косой, она и шить, и вышивать, и даже вязать умеет, и коня на скаку... – ей и спасать, а мы уж как-нибудь...»

Вот и растолкуйте нам, немоощным, пожалуйста, действительно ли нужно нам это для спасения души или современной женщине позволено уже спасаться не только чадородием?

Объясните нам, нужно ли это для спасения России? И если все это кажется вам нужным и важным, то напишите об этом, скажите проповедь и не забывайте повторять, повторять и повторять об этом еще, и еще, и еще раз, потому что нам, забывчивым и унылым, просто неоткуда больше черпать силы, нечем отбиваться от бесконечно повторяющейся иной идеологии проживания жизни «мира сего», идеологии «планирования семьи» со всеми ее соблазнами. Создайте нам нашу идеологию, а мы, если хватит сил, сплетем из нее традицию!

И может быть, в дедьях городских кондоминиумов или в глухой российской глубинке православная женщина будет знать, что она тоже трудит-

ся и делает большое и полезное дело, и дело это, если Бог даст, принесет в свое время плоды. И, быть может, когда-нибудь, через 2–3 поколения, мы обгоним и перегоним южные народы и наполним нашу страну православными детьми.

Закрывать глаза и понять, что или **Чтобы стало**

у тебя нет ничего дороже, на капельку больше счастья

Беседовала
Ирина
Капитан-
никова

Дискуссия вокруг роли семьи в современном обществе на сегодняшний день, пожалуй, одна из наиболее острых. Констатируется отсутствие, за редким исключением, такой черты традиционного общества, как патриархальные семьи, но стремительно распадаются и так называемые малые семьи. Что будет дальше, если социологи насчитывают до 70 типов семьи? Что будет лежать в основе? Помочь нам разобраться в этих вопросах мы попросили аспирантку социологического факультета МГУ и дочь настоящей большой семьи Викторину Бозрову* как специалиста и просто хорошего человека.

— Вика, расскажи, пожалуйста, что такое большая осетинская семья?

— Для меня семья — это не только мама, папа и дети, но и более широкий круг близких, когда в состав семьи входят 3–4 поколения. На Кавказе, в Северной Осетии, до сих пор существует такое понятие семьи, существуют семейные курты — ежегодные встречи всей фамилии. В Осетии нет понятия «однофамилец», то есть если ты Кузнецов и он Кузнецов, то вы обязательно родственники. И каждый год та или иная семья в составе двухсот-трехсот человек встречается в определенном месте, чаще там, откуда произошла фамилия, для того, чтобы поколения были знакомы между собой, ради общения, передачи каких-то традиций. Жизнь показывает, что если каждый живет своей малой семьей, то люди не очень часто встречаются, троюродные братья могут не знать друг друга, что мы часто видим в мегаполисах.

У нас старшее поколение обычно назначает среди младших ответственного за то, чтобы люди друг друга знали. Этот человек должен сообщать о всех свадьбах, событиях, о появлении детей, о каких-то достижениях в фамилии. Еще раз повторюсь, понятие фамилии и понятие семьи нераздельно на Кавказе. Поэтому столь важно сохранять

достоинство и честь семьи — ведь ты можешь опозорить не только себя и своих родителей, но и всю фамилию. Бывает и такое, что отцы выгоняют детей из семьи: «Уходи, ты не часть семьи, ты позор семьи».

— Интересно, существуют ли проблемы отцов и детей, и как они решаются?

— Конечно, существуют. Другое дело, что в патриархальных осетинских семьях есть такое понятие, как «воспрет». Воспрет — поднимать голос и запрет спорить со старшими, то есть именно культ старшего и культ матери. За столом младший не может начать говорить, пока старший не скажет и не даст ему права высказаться.

Это сдерживает конфликты, хотя, конечно, не сводит их полностью к нулю. Но, скорее всего, дело не в национализме. В русских семьях, где в основе патриархальный строй, где признан авторитет отца, главы семьи, не всякий ребенок будет разговаривать с отцом на равных, в каком бы возрасте ни был. Каких бы высот в жизни ты ни достиг, всегда остается субординация. Такое же отношение и к матери.

— Скажи, пожалуйста, как, по-твоему, должна проявляться верность в семье? Где в семье место этому понятию?

— Верность в семье — это очень сложный вопрос. Когда создается семья, мы все

надеемся, что он и она будут искать друг в друге оплот. Но жизнь показывает, что в современных больших городах, где контроль социума, контроль семьи утерян, человек вдруг понимает, сколько всего интерес-

ного вокруг, и вот тут начинаются маленькие драмы в семье. Я видела несколько таких семей, добрых, красивых, которые приезжают из регионов, где они живут большими семьями с родителями, в Москву, и здесь сталкиваются с понятием измены. Является ли измена продуктом мегаполиса? Скорее всего, да. Когда все дозволено, когда человек понимает, что наказания

не будет, избежать измены порой бывает невозможно, хотя бы потому, что даже если вначале ты сам не хочешь, потом постепенно втягиваешься. Маленькая оплошность, один поход с друзьями в ресторан, и может все закончиться совершенно непонятным образом. Многие и многие семьи, и молодые, и старые, не готовы к жизни в больших городах. Как социолог хочу

подчеркнуть, что в больших городах начинают действовать абсолютно другие законы. И это даже не от количества людей, а от количества соблазнов и различных способов проведения досуга. В небольших городах, где живут общинами, как в средней полосе России, на Урале, в Сибири, люди даже не догадываются, насколько может быть развращен мир. Они знают, что сего-

дня вечером, например, всей семьей пойдут гулять в парк. А как происходит в Москве? Кругом так много свободных мужчин и женщин, ищущих любви, а везде масса кафе, ресторанов, никто никогда не отслеживает, где ты был. При пятнадцати миллионах населения никакая бабушка на лавочке не проконтролирует и не скажет, что ты делал. В детстве мы боялись: маме и папе расска-

Виктория Бозрова,
аспирантка МГУ
имени Ломоносова,
руководитель кадрового
агентства.

жут, что я яблоки рвал в чужом саду, поэтому я лучше не полезу с этим мальчишкой. Но когда мы видим, что никто не узнает... В каждом из нас есть понятия и добра и зла, другое дело, что чему-то мы даем в себе реализоваться, а чему-то нет. И вот эти ростки какого-то не совсем правильного поведения вырастают скорее там, где им дают больше, поливают, ухаживают. То же самое, наверное, когда ребенок из тепличных условий семьи попадает в среднестатистический садик и через месяц произносит такие слова, что ой-ой-ой. Также и взрослые — те же дети — через месяц пребывания в большом детском садике по

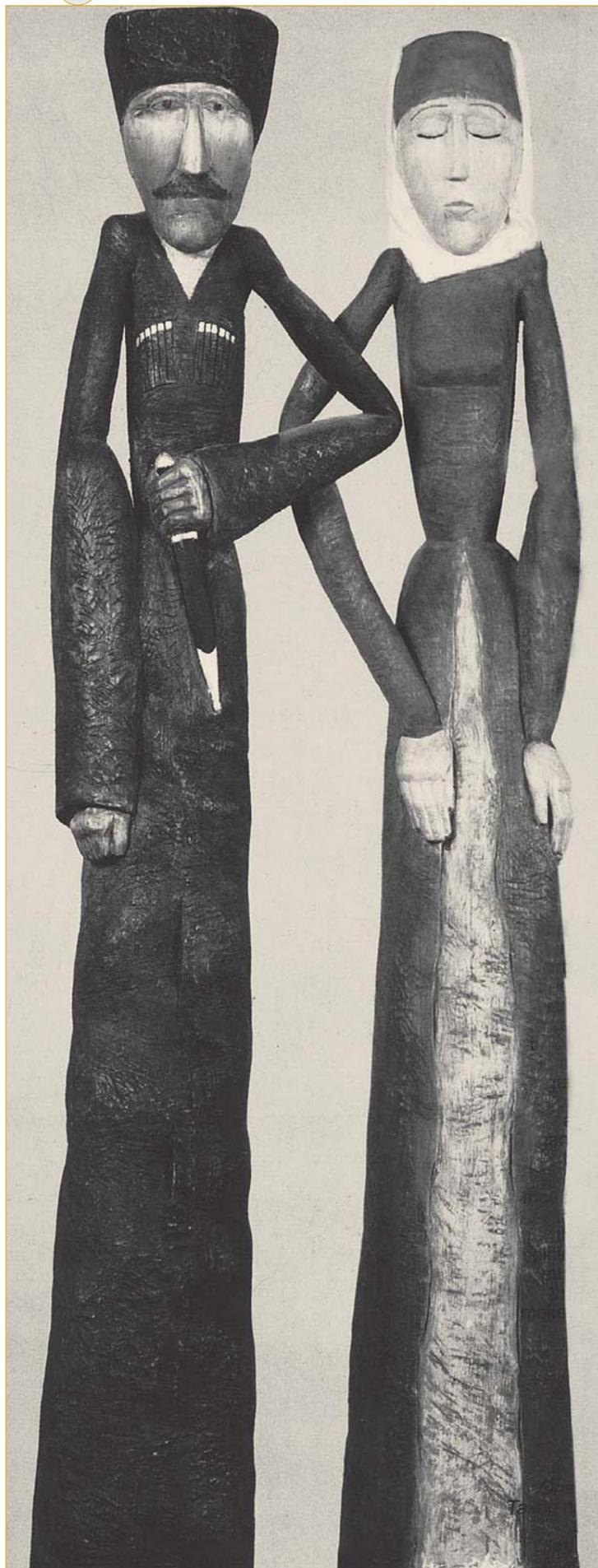
Народ, теряя внутренние связи, теряет себя.

имени «мегаполис» произносят не только плохие слова, но и совершают плохие поступки. Если некий родитель (а здесь родителями для себя должны быть мы сами) может сказать ему, что это плохо, что так делать нельзя, то ребенок может вернуться к нормальному образу жизни.

По своей семье я могу сказать следующее. Если в человеке заложено понятие «Это моя семья, и вносить грязь в свою семью я не хочу», тогда мы можем говорить о верности. Может быть, это способ воспитания, может быть, пример родителей, потому что, глядя на них, мои родители тоже принесли в семью понятие чистоты. Благодаря пониманию, что двое стали одним, барьер верности сложно переступить, несмотря на всякие ссоры, недомолвки и просто жизненные трудности.

— Если трактовать понятие верности с другой стороны: отношения между поколениями, между детьми и родителями?..

— ...тогда скорее всего, верность в семье — это верность семейным ценностям. Если ты живешь по человеческим законам и своих детей воспитываешь по тем же принципам, что заложили в тебя твои родители, конечно, считаешь с изменениями в социуме, потому что нельзя замкнуться на каком-то одном этапе и не развиваться, то я могу сказать следующее. Если взять классический русский обычай и взять обычай любой традиционной семьи Кавказа, Закавказья или Средиземноморья, вряд ли они очень сильно отличаются друг от друга. Вряд ли мы найдем какой-то народ, у которого в обычае было не смотреть за своими стариками, и т. п. Преемственность поколений очень много значит, но опять же она может быть там, где старшие в свое время заложили это в детей. Если родители вкладывают в своих детей какие-то понятия, ценности, то дети отвечают им тем же. И, может быть, со мной не согласятся, но дети во многом повторяют своих родителей. Верность родителям в семье —

это верность семейным устоям. Понятие чести, благодарности даже вносит свою лепту в создание образа себя в глазах своих детей, в глазах окружающих. Может быть, это признак тщеславия, но на Кавказе всегда это играло существенную роль. До недавнего времени там не было детских домов. Понятий «безотцовщина», «сирота» не было, ребенка всегда брали в семьи братья, дяди, тети, другие родные. Сейчас, к сожалению, надо признать, что сирот много, сирот, у которых на самом деле есть родные.

— Вика, к тебе вопрос как к специалисту. Как все мы знаем, на смену патриархальной большой семье в XX веке пришел тип так называемой малой семьи, когда мама, папа, двое детей живут замкнутой ячейкой. Но в начале XXI века мы наблюдаем, что и такой тип семьи претерпевает развал. Каким тогда может быть следующий этап? С твоей

Семьи становятся временным приятным совместным проживанием.

точки зрения, можно назвать это явление закономерным, связано ли оно органически с развитием экономики, всего общества?

— Как социолог я могу сказать, что это абсолютно закономерный процесс. В социологии мы встречаем различные трактовки, когда два однополых представителя человечества тоже уже считаются семьей. Можно ли это назвать семьей? Субъективная моя точка зрения — нет. Но как специалист я вынуждена согласиться с наукой. Жизнь показывает, и это факт, что семьи распадаются, браки создаются не раз, не два и не три, дети воспитываются одним отцом, настоящий отец другой, потом еще отчим. Это закономерный процесс, потому что теряется какой-то внутренний стержень, остается просто функциональное назначение: сегодня мне так хорошо — мне так хочется. В итоге люди превращаются в жертв своих собственных инстинктов, и семьи почти официально становятся временным приятным совместным проживанием. Взять хотя бы Москву: большая часть семей — это семьи уже распавшиеся или находящиеся на грани развода.

Опять-таки это все объясняется развитием не только экономики, но и инфраструктуры. Никому в голову бы не пришло, живя в деревне, где на одной улице выросло 4–5 поколений, по 5–7 раз менять семьи. Это касается любой национальности. Ведь тебя все знают с рождения, и каждая бабушка знает, кто была твоя бабушка и что делал твой дед. Теперь, когда жизнь разбрасывает нас не только по одной стране, но и по разным континентам, на-

род начинает рассуждать, что жизнь дается один раз и почему бы не воспользоваться всеми ее прелестями. Это беда, что народ, теряя внутренние связи, теряет себя. Я сомневаюсь, что люди, у которых такое легкое отношение к семье, очень довольны жизнью. Но так уже получилось, что отсутствие социальной ответственности приводит к отсутствию внутренней ответственности, личной ответственности человека перед собой.

— Можно ли и нужно ли в таком случае с этим явлением бороться и за что бороться? За патриархальную семью или хотя бы уже за эту малую?

— Бороться нужно хотя бы для того, чтобы на одну каплю счастья было больше. Если ребенку с детства показать, что такое настоящая большая семья, что такое понятие любви в семье, любви друг к другу, любви к ближним, думаю, что счастливых людей будет больше. Люди, которые живут в мире без правил, — это несчастные люди. И бороться с этим нужно хотя бы в своих семьях, пусть по крупицам, но создавать эту традицию добрых больших семей. Бороться с этим можно только своим примером,

наверное, чуть больше любить людей и нести любовь не только посторонним, но и тем, кто рядом с тобой. Может быть, имеет смысл иногда оторваться от семейных проблем и не столько их утрировать, сколько посмотреть на них по-другому, закрыть глаза и понять, что у тебя на данный момент ничего дороже нет. Бороться надо. Но начинать надо с малого. Сложно бороться за что-то большое, если малое разваливается. Пусть у тебя два-три ребенка или даже один, но чтобы этот ребенок имел понятие семьи, семейных ценностей. Стараться, конечно, чтобы семьи были больше, но, может быть, пока это нелегко. А сейчас нужно, чтобы семья была не только на бумаге, а чтобы было понятие семьи, элементарное проявление таких семейных традиций, как семейный ужин, семейные встречи, семейные праздники, семейное обсуждение, когда в семье один ребенок обучается от другого, воспитывает его, чему-то учит, играет с ним. Не для того, чтобы снять с себя какие-то обязанности и переложить их на ребенка, а для того, чтобы с детства воспитывать в ребенке чувство ответственности за окружающих, ответственности и за старших, и за младших. Наверное, за понятием ответственности за окружающих, любви к окружающим и появляется внутренняя потребность создания больших семей, потому что у детей, выросших в любви, есть потребность в большой семье, даже если у них была не очень большая семья. Дети, которые видели любовь в своей семье, хотя бы дарить любовь как можно большему количеству людей.

Из осетинских традиций

Обычно на телевидении после новостей объявляется о том, что в такой-то фамилии происходит курт — пир, если говорить русским языком, свадьба или другое крупное событие. И нет понятия, что кто-то приглашен, а кто-то нет. Если народ знает, что в каком-то доме свадьба или какая-то беда, кто-то скончался, приходят сами по себе, очень редко бывает, что разносят специальные приглашения. Хотя молодежь этой семьи разъезжает по дальним уголкам республики и сообщает, что фамилия такая-то проводит семейный сбор и просит присутствовать всех членов этой фамилии, а также племянников, то есть все породнившиеся семьи. Если представитель одной фамилии женится на девушке из другой фамилии, то все родственники этой девушки становятся племянниками этой фамилии. Девушки при этом часто носят свою фамилию, не беря фамилию мужа, подчеркивая преемственность с той фамилией, из которой она пришла. В ходе застолий есть особенность, что старшие мужчины всегда сидят отдельно от молодежи. Молодежь допускается, только чтобы ухаживать за старшими, потому что когда за столом стоят спиртные напитки, женщины не могут туда приходить. Эти свои особенности, наверное, продиктованы тем, чтобы не вызывать различные сложные ситуации и чтобы в одной фамилии не произошло каких-то драк или ссор. За столом первым сидит старший, справа от него садится менее старший, менее уважаемый. Понятие «старший» — это не только возраст, но и статус и уважение фамилии. И так вправо и влево идет по убывающей. Статус — это не только твоя должность, а то, чего ты добился в свои годы. Если ты стал известным музыкантом, футболистом, ты можешь сесть за стол к старшим. А так понятие старшего начинается от 40 лет. Пир собирается раз в несколько лет. Свадьбы и прочие мероприятия идут совершенно отдельно: фамилия может собираться много раз в год, но обычно все триста человек не приходят на каждую свадьбу, потому что тогда люди только бы и ходили по свадьбам и ничем больше не занимались.

Когда я узнал, что у друга умерла мать, естественно, я сразу бросил все дела и быстро поехал к нему...

Беседу
записала
**Наталья
Архутич**

Яркая эмоция

Я вырос в Грузии, и у нас обычно, когда умирает человек, его тело сразу привозят в дом, приходят родственники, друзья, во всяком случае, не оставляют его родных одних в беде. Постоянно кто-то находится рядом.

Я ехал с теми мыслями, что вот сейчас я приеду к нему в дом, я там должен быть и поддержать его в этой ситуации.

У него трехэтажный особняк в элитном коттеджном поселке. Он очень обеспеченный человек, места в доме достаточно, чтобы устроить поминки. Когда я приехал, мне открыла дверь его жена. Я, естествен-

но, со скорбным лицом захожу. А она так спокойно говорит: «Здравствуй, Шота, заходи». Я захожу и спрашиваю, где N. «Он, – говорит, – в бассейн пошел, плавать». Честно говоря, всего ожидал, только не этого. Я был шокирован. Я зашел в дом. У них горел камин и был включен телевизор. Она смотрела какую-то программу, пока муж был в бассейне. Первое, что я искал глазами, – где тело? Потому что у меня даже не было мысли, что можно тело оставить в морге и не привезти домой. Где-то минут через 40 пришел хозяин дома. Я выразил свое сочувствие, посидел с ним пару часов, потом понял, что в принципе-то поддерживать особо и не нужно. Ну да, мать умерла, но чтобы человек был в глубокой скорби, я не заметил. Вот это была для меня яркая эмоция, неожиданность. Даже если дома и нет тела, я представлял, что он, например, лежит и в подушку рыдает. А он вошел спокойно, в спортивном костюме, бросил сумку в угол, сел, со мной поговорил – и все. Ни на второй, ни на третий день мое присутствие не было нужно, потому что ничего не надо было делать. Единственное, правда, – он не выходил на работу в эти дни.

! Я в первый раз в жизни столкнулся с такой системой похорон.

Я не смог бы пойти в бассейн и плавать, если бы был в глубокой скорби. У меня бы в первый день лились слезы градом, а на второй день, может быть, у меня высохли бы все слезы, и я не мог бы выражать свои эмоции внешне, но внутри мне все равно было бы плохо.

Не нарушая комфорта

Я в первый раз в жизни столкнулся с такой системой похорон. Привык немного к другому. Получилось так, что в день похорон мы все собрались у N. Тело домой так никто и не привез. Мы поехали в морг, там уже все было заранее оплачено. Когда мы вошли, тело уже лежало в гробу: красиво подкрашенное лицо, все оформлено аккуратно. Я не заметил, чтобы N как-то ущемил свое спокойствие, кроме как материальными расходами. Заплатил за дорогой гроб, за ритуальные услуги...

Была церемония прощания – мы прошли полукругом вокруг гроба в морге, после чего гроб вынесли в небольшую часовню,

ГДЕ ТЕЛО?

где прошло отпевание. Сразу после этого перенесли гроб в катафалк и отвезли на кладбище. Там похоронили, и после этого все приехали к нему домой, где уже был накрыт стол, и сели поминать.

Дело житейское...

Часа через три-четыре, я извиняюсь за выражение, все были в дюпель пьяные, и, честно говоря, по-моему, забыли, зачем собрались; пошли анекдоты, хохот, смех, разговоры о делах...

В Грузии мне случалось бывать на похоронах русских людей, у меня немало друзей там, но все было по-другому. Честно говоря, я был шокирован самим отношением к покойнику. Я в первый раз был в Москве на похоронах и понял, что все было сделано так, чтобы ни в чем не ущемить комфорт тех, кто остался жив. Я испугался того, что это принято в Москве в каждой

семье. Но оказалось, что нет. Все-таки принято забирать тело, держать его три дня дома, после чего везти в храм и потом уже на кладбище. Я успокоился: может быть, это был из ряда вон выходящий случай, а может быть, это просто зависит от веры человека в загробную жизнь.

Вода и негативные эмоции

Я не сомневаюсь в том, что он скорбел. Но больше всего меня потрясло и врезало

в память не то, что тело пролежало в морге три дня и ни на минуту не было принесено в дом, а то, что он плавал в бассейне в день смерти матери.

Я пришел домой и рассказал это своей маме. Она у меня дипломатичный человек и хорошо знает N. Чтобы у меня не испортилось к нему отношение, она сказала мне, что он пошел снимать стресс, – вода забирает негативные эмоции. Она меня не убедила. Я считаю, что она искренне это сказала, вряд ли она поступила бы так же.

Если бы в Грузии произошла подобная

ситуация, об этом говорили бы несколько месяцев. Человеку, который так поступил, было бы очень трудно, потому что он постоянно чувствовал бы разговоры за своей спиной.

Возможно, кто-то соблюдает традиции из-за мнения окружающих, а кто-то чувствует в этом действительную необходимость.

Каждый человек по-разному воспринимает смерть близких. Сама обстановка тех похорон, где я был, у меня оставила

такое впечатление, что в принципе ничего из ряда вон выходящего не произошло.

! Все, казалось, забыли, зачем собрались.

шло. В жизни N это была как будто рядовая ситуация, он не ущемил себя практически ни в чем.

ГОРОД И ГОЛОД

В Москве над проспектами мерно покачивались многообещающие рекламные ленты «ГОЛОД. С 7 августа». И хотя, проезжая под очередной, можно было успеть догадаться, что речь идет всего-то о новом реалити-шоу, чувство голода начинало неизменно одолевать. И вдруг ощущалась острая нехватка здоровых идей, свежего воздуха и нормального пейзажа вокруг...

Авторы:
**Анатолий
и Наталья
ЗЫРЯНОВЫ***

Ушибленные ширью

И вот мы, что греха таить, наевшись столичных «деликатесов», рванули куда-нибудь подальше, в далекую северную глушь – побыть в тишине и созерцании.

За окном мелькали города и деревни, и мы не переставали удивляться загадочности русских названий: Выдропужск, Выползово, Долгие Бороды, Большое Опочивалово... Добывалово хорошо звучит в обязательной английской версии, где наша «ы» заменяется ихней «i»... Кто-то не поленился вместо обычного «Берегите лес» выпилить и водрузить на столбики (каждую букву отдельно!) «Еж пыхтит и морщится: что я вам – уборщица?»... От иных названий веет миром и нежностью: Миронегги, Миронезье, Миронушка... Эх, здравствуй, русская душа! Вроде едешь по трассе, да на хорошей скорости, вроде бы все – мимо, а вот как будто с родным человеком встретился – так хорошо на сердце от этих полей, сосняков, названий... А реки-то, реки! Как-нибудь Шексна, про которую, может, и слышалто за всю жизнь полтора раза, – широченная-а-а! А еще Мста... И Оять, над которой после дождя встает радуга и едва до середины реки дотягивается...

Вспоминается интервью с одним дедком, который в наше время пол-России пешком исходил, – просто так, чтобы лучше узнать свой народ, свою Родину. И как-то обидно, что жизнь свою мы тратим не на это. Не на то, чтобы приблизиться, прирасти, стать частью... Ведь если смотреть из Москвы (в главное окно – в телевизор), то Россия... она не такая. Она как будто не наша. А отъедешь немного – наша!

Недавно Майк Тайсон в интервью нашему тележурналисту восхищенно сказал: «Я обалдел, когда узнал, что в вашей стране 12 часовых поясов! Это ведь просто чума! И никто в мире об этом не знает!» А мы-то знаем?

Не зря, конечно, один из наших классиков еще в позапрошлом веке заметил: «Русский человек ушиблен ширью». В том, что это – правда, нет никаких сомнений; трудно понять другое – горькая она или нет. Но у многих из нас какая-то необъяснимая генетическая потребность – пересечь вдоль и поперек нашу ненормально большую Родину. И потому мы снова куда-то едем. А как же нам не ехать? Мы – горожане. А горожанин – человек, по сути, бездомный. Ну раз-

ве это не смешно – указав на двадцатидвухэтажную башню, сказать: «Это – мой дом»? И разве городская квартира, эта железобетонная ячейка, – нормальное пространство для жизни? Конечно, рано или поздно из нее куда-нибудь побежишь.

Впрочем, ходить и ездить хорошо, когда сам еще молодой и перспективный, или когда дети стали постарше, или когда внуки уже выросли. А для человека, связанного обычными «семейными обстоятельствами», остается только один способ (кстати, весьма надежный) хоть иногда отрываться от города и хоть чуть-чуть приобщаться к нормальной жизни – покупать дом на земле.

Чем мы лучше обезьян?

Скажете: у нас уже есть дача. Дача... Дача – это не деревня. Это те же самые, только шестисотковые ячейки (на некоторых – в пол-участка – шестисотые «мерседесы», которые вам еще нужно умудриться не поцарапать, протискиваясь мимо на узкой «линии»). На даче вы никогда не докажете своим детям, что они должны что-то сажать и выкапывать, если от этого ничего не меняется (не вырастет – в магазине купим). Ваш вид из окна зависит от высоты и частоты соседского забора. Вас, как и в городе, ничего не связывает с людьми, живущими рядом. Не пожив в деревне, вы никогда не прочувствуете, что такое посевная и уборочная, не зачерпнете этой радости не добывания, а созидания хлеба насущного, не переживете этого в прямом смысле «в поте лица» (в городе все больше – в дыме мозгов).

А ведь оторванность от корней порождает не только убожество душ, но и создание конструкций, подвешенных в воздухе (молчим о политике, взять хотя бы наш Гидромет, выдающий иногда столице прогноз на текущий день с десятиградусной разницей с реальной температурой. И хочется сказать: да ну его, этот ваш спутник, ведь в одном городе живем, выйдите на улицу с градусником или хотя бы без шапки!).

Как-то попала в глаза одна статья, точнее, письмо читателя в газету, где он очень убедительно говорит о том, что мы погрязли в городских удобствах, что мы зависим от них и этой патологической зависимостью напоминаем... обезьян, на которых охотятся очень просто: вкапывают в землю кувшины и на дно кладут несколько орехов. После чего охотник прячется и ждет. И вот обезьяна находит кувшин, запускает туда руку и набирает полную горсть орехов. Тогда из засады выходит охотник и бьет обезьяну палкой, но та не может спастись бегством, потому что не может расстаться с орехами и разжать руку, чтобы вынуть ее из кувшина. И охотник убивает ее. Так и мы будем бесконечно жаловаться на хронические (с детства) болезни, плохой воздух, тесноту и усталость, но не сможем разжать руку... Дом на земле, пожалуй, необходим хотя бы затем, чтобы знать: разжать руку можно.

А я уеду в деревню к деду

Впрочем, не всем это нужно доказывать. Сотни и тысячи изрядно «побитых палками» горожан понимают, что «орехи» того не стоят. И временами им кажется, что выход один – бежать в деревню (и пусть

Анатолий Зырянов

Президент Молодежного географического общества.
Действительный член Русского географического общества.
Специалист по садово-парковому искусству и усадебной культуре.

Наталья Зырянова

Жена президента Молодежного географического общества,
журналист, мама двоих детей.

она будет подальше и поменьше). Вот там и будет наконец хорошо – ни тебе толчеи, ни воя сигнализаций в три часа ночи, ни запаха газа по утрам от пылящего в соседнем районе нефтеперерабатывающего завода. Все вокруг будет исключительно благостно и приятно: в огороде свой укроп, под крышей – ласточкины гнезда, а за околицей – добродушная соседка, пасущая козу Нюру...

И тут возникает целый ряд (или столбик) разнообразных «но». Связаны они в основном с тем, как выбрать место, на которое можно было бы приземлиться. Можно, конечно, как в песне «Давай над картой мира подбросим фишку, и если это только не вечный лед...» Но разнообразные «но» могут выбрать на поверхность со временем и сильно испортить дело. В общем, если есть возможность их предотвратить, то лучше, наверное, сделать это.

Для начала неплохо бы выяснить, кто проживает в деревне, в каких количествах, какова занятость населения и хотя бы ближайшие перспективы (не секрет, что во многих российских деревнях 90 (!) процентов мужского населения – беспросветно пьющие люди). Для получения подобного рода информации надо посетить сельсовет.

Можно предположить, что со временем вы захотите жить в деревне не только летом. И если у вас есть маленькие дети, то через не-

которое время возникнет проблема их обучения. А школы в вашей деревне может не оказаться, или она будет уже закрыта, потому что к моменту вашего приезда в ней осталось только десять учеников, а с тех пор прошло еще сколько-то лет (не стоит рассчитывать, что ради сохранения школы деревенские женщины кинутся активно рожать). Готовы ли вы заменить детям преподавателей по всем школьным предметам? В одном национальном парке мы познакомились с молодым егерем, проживающим в маленьком домике в удивительно красивом месте. Вокруг – озера, сосновые боры и деревянные часовни. И

Горожанин – человек, по сути, бездомный.

все бы ничего, но у него есть семья: молодая жена и двое детишек. Старший из них в прошлом году пошел в школу. И это бы ничего, только школа эта от дома егеря в двадцати километрах. И вот весь год мальчишка, до сих пор никогда не оставившийся без родителей, по пять дней в неделю живет в интернате, в субботу утром отец его забирает (зимой – на снегоходе), а в воскресенье вечером возвращает чадо педагогам. И теперь отец-егерь всерьез озадачен проблемой приезда в ближайший город.

Впрочем, возможно, ваши дети – уже взрослые люди, а вы хотите спокойно дожить свои годы вдали от городской суеты. Но если речь идет не о родовом гнезде, а о поиске нового места, может быть, все равно не стоит принимать совсем уж самостоятельное решение. Мы знаем одну пожилую пару, ведущую фермерское хозяйство в глухой деревеньке. Старики сетуют, что детей своих видят редко. Как-то раз рассказали, что сыновья готовы им выделить крупную сумму для покупки дома с участком в любом другом месте, где был бы сосновый бор и круглогодичный подъезд. Однако родители здесь живут уже десять лет, приросли душой, многое сделано своими руками, да и многочисленную живность не бросишь – не перегонять же стадо за триста верст. Вот и маются – они без детей, а те – без родителей. Кто теперь скажет: может, и можно было лет десять назад просто вместе с детьми найти свою точку на карте – где и родителям хорошо, и детям несложно будет добраться, и внукам нескудно лето прожить? Ведь хороший подъезд плюс сосновый бор – разве это так сложно?

Не стоит забывать и о том, что деревня воспета классиками отчасти благодаря богатейшей фольклорной традиции, жемчужным ожерельем украшавшей грубую натруженную крестьянскую шею. И жемчуг этот надевали не только по праздникам. Весь каждодневный быт (читай: непрестанный труд) был им украшен. Творческая искра вспыхивала в истоках самого банального дела, превращая его в маленький праздник.

фото Евгения Соколова

«Осенью работы в поле и дома не меньше, чем в разгар лета. Женщины и девушки скрепя сердце забывали на время про лен. Но с первым снежком, с первым морозцем, когда все, что выросло на грядках, в поле, в лесу, прибрано, собрано, сложено, в такую вот пору и начинает сосать под ложечкой: лен, сложенный в гумне или где-нибудь в предбаннике, не дает покоя женскому сердцу.

Веселая паника может подняться в любую минуту. Какая-нибудь Марья глянет в окно, и покажется ей, что соседка Машка наладилась мять. Хотя Машка мять еще и не думала, а всего лишь поволокла в хлев ношу корма. И вот Марья, чтобы не попасть впросак, хватает с полатей сухую тресту и бежит к мялке куда-нибудь на гумно или к предбаннику. Машка же, увидев такое дело, бросает все и бежит мять. Не пройдет и суток, как вся деревня начинает мять лен...» (из книги В. Белова «Повседневная жизнь Русского Севера»).

Современные же люди в огромном своем большинстве – лишь пассивные (или активные) потребители продуктов культуры. Мы – слушатели и зрители. И если нам не покажут, не споют, не станцуют, мы вряд ли сможем достойно развлечь себя сами, так как уровень наших творческих возможностей не соответствует уровню наших запросов. И если в городе тысячи людей и заведений работают для того, чтобы мы не скучали, то в деревне это в лучшем случае – старенький сельский клуб.

И, наконец (впрочем, с этого стоило начинать), – есть ли храм в вашей деревне или где-то поблизости, куда можно пойти пешком, если со временем туда перестанут хо-

дить автобусы? И не закрыт ли он на неопределенное время? В глубинке вообще с этим сложно. Хорошо, если есть в храме постоянный священник, и, может быть, даже такой, что ездит по окрестным деревням в любую погоду (нет автобуса – на велосипеде) и служит по престольным праздникам в местных часовнях, и вы будете знать, что на Покров народ соберется в Грибаново, а на Святителя Николая – в Никулино... Но может быть и иначе.

Не ищите райский уголок

Но это – проблемы внешнего свойства. Есть еще наши внутренние проблемы. Не раз приходилось слышать: мол, хочу из этой

чи к вам может зайти кто угодно по неотложному делу (например: «Дайте 36 рублей до полочки»). В конце концов, вам самим наверняка что-нибудь от кого-нибудь понадобится. Да и просто перекинетесь парой слов с почтальоном, с продавцом в магазине, с соседкой – и через некоторое время... Одна наша знакомая, несколько лет прожившая в деревне, с улыбкой сказала: «Я не знаю, где тут находится центр социологических исследований, но только однажды вся информация о тебе, которую ты по грамму выдавал то одному, то другому, объединяется в цельную картину и становится известна всей деревне». И тогда сельчане выносят свой вердикт, от которого зависит их отношение к вам. Впрочем, если вы даже решите никогда никому ничего не рассказывать, все равно все будут знать хотя бы, от кого вы получаете письма и денежные переводы. В общем, в большом городе в каком-то смысле проще оставаться человеком-невидимкой. Но если вы все же решите расстаться со своей присущей почти каждому горожанину скорлупой недо-

Не вырастет – в магазине купим

верия, то, скорее всего, обнаружите, что вокруг вас живут открытые, доброжелательные люди, готовые, когда надо, прийти на помощь, и что ключ, уходя из дома, можно оставлять в почтовом ящике или на гвоздике на крыльце. Трудно, наверное, придется и тому, кто много путешествовал и видел разные потрясающие красоты. А средства не позволяют

фото Евгения Соколова

Ольга, 24 года, г. Санкт-Петербург:

Чему же я верна? Да, по большому счету, ничему, наверно. Слово нарушаю. О родителях плохо забочусь. Ничего по-настоящему полезного пока для страны своей не делаю. А замуж я еще не вышла. Зато есть потрясающая верность собственному упрямству, лени, безволию, а главное — эгоцентризму. Чему я бы хотела быть верна? Да, наверно, всему, уже упомянутому вначале. Во всяком случае, брак без верности для меня невозможен. А самое главное — быть верной десяти заповедям, которые нам даны.

Мария, 23 года, г. Москва:

Если говорить по существу, то для меня главное — быть верной своей совести. Почему? Потому что это голос Бога в человеке, основа его духовной жизни, составляющей стержень самой жизни. Только слушая этот голос, можно реализовать смысл жизни — быть с Богом.

Евгений Б., г. Москва:

На мой взгляд, верность — это все-таки не только качество, а в большей степени духовное умение. Предположим, есть девушка и молодой человек. Они однажды встретились, полюбили друг друга, решили жить вместе, но свои отношения никак не оформляют. Они любят друг друга и смогли прожить так несколько лет. Но потом устали, стали ссориться и наконец решили разойтись. Парадокс в том, что, хотя любить они друг друга не перестали, но жить вместе уже не могут! Поэтому любовь, желание быть верным и умение быть верным — это разные вещи. Этот навык включает в себя и терпение, и способность оставаться значимым для своей половины, и умение снова и снова строить свои отношения так, чтобы они были новыми и интересными для обоих. Ведь желание может быть, но умения оставаться верным нет! На самом деле верность — это самоограничение человеческого ума и более ничего. Вот так блюдешь ее, родимую, а потом оказывается, что ты сам дурак... Ладно бы просто «сам дурак», а то еще обида на всех. Все кругом виноваты, а заранее подумать — лень. А быть верным себе и своим принципам, наверно, тоже не всегда и не совсем правильно. Иногда стоило бы поступить тем или иным капризом, называемым принципом. Ради других. Ради себя же. Ты не один на свете.

Ренат, 20 лет, г. Москва:

Чему я верен? Хмм... Вероятно, себе. Почему? Да потому что это самое главное. Не будучи верным себе, ты не сможешь себя уважать. Можно игнорировать мнение окружающих. Но от самооценки никуда не деться, а обманывать самого себя — вообще последнее дело...

Сергей, 22 года, г. Дубна:

Я верен своему слову, которое я давно дал себе, — сопротивляться и оставаться Человеком.

Сергей, 22 года, г. Дубна:

Я верен своему слову, которое я давно дал себе, — сопротивляться и оставаться Человеком.

Окунев Павел, 20 лет, г. Екатеринбург, студент матмеха УрГУ:

Верность... Верность... Это значит, что ты определил для себя какие-то правила и выполняешь их. Правила могут касаться разных вещей. Эти правила зачастую трудно выразить словами. О них лучше говорят действия.

«Ищу то, чему можно быть верным»

Костя Лисичкин, 16 лет, г. Екатеринбург, студент философского факультета УрГУ:

Верность — это когда каждую ночь просыпаешься в одной и той же постели. Верность — это когда ты долгое время следуешь своим интересам и четким убеждениям без тени сомнения и лишних раздумий. Впрочем, бывает верность без принципов и убеждений. Когда человек следует своей непостоянности. Допустим, у человека импульсивного с трудом получается быть верным. Если бы не было на свете верности, был бы хаос.

Наташа Павлова, 19 лет, студентка философского факультета УрГУ:

Слово «верность» можно очень хорошо и часто юзать, то есть использовать. В политических, религиозных, каких-то еще сферах. Слово практичное. Оно очень неоднозначное, хотя претендует на кромешную однозначность. Для меня верность — прежде всего верить самой себе, тому, что ты можешь и дальше следовать своим принципам.

Иван, 24 года, г. Москва:

Только стараюсь быть верным, еще очень много надо для этого потрудиться. Есть всегда в жизни какие-то постоянные основы, которые мы очень часто забываем: что нужно быть человеком добрым, помогать как-то людям, обходиться с людьми по-человечески. В жизни появляются новые ложные ценности, которые почему-то воспринимаются как современные, актуальные, злободневные. Хотелось бы всегда оставаться верным тем простым истинам.

Владимир, г. Киев:

А разве в современном обществе востребована верность? Если не говорить о семейных отношениях, она мертва. Оттого мы и теряемся называть свои чувства верностью — даже там, где есть ее следы.

Григорий, 21 год, г. Москва:

Я не знаю, чему я верен. Можно сказать: себе, своим идеалам, своему кредо, своим принципам, своей мечте. Но кто они — эти идеалы, и где их можно объективно посмотреть? Я могу с уверенностью сказать, что НЕ верен Родине. Я в жизни в общем-то тем только и занимаюсь, что ищущу ТО, чему можно было бы быть верным. Чтобы оно стоило меня и чтобы ему можно было бы посвятить себя. Наверно, это называется Истиной.

Прохожий:

Быть верным себе и своим принципам, наверно, тоже не всегда и не совсем правильно. Иногда стоило бы поступиться тем или иным капризом, называемым принципом. Ради других. Ради себя же. Ты не один на свете.

Харисова Катя, 17 лет, г. Лысьва Пермской обл., студентка матмеха УрГУ:

Я лично очень верна своей Родине, я патриотка. Многие

хотят ехать в Америку, жить там, работать. А я считаю, что добиваться чего-то нужно только в России. Я родилась здесь и хочу послужить своей стране.

Лена, 18 лет, г. Москва:

Вопрос поставил меня в тупик. А что вообще значит быть верным, не любя. Любовь — это наша ниточка из мира временного в мир вечный. Быть верным значит быть постоянным, а быть постоянным по отношению к чему-то преходящему невозможно без настоящей любви. С другой стороны, верность — один из китов, на которых настоящая любовь стоит. Было бы самонадеянным сказать, что я верна по-настоящему Богу и Церкви. Но стараюсь.

Алексей Винник, 17 лет, г. Екатеринбург, студент юридической академии:

Верность — преданность одному делу, если это касается какого-то занятия, которому ты посвящаешь свою жизнь. Вот мы поступаем в вузы. Наша верность строится на том, чтобы, выбрав свою профессию, всегда двигаться вперед и ставить ту планку, которую ты можешь побить. Если ты ее побьешь, ставить все выше и выше. А если это касается отношений с девушкой, то верность, естественно, строится на любви. Без любви верности не бывает.

Проводили опрос Мария Еременко, Ирина Капитаникова и Ольга Захарьян фото: Роман Савенко

Памелла:

На самом деле верность — это самоограничение человеческого ума и более ничего. Вот так блюдешь ее, родимую, а потом оказывается, что ты сам дурак...

Роман, г. Львов:

Не все так просто. Сегодня сознание человека испытывает массивную атаку разных информационных источников. Некоторые люди успевают по нескольку раз за жизнь кардинально изменять свои взгляды на те или иные вещи. Некоторым приходилось менять свою конфессиональную принадлежность. Кое-кто становится атеистом, кое-кто находит Бога. По моему мнению, не так плохо, если человек вообще может менять свои взгляды. Хуже, если человек поступает вопреки им. Поэтому на поставленный вопрос я ответил бы так: стараюсь быть верным своим взглядам.

Катя, 24 года, г. Санкт-Петербург:

Наверное, людям... Ведь предательство — это так больно.

Петя Чукин, 16 лет, студент УрГУ:

Скажу о верности Родине. Верный Родине человек не только честно служит в армии и воюет за страну. Он никогда не имеет о Родине худого мнения и не говорит, что ему в России не нравится. В том числе, и находясь за границей.

Алексей Львов, 17 лет, г. Екатеринбург, студент матмеха УрГУ:

Если ты верен, то поддерживаешь друга в трудную минуту. Это главное в верности. Если бы на земле не было верности, каждый человек был бы сам за себя. Все бы жили порознь. А ведь говорят, что когда человек один — он не столь силен. Другое дело, когда все — друг за друга.

опрос

Все это было

Рядом с нами неспешно текут чьи-то жизни. Странно об этом думать, но каждая такая вереница будней на земле оставит свой след. И лишь немногие – свет. Он может быть тихим сиянием долгой жизни, а может – пронзительной вспышкой Любви...

История любви

Он был старостой храма в Переславле-Залесском. Она – его женой. Когда он умер, она все подготовила к погребению, а спустя восемь часов после его смерти легла и тихо скончалась.

Больше я о них ничего не знаю. Но почему-то верится, что жили они свято.

Материнский крест

Она проводила на фронт трех своих сыновей и мужа. И осталась проживать свою войну в глухой архангельской деревеньке. И материнская, женская тоска ее утолялась лишь верой. А вера укрепила ее руки. И сделала она своими руками большой деревянный крест. И поставила его на холме. И молилась перед ним на коленях. Все ее мужики с войны домой возвратились. А шла-то война четыре года.

Отцовская рана

Он и сына-то на руках не держал – ушел в армию, когда тот еще не родился. Отслужил, его домой уже ждали, как вдруг грянула война. И – снова в строй. А когда отсалютовали победу, опять домой не попал – его, бессменного «пахаря войны», в составе войск направили освобождать Европу.

Сынишка рос на материнских руках. А как подросток, надоумил его кто-то молиться за папу: «Сохрани, Боженька, папочку от вражеской пули». Так и молился – каждую ночь. Матери наказал будить его, если уснет без молитвы, а иной раз и сам просыпался.

А однажды, когда дома с едой стало совсем уж туго, отправила его мать за реку, к бабушке, – молочком подкрепиться. Набегавшись да наевшись досыта, уснул мальчонка, да в непривычной обстановке проспал, не просыпаясь, до самого утра. И никто ему не мешал. А утром вспомнил, что об отце не помолился, – в слезы: «Что ж ты, бабушка, не разбудила меня?!» И как спал всю ночь сладко, так весь день потом горько плакал...

Семь лет отца ждали. Вернулся – живой и здоровый. Только один раз за всю войну в госпитале лежал. Когда стали вспоминать, выяснили: ранило его в ту самую ночь, когда сынишка не помолился. Это была его единственная рана.

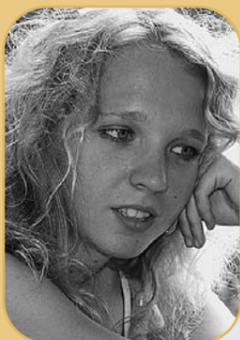
Записала
Наталья ЗЫРЯНОВА

опрос

Алена, 24 года, г. Иерусалим:

Верность – это состояние, которое является необходимым условием для жизни, как воздух. Это – вся жизнь. То есть когда я не верна в чем-то, я раню себя, и раны эти «несовместимы с жизнью»: тогда мне невыносимо плохо, тоскливо, уныло, неприятно. Поэтому меня, как человека, как образ и подобие Божие уже не было бы в живых, если бы не великая милость Господа. Он исправляет меня и мои поступки, вразумляет и утешает. Не всегда верность зависит от нас. Поэтому, чтобы оставаться верным чему-то и кому-то, недостаточно сказать: «Я сделаю все от меня зависящее», – надо суметь вверить себя Богу полностью, а это значит всегда помнить, что в тот момент, когда у меня не хватит сил, мне поможет Бог.

Мне кажется, что есть маленькие неверности и большие. Маленькие – это, например, опоздала, не успела, забыла, пропустила, потеряла. Они допустимы в связи с нашими немощами, но только если при этом мы не вредим ни себе, ни людям. Верности большие – это закон любви, как минимум десять заповедей. Когда мы не верны заповедям любви, мы нарушаем всю естественную природу нашу, мы идем наперекор Тому, Кто нас сотворил по любви. Вот это и есть самое страшное, что я делаю изо дня в день. Здесь меня спасает последняя верность – верность пути, по которому я иду: даже если свернула, даже если отошла и потерялась, – ВЕРНИСЬ!

Люба Иванова, 19 лет, пос. Пышма Свердловской обл., студентка журфака УрГУ:

Смотря как рассматривать верность. Допустим, верность между друзьями не в том,

чтобы все время проводить вместе и ничего не скрывать друг от друга. Скорее всего, это – никогда не сдавать человека. Неважно, если вы даже рассорились из-за какой-то мелочи. О верности в супружеской жизни мне сложно судить, я еще не замужем. Но я не считаю, что верность – это исключительно когда люди совсем не изменяют друг другу. Настоящая верность доказывает истину: что бы ни случилось – из семьи не уходит. Никакие внешние факторы не должны разрушить семью. Существует верность принципам. Допустим, у меня принцип – жить в гармонии с самой собой, не отказывать себе в том, чего я в данный момент хочу и что на данный момент может сделать меня счастливой.

Юля Писцова, 17 лет, студентка УрГУ:

Существует верность своему делу: если что-то пообещал, то нужно выполнить. Или верность Родине. Когда нельзя ударить в грязь лицом перед другими народами. Например, путешествуя за границей, следует держать себя должным образом. А то однажды французы рассказали мне, как две девушки из России вели себя за рубежом очень распущенно. И заставили их думать, будто в России все девушки такие.

опрос

Андрей, 26 лет, г. Санкт-Петербург:

Как подумаешь, чему надо бы быть верным, а не верен, то как из пулемета перечислять можно. Если наоборот, то долго по сусекам скрести, чтоб на маленький колобок наскрести. Да как наскребешь, и этот уйдет. Сложность вопроса, по-моему, в том, что, с одной стороны, верность хороша, но, с другой стороны, говорить о ней – дико самонадеянное дело, ведь мы не можем гарантировать, что будем всегда верны («от тюрьмы да от сумы...»). Можно наверняка только о делах давно прошедших говорить (в перфекте), что уже состоялось как верное. Например, в школе я учился в одной, в этом верность какая-то была, и это уже точно. Но ценность такой верности мала. А ценна именно такая верность, которая постоянно от нас требуется, и оступиться легче легкого. Короче, журналу «Наследник» для получения достоверных сведений надо обратиться в хоспис, может, к ба-тюшкам, которые опевают. Надеюсь, все-таки требуется ответ проще. Тогда – верен страстям и верной дорогой иду в ад, товарищи. У братьев наших меньших надо верности учиться, как они хозяина за тысячи километров находят.

Василий Шашков, 21 год, студент истфака УрГУ:

Для меня верность – это в первую очередь доверие по отношению к человеку, который тебе дорог. Во вторую очередь – честность по отношению к нему же. Сочетание доверия и честности рождает верность.

Эдуард Асадов

ОДНА

К ней всюду относились с уважением: И труженик, и добрая жена. А жизнь вдруг обошлась без сожаленья: Был рядом муж – и вот она одна...

Бежали будни ровной чередой. И те ж друзья, и уваженье то ж, Но что-то вдруг возникло и такое, Чего порой не сразу разберешь:

Приятели, сердцами молодые, К ней заходя по дружбе иногда, Уже шутили так, как в дни былые При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь – почти ничто, Коль будет сердце лаской не согрето, Порою намекали ей на то, Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку И даже раздражатся сгоряча, Коль чью-то слишком ласковую руку Она стряхнет с колена или с плеча.

Не верили: ломается, играет, Скажи, какую сберегает честь! Одно из двух: или цену набивает, Или давно уж кто-нибудь да есть.

И было непонятно никому, Что, и одна, она верна ему!

опрос

Греки и римляне были людьми образованными. Они учились в академиях и лицеях и знали, что есть законы природы и эти законы никому нельзя нарушать. А потом появились христиане, люди невежественные и темные, ибо в академиях они не учились и думали, что у них есть бог, которого можно схватить и гвоздями прибить к кресту. Римлянам казалось нелепым называть богом того, кто смертен. Бог — это Юпитер. Разве мог кто-нибудь из людей арестовать Юпитера, заковать его в наручники, посадить в тюрьму? Юпитер испепелил бы людей, уничтожил мир, ибо он бессмертен и всесилен.

В третьем веке нашей эры жил Тертуллиан. Он был защитником христианства, апологетом, одним из первых он указал на сущность веры. Да, говорил он, Христос распят, но мы этого не стыдимся, хотя это и постыдно. Сын Божий умер, мы верим в это, потому что это нелепо. Погребенный, Он воскрес. И это верно. Ибо невозможно. То есть греки и римляне открыли горизонты знания, а христиане открыли горизонты веры.

Вера не нуждается в знании, в ссылке на цепочку причин и следствий. Для веры нет иных оснований, кроме предмета веры. Если я знаю, то я

не верю. Нельзя верить со ссылкой на такие языковые формулировки, как: «потому что», «если... то». Ибо эти ссылки уводят в мир личного, фактического. А мир этот всегда относителен, для него есть понятия, метафоры и аллегории. Но нет символов.

Для того чтобы появился символ, нужна тайна. Но в мире относительного нет тайны. Вернее, она есть, но носит характер языкового секрета. Носителями таких секретов являются даже не мудрецы, а их секретари. Онтологическая тайна — встреча абсолютного и относительного. Логически эта встреча невозможна. Ведь для того чтобы встретиться, либо относительное должно перестать быть тем, что оно есть, либо абсолютное. Тем самым сама встреча теряет смысл. Так вот, эта встреча — тайна. Она требует веры, поэтому

у веры всегда есть символы и нужно быть верным символу, если даже ты не знаешь, можно ли верить другу.

Верный друг — это тайна. Здесь относительное встречается с абсолютным, и дружба перестает быть простой полезностью. Верен тот, кто верит. А тот, кто потерял веру, тот неверен. Если я говорю, что у меня неверная жена, то это не обязательно

значит, что она мне изменила. Это значит, что я потерял в нее веру. Я ей не верю. Конечно, легче от фактического, наличного потребовать соответствия своему понятию, чем от себя потребовать соответствия символу. Ведь твой друг — это не тот, кто соответствует понятию друга, а тот, кому ты веришь, узнавая в нем друга.

Вера и верность — не из мира фактического, в котором все случайно и преходяще. Вера и верность — из мира символического. А символы неизменны. Они не подведут. Поэтому не следует искать человека или человеческое среди возможного. Человека надо искать среди невозможного, в вечном нездешнем мире, подтверждением существования которого и является вера.

С верой связана верность. Но верность нельзя понимать как правильность. Правила губят и веру, и мысль. Верность нельзя заменить истинностью, ибо истина требует соотношения с вещами, а верность соотносима только с самой собой, с верой. В мире веры простые мысли и твердые основания. В современном мире много знания и мало веры. Поэтому в нем преобладают сложные мысли, и человек строит свою жизнь на зыбких основаниях.

Верный друг — это тайна.

Символы не подведут.

Автор:
Федор
Гиренок

Человека надо искать среди невозможного

Дождись любимого или Мама почему-то не сказала

Здравствуй, уважаемая редакция журнала «Наследник». Прочитала первые два номера и подумала, что журнал вряд ли оставит молодежь равнодушной, скорее всего, о многом заставит задуматься. Поэтому и решила со страниц вашего журнала обратиться к вашим читателям, особенно к тем, кому нет еще 23-х (как-то, мне кажется, к этому времени обычно уже заканчивается «переходный возраст»). В одной из книг Ричарда Баха есть такая фраза о юности: «Непонятно, как мы выжили в этом возрасте». И здесь я с ним глубоко согласна, потому что хорошо помню свои еще недавние хождения по лезвию бритвы. Если вы сочтете возможным и опубликуете мое письмо, буду вам очень признательна.

Я не стану говорить о грехе, потому что трудно думать о вечности, когда кажется, что если ты сейчас же, не сходя с места, не опустошишь таинственную бутылку с надписью на этикетке «Моя жизнь», то ее вырвут из рук и она достанется кому-то другому. Я только хочу сказать (и это из личного опыта), что большинство из нас через пару шагов, за поворотом обычно ждет откровение: Там, дальше, тоже моя жизнь! И вот об этом, ближайшем, повороте я и хотела поговорить.

Думаю, что большинство девушек рано или поздно слышат от мам что-нибудь типа «Смотри, не натвори глупостей!». Некоторым даже объясняют — почему. Но среди этих объяснений, в общем-то, сводящихся к тому, что «смолоду вся жизнь пойдет наперекосяк», часто ли можно услышать простое и каждой девочке понятное «Дождись любимого»? Мне почему-то мама этого не сказала (хотя имела на это полное право — она дождалась). Надо отдать ей должное: она пыталась меня предостеречь, но какими-то чужими, казенными словами, которые не запали в душу и быстро забылись.

А теперь я смотрю на свою подрастающую дочь и думаю: что я скажу ей? «Дождись любимого». Не потому, что имею на это право. А потому, что посмотрелась на слезы и боль недождавшихся.

Моя школьная подруга (девчушка далеко не ветреная и все мечтавшая о принце) в 19 лет вдруг решила, что ждать и терять ей нечего, и завела заведомо безнадежный роман с каким-то женатым мужчиной... А через два месяца встретила своего будущего мужа. Он, конечно, ни словом не упрекнул, но как же ей самой было обидно!

А сколько горьких примеров среди других близких подруг! Какой-нибудь «случайный» — очень легкий и ненавязчивый —

роман «вдруг» заканчивается беременностью («вдруг» — потому что кажется, что это может случиться с кем угодно, но не с тобой!!!) И когда уже обстоятельства заставили задуматься обо всем этом глубже, ты вдруг оказываешься перед фактом, что ответ на вопрос «Могу ли я с этим мужчиной прожить всю свою жизнь?» ну никак не утвердительный. И такой же неутвердительный — на вопрос «Имеет ли право этот мужчина быть отцом моего ребенка?» И тогда становится понятно, что задаваться вопросами надо было чуть раньше, а теперь уже все, конец, — совершена чудовищная ошибка. И самое ужасное, что часто вместо чувства радости от сознания наступившего материнства женщина чувствует рядом дыхание смерти (может быть, потому, что участь так некстати зачатого малыша решается мгновенно и бесповоротно). И это ледяное дыхание в один момент выжигает в душе несостоявшейся матери огромное поле будущей любви — к еще не встреченному мужу, к еще не рожденным детям. А когда все это приходит (если все-таки повезет), то этого оставшегося жалкого клочка любви никак не хватает на самых близких. И вот мучаются потом, перетягивая его, как короткое одеяльце, с одного на другого...

Но дело не только в девчонках. Парни тоже часто не дождаются. Женятся, не разобравшись, потому что «время пришло» или потому, что подруга уже беременна и как-то не по-мужски сводить на нет отношения. А потом проходит лет несколько, и — вот она, встреча! Смотришь на эту новую пару и думаешь: «А ведь и правда, удивительно, как подходят друг другу, и даже внешне похожи, как брат и сестра», — и что им сказать, не знаешь. Только и крутится на языке: «Опоздали вы, ребята, с этой встречей. Ждать бы надо было друг друга... А теперь уже своим счастьем столько людей боль причините...» Потому что и ребенок в семье уже не один, и жена свои лучшие годы мужу отдала и т. д., и т. п.

В общем, хочется только добавить, чтобы вы не торопились «испить до дна» свою молодость. Вам будет казаться, что вы пьете и наслаждаетесь ее вкусом, а окажется, что разливали ее в чужие бокалы (да так неразборчиво!). Нет уж! Пусть лучшая ее часть достанется самому дорогому вашему человеку, который вам обязательно встретится.

Ирина Лебедева,
г. Красноярск

Встретить СВОЮ ЛЮБОВЬ

Большинство парней и девочек считает, что надо расстаться с девственностью как можно раньше, как с чем-то лишним, немодным. Они хвлятся рассказами о «первом опыте» друг перед другом. А тот, кто «еще нет», когда остальные в компании «уже да», часто вызывает насмешки. Но для верующего человека сохранение целомудрия не только в подростковом возрасте, но и до самого брака очень важно. Это потом отзывается на всей дальнейшей жизни, не только твоей, но и твоей второй половинки, на жизни ваших детей. Для тех, кто рассказывает здесь свои истории, это не просто слова, они поняли это на своем опыте.

Подготовила
Елена
Меркулова

Женская история

Моя первая любовь пришла ко мне в 13 лет и задержалась очень надолго... Она во многом повлияла на мою последующую жизнь. Мы познакомились с Андреем на дне рождения общего друга, они оба учились в соседней школе. Мы болтали с Андреем весь вечер, мой первый медленный танец тоже был с ним. Под маской напускной самоуверенности я увидела умного, застенчивого и очень обаятельного парня. Было в нем что-то очень родное, словами невыразимое. И я почувствовала: «Это он, мой Единственный...»

Но так получилось, что больше мы толком не общались. Сначала еще здоровались, а потом и вообще. Мне подойти первой мешала гордость: вдруг откажет? А ему... не знаю. Вокруг него всегда было много девочек, он гулял то с одной, то с другой. Так что в то время, как мои подружки-сверстницы крутили свои первые романы, я жила только редкими встречами с ним, точнее взглядами

издалека. С болью наблюдала за своим Андреем, пытаюсь ничем не выдать своих чувств. Как в одной песне: «Пройти, не поднимая глаз, по краешку твоей судьбы...» И все надеялась, несмотря ни на что, что вот скоро мы будем вместе. Ведь он тоже поглядывал на меня, казалось, с зата-

Ведь я уже почти
окончила школу,
а до сих пор
нецелованная...

енной симпатией, и словно просто не решался подойти и заговорить.

Так продолжалось до конца школы. Я понимала, что глупо быть влюбленной в уже далекого, чужого человека, с

которым мы даже не здороваемся. Но ничего не могла с собой поделать. Как только удавалось почти забыть Андрея, его образ приходил в снах – и мои чувства возвращались. Я много, отчаянно молилась Господу, чтобы Он показал мне Свою волю: или свел нас наконец, или дал мне силы забыть Андрея. Ведь я уже почти окончила школу, а до сих пор нецелованная... Потому что мне, кроме него, никто не нужен.

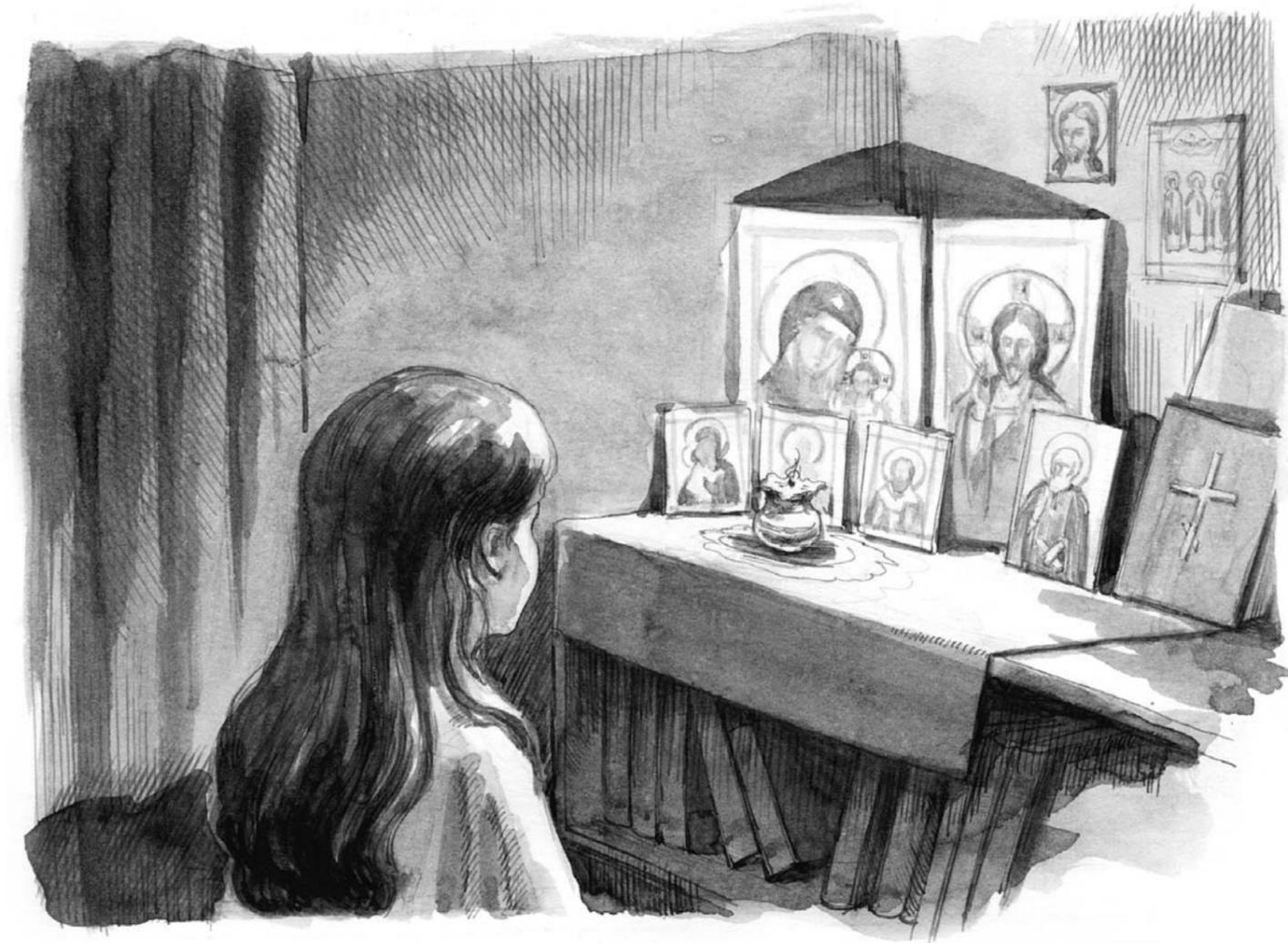
Однажды я решилась на отчаянный шаг. Встретив Андрея в его дворе, заговорила с ним. Впервые за много лет. Оказалось, он даже помнит, как меня зовут! Мы стояли с ним рядом, а за спиной у меня – словно все эти годы ожиданий и слез. Андрей по моим несмелым бормотаниям, что у меня к нему «личный разговор», догадался обо всем и ответил с польщенной улыбкой: «Знаешь, у нас с тобой ничего не выйдет. У меня есть очень хорошая подруга». – «Ты не так меня понял. Я совсем о другом», – из гордости я твердо взглянула ему в гла-

за и придумала какой-то повод. Скоро мы попрощались. Он ушел в одну сторону, я – в другую, растоптанная. К счастью, уже стемнело, и никто не видел моих слез (ненавижу плакать на людях). Все было зря, все эти годы все было зря!!!

Но хоть одно хорошо: я похоронила и оплакала свою любовь. А через какое-то время узнала, что Андрей женился. Господи, но для чего же Ты так мучил меня этой несчастливой любовью столько лет? Как назло, Андрей продолжал приходить в снах, как только мне начинал нравиться другой парень и что-то завязывалось. В результате с этими другими ребятами ничего не получалось, даже до романа дело не доходило. Я не могла понять, почему же Господь так поступает со мной, для чего это, если мы с Андреем никогда не будем вместе.

Я была уже студенткой, когда в моей жизни появился Денис. Высокий голубоглазый блондин, похожий на эльфа, умный, добродушный, с чувством

юмора, прекрасный психолог. Но что-то было не так... Выяснилось, что Денис не может встречаться с девушкой без постели и вообще для него все это очень просто. Было время, когда он гулял одновременно с тремя! При этом он очень расчетлив, оценивает каждую девушку, подходит ли она ему, и тайком «подгоняет» под себя ее недостатки.

Но я заметила: в Денисе проглядывает что-то чистое, очень красивое, несмотря на легкомысленный образ жизни. Наверное, это и называется «увидеть образ Божий в человеке». Я почувствовала, каким он мог бы быть... Тем более, что он выделял меня среди других,

«И чего ты так мистифицируешь этот «первый раз»?»

признавался, что ни с одной девушкой еще не был так откровенен, рассказывал о себе далеко не лучшее, зато честно.

Однажды Денис сказал: «Знаешь, у меня сейчас есть девушка, но наши отношения зашли в тупик. Я хочу с ней расстаться, чтобы быть с тобой». До этого мне предлагали встречаться парни, к которым я не испытывала ничего, кроме дружеских чувств. А вот так было впервые. Но как же ему признаться?.. Я глубоко вздохнула, набираясь смелости: «Знаешь, ты мне тоже очень нравишься. Но встречаться я могу только без постели. Я верующая и до брака не хочу, сама». Денис оторопел, сказал, что никогда не встречал таких, как я, и чего я так мистифицирую этот «первый раз»? Я поняла, что не могу ему словами объяснить, почему. Потому что это должно быть с любимым мужем, потому что Денис — ловелас и «первый раз» с ним искалечил бы мне всю жизнь.

Мы стали решать, как нам быть, ведь нас обоих очень тянуло друг к другу. Наконец он сказал: «Давай останемся друзьями. Если честно, я боюсь привязаться к тебе, ты мне нравишься и внешне, и внутренне. Тебя не надо переделывать. Но без постели я все равно не могу, стану изменять тебе и буду чувствовать себя подонком. Лучше не начинать». — «Я не смогу друзьями...» — тихо призналась я. И мы расстались. Я чувствовала себя героиней примитивного подросткового журнала: они нравились друг другу, но она отказалась с ним спать — и он ушел. Вернувшись домой, я долго молилась, хотя обидно было до ужаса: меня

променяли даже не на другую девушку, а на постель! Это моя жертва Тебе, Господи, я очень хотела быть с ним... Но мы оказались из разных миров. В его мире свободно спят со всеми подряд, отрываются на пьяных вечеринках, курят травку и не верят в Тебя. Для них такие, как я, — бельевые вороны...

Прошло несколько месяцев, а рана, нанесенная моему самолюбию, не заживала. И я решила написать ему СМСку, предложила как-нибудь сходить погулять, лето на дворе. Денис ответил, что рад мне и предлагает встретиться прямо завтра! И вот мы гуляли по центру, болтали обо всем на свете. Я узнала, что он расстался с той девчонкой и теперь один. Я так хотела именно как личность зацепить его и уйти на этот раз первой. По его загоревшимся глазам я заметила, что удалось. Даже если мы больше не увидимся.

Но Денис не исчез. Наоборот, он сам звонил и писал мне милые СМСки. Мы продолжили видеться. Как ни странно, дружески мы здорово ладили, несмотря на все различия. Рядом с Денисом мне было легко и хорошо. Когда он флиртовал со мной, я с усмешкой парировала в ответ. Больше я не дам себе им увлечься, уж меня ему не сломать, как он ломал своих девчонок.

Где-то через месяц нашей дружбы на меня вдруг накатило предчувствие. Перед очередной встречей я стала молиться: «Господи, не ради меня, но ради него дай мне разбудить в нем то настоящее, что в нем кроется... Если есть на то Твоя воля, пусть мы будем вмес-

те! Я постараюсь сохранить целомудрие, только помоги мне». И тут же опомнилась: что за странные мысли, ведь мы с Денисом просто друзья!

Но предчувствие не обмануло. Денис вспомнил, как мы тогда расстались. И у него с досадой вырвалось: «Теперь, что бы я ни делал, ничего не изменить?» Я с легкой горечью ответила, что все в прошлом, разве его что-то не устраивает? А он предложил мне стать его девушкой! Причем с ужасно робким видом. «Но ведь я не буду с тобой спать». — «Мне нужно от тебя совсем не это». — «И поэтому в свое время ты гулял аж с тремя», — насмешливо улыбнулась я. — «Да я искал в них то, что есть в тебе, и не мог найти! Я принимаю твои условия». — «Не верю. Да и зачем я тебе нужна?» — «Нужна...» — ответил он, глядя мне прямо в глаза с такой надеждой и волнением, что не поверить было нельзя. Никогда раньше я не видела его таким взволнованным. «Ты совсем не похожа на моих прежних девушек. И я очень хочу быть с тобой», — эти слова стали последней каплей. Я несмело улыбнулась: «Я согласна...» Словно в сказке, вдруг исполнилась моя заветная мечта, и я все-таки стала его девушкой...

Когда мы прощались, он чмокнул меня в щеку, потом в другую. А я глядела куда-то мимо, загруженная мыслями о нашем романе. Лишь потом поняла: он хотел поцеловать меня по-настоящему, как свою девушку, но увидел, что я не готова, и не стал. Его чуткость меня очень тронула.

На наше первое свидание мы поехали на природу. Денис как-то таинственно улыбался и помалкивал. «Ты чего?» — поинтересовалась я. «Я сдерживаю себя, чтоб не ляпнуть лишнего и тебя не от-

толкнуть». Когда мы шли с ним за руку по улице, Дениса поедали глазами все встречные девчонки. А я торжествуя думала: наконец оторвусь за все мои одинокие годы! При этом меня жутко смущало, что я очень неопытная, даже нецелованная. И как же мы будем с ним встречаться?

...Мы сидели на пригорке у реки. Он сказал: «Ты заметила, что мы еще не целовались?» Я робко кивнула. «Так давай попробуем сейчас?» — его голос вдруг прозвучал так по-чужому, что меня передернуло. «Нет!» — невольно ответила я. Он был явно сбит с толку: «Зачем ты тогда загуляла со мной?» — «Я не в том смысле». И принялась объяснять, что для пары поцелуй — это выражение чувств, особенно первый. Денис не понял: «Для меня что первый, что последний, все равно». Ну что мне с ним делать! В результате он все же постарался понять, а я позволила себя поцеловать. Да-а, ни грамма нежности, только физиология. Я была жутко разочарована. И это мой первый поцелуй! Но с тех пор он ни разу не поцеловал меня без разрешения. Ни разу.

Самое тяжелое для меня было то, что наши отношения ни к чему не вели. Были моменты, когда в Денисе виднелась та красота, но она тут же пропадала под его извечной улыбкой.. Его многочисленные романы выжгли в нем способность любить, по-настоящему чувствовать. Мы оба знали, что расстанемся в свое время, так однажды сказал Денис и убил во мне надежду, что он и есть мой Единственный. Поэтому он стал иногда жутко

«Да-а, ни грамма нежности, только физиология».

раздражать меня: ведь это лишь игра, а не настоящие чувства! Но я сдерживала себя: он старается измениться, как может. Нельзя требовать большего. И уж тем более он не готов к браку, это его право. Денис молодец, исключение из большинства парней, он искренне пытается научиться чувствовать.

В то время мои родители как раз разводились, это повлияло на наши отношения с Денисом. Отец не следил за мной так строго, как раньше, и я окунулась в свой первый роман с головой. Но не позволяла Денису лишнего. «Почему не разрешаешь? Я не привык так», — пробовал он спорить. «Привыкнешь», — спокойно парировала я. И он слушался. Меня поразило, как он убрал для меня свое «я», каким ласковым, заботливым, порой трогательным стал со мной.

Первое время я жила с ощущением, что завтра мы расстанемся, он не выдержит. Но мы не расставались. Денис даже обижался, что я ищу подвоха: «Я же искренне хочу измениться, а ты не веришь». С ним рядом я отдыхала душой, забывала о своих семейных бедах. Денис был одним из тех редких парней, что умеют слушать, а не только говорят о себе. Я вообще часто подкалывала его насчет его привычек с девушками, дразнила и ставила в тупик. Но при этом искренне отдавала ему нежность, которая так долго копилась в моем сердце.

Были моменты, когда я себя внутренне испытывала, было интересно, какая я в личном плане, каково это — встречаться с парнем. И четко поняла, что никогда не смогла бы вступить в интимные отношения не со своим Единственным, без брака. Господь на самом деле хранил меня: в

Его многочисленные романы выжгли в нем способность любить.

моей душе оказался стерженек, который давал мне силы не терять голову. Я была невероятно благодарна Господу, что Он поверил мне, что наглядно показал мне, почему надо хранить себя до брака, и в то же время избавил с помощью Дениса от комплекса, что я такая неопытная. Денис был именно тот парень, что был мне нужен, чтобы стать уверенной в себе и перестать переживать, что у моих подружек все уже было. Я поражалась его выдержке, ведь он правда не лез ко мне, наоборот, делал все, чтобы я ему доверяла. Это был именно подарок Господа мне, с другим парнем на месте Дениса все могло закончиться плачевно.

Мы встречались несколько месяцев. А потом Денис вдруг пропал, просто испарился. Сменил номер мобильного (городского у него в Подмоскowie не было), на письма по e-мэйлу не отвечал. Я то-сковала по нему, как по близкому человеку, ведь мы на самом деле были очень хорошими друзьями, многим делились друг с другом.

Объявился Денис только через год. И мы встретились. Оказалось, что тогда он пропал, потому что сорвался и ушел в загул. А потом ему было стыдно возвращаться ко мне, ведь он знал мое отношение к беспорядочным связям. «Ну и зря, — ответила я. — Я знала, что когда-нибудь это произойдет. Я принимала тебя таким, какой ты есть, хотя что-то меня и не устраивало». Он с облегчением вздохнул и извинился передо мной за то, что заставил переживать. Мы иногда общаемся и теперь. Денис уже два года живет с одной девушкой, хотя и не собирается жениться. Он сказал мне, что я многому научила его: уважению к девушкам, тому, что кроме физического есть еще и эмоциональное, душевное, что гораздо важнее.

Сначала мне казалось, что Сережа — это просто увлечение, которое ничем не кончится, кроме моего разбитого сердца и бесплодного ожидания его звонка, хотя я чувствовала к нему нечто особенное, не такое, как к прежним ребятам. Но на этот раз все оказалось правдой! После нашей первой встречи Сережа не пропал, а позвонил мне, мы стали встречаться.

Я наконец поняла, зачем Господь дал мне ту несчастливую долгую первую любовь: образ Андрея, как ангел хранитель, оберегал меня, пусть и такой непростой ценой, от лишнего романа, воспитывал умение отказываться ради другого от своего эгоизма. Он научил меня любить, отдавая себя, жертвуя собой. Образ Андрея был предвестником моего Единственного. Теперь я благодарна Богу, что та детская любовь была в моей жизни.

Сережа — мой настоящий мужчина, очень родной и любимый. В нем я нашла то, что так долго искала, — силу и нежность, надежность и доверие. Постепенно пришла уверенность, что он меня тоже любит и никогда не предаст. Это ощущение трудно передать словами. Конечно, Сереже пришлось со мной нелегко, первое время я была очень недоверчивой, ведь не раз обжигалась. Но он все выдержал и не испугался роли будущего мужа, сам предложил мне стать его женой. Мы подождали положенный срок, чтобы проверить свои чувства. И этим летом повенчались. Я не верила своему счастью: все получилось! Господь наконец соединил меня с тем человеком, кому я предназначена.

Лиза

Мужская история

Я рос в советское время, был неверующим и даже некрещеным. Но и тогда Господь меня не оставлял, правда, я это осознал уже позже. А тогда я соблюдал какие-то традиционные принципы потому, что так воспитала меня семья, где царил любовь. Это проявлялось в важных мелочах. Например, отец всегда звонил маме, если задерживался на работе, — чтобы она не волновалась, отдыхали они только вместе — и это естественным образом вошло в уклад семьи. То есть родители учили не словами, а своей жизнью. Мне повезло с образцом для подражания.

Советская литература тоже говорила о настоящей любви, о чистоте отношений, Наверное, это тоже повлияло на меня. Правда, к подростковому возрасту в голове у меня возникла полная каша – ведь друзья говорили совсем другое, вели далеко не целомудренный образ жизни. Впервые я столкнулся с проблемой целомудрия на каникулах в байдарочном походе. Мой студенческий друг поехал со своей девушкой, которая после этого забеременела. Он ее бросил, ей пришлось сделать аборт. А он отнесся к своему предательству очень легко: он не считал себя связанным какими-либо обязательствами. Она ему, конечно, нравилась... но не настолько. А у нее возникло очень тяжелое психическое состояние, она бросила институт. В общем, ее жизнь полетела под откос. Наша с ним дружба прекратилась, я просто понял, что не могу больше дружить с таким человеком. Именно тогда я ясно понял для себя, что интимные отношения – это не игрушка, что от маленьких причин бывают такие последствия, которые ло-

Это было потрясающее чувство узнавания.

мают человеку жизнь. Я раз и навсегда понял, что «свободные отношения» не для меня, потому что главное – это не только любовь, но и ответственность за того, кого ты любишь. Но при этом я искренне считал, что с невестой не нужно соблюдать целомудрие, все равно вы скоро поженитесь.

Со своей будущей женой я познакомился на студенческой вечеринке. И понял: это она. Не могу сказать, почему меня привлекла именно эта девушка. Я не был безумно влюблен, не испытывал желания петлять под ее балконом, не идеализировал ее образ. Это было потрясающее чувство узнавания. Как поет группа «Корни»: «Ты узнаешь ее из тысячи, ее образ на сердце выточен». Она мне потом призналась, что почувствовала нечто очень похожее.

Мы стали встречаться, это продолжалось несколько месяцев. Общались каждый день. При этом мы даже не осмеливались взять друг друга за руку. Сейчас я с благодарностью вспоминаю, что дистанция между нами сокращалась медленнее, чем развивались наши чувства. Если бы было наоборот, все могло бы разрушиться. Это часто бывает у пар: люди резко снимают дистанцию, начинают жить вместе, не будучи на самом деле готовыми к этому, – и в итоге расстаются. К счастью, мы этого избежали.

Наконец наступил день, когда я, провожая ее домой после прогулки, сказал, что хочу на ней жениться. Она ответила, что тоже хочет выйти за меня замуж. Вот тут и начались настоящие испытания для меня. Я был уверен, что теперь нечего откладывать наш «первый раз». Но она была строго воспитана (ее мама была верующей) и просто билла меня по рукам, если я переходил какие-то границы. Когда я требовал объяснений, она отвечала: «Я тебя люблю. Но так надо, я не хочу». При этом мы целовались, обнимались, далеко не всегда целомудренно. Но заходить дальше она мне просто не позволяла, хотя я пытался ее уговорить.

Мое недоумение сменилось уважением. Я четко понял, что это было связано именно с ее нравственными принципами, и в глубине души чувствовал, что она права. Думаю, женщина вообще не обязана ничего объяснять, потому что уступит мужчине в убедительности доводов. Лучше ей просто сказать: «Это мои убеждения. Если я сохранила себя для тебя, то я хочу сохранить нас для брака».

Почти все наши сверстники к тому времени уже давно жили интимной жизнью, по компаниям ходили разговоры. Но я никогда не обсуждал эти вопросы со своими друзьями. Тем более, когда твои отношения с девушкой серьезные, тебе самому не делать их предметом сплетен: слишком личное. А если обсуждается, значит, это не любовь, не отношения, а так.

Подруги моей невесты тоже не были целомудренными. Но они уважали, не высмеивали ее решение. Думаю, им было что обсудить и кроме интимных вопросов. Знаете, они дружат до сих пор, хотя прошло уже более десяти лет. Эти женщины тоже пришли к вере, хотя и более непростыми путями: и неудачные браки, и аборт, и разбитые сердца. Кстати сказать, в советское время аборт абсолютно не считался чем-то плохим. Люди просто не знали, что с первых часов беременности это уже будущий человечек, а не просто неодушевленный плод. Женщины были уверены, что это не убийство своего ребенка, а просто маленькая операция. Сколько это потом принесло горьких сожалений...

Итак, мы ждали до брака. «Но есть природа, от которой никуда не денешься. Она требует своего» – сегодня это популярный аргумент. Но тем-то мы и отличаемся от животных, что умеем подчинять свои желания воле. Скидывать свою беспорядочную интимную жизнь на «природу» лично я считаю распущенностью. А доводы, что нужно как можно раньше стать опытным в интимных вопросах... Думаю, здесь важнее не банальная опытность, а терпимость, осторожность, забота и внимание к своей любимой девушке. Можно всю жизнь набираться опыта с разными женщинами – но так и не научиться любить.

Более того, не обязательно, чтобы все свершалось именно в первую брачную ночь, когда молодые очень измотаны подготовкой к свадьбе. К тому моменту, когда они добираются до супружеской спальни, им бывает уже

В глубине души я чувствовал, что она права.

ни до чего. Чтобы первая брачная ночь не превратилась просто в ритуал, можно подождать до следующего дня. Ведь у вас впереди целый медовый месяц. Вообще для меня до сих пор остается вопросом, что молодой человек и девушка должны знать до свадьбы. Лично я читал соответствующую литературу, мне это помогло. Главное, что я понял: если ты хочешь, чтобы тебе было хорошо, нужно заботиться о своей любимой – тогда будет хорошо вам обоим. А если думать только о себе, ничего не получится.

Когда мы поженились, то поняли: ожидание было незря. Нет, мы не радовались, что вот, какие мы молодцы, соблюди целомудрие! Просто убедились: главное – это любовь. Воздержание до свадьбы помогло нам

осознать, что интимные отношения сопровождают брак, являются его неотъемлемой частью, но не рулят отношениями. Я вижу это и по своим знакомым, которые не хранили себя до брака, изменяют своим супругам. У тех, кто ставит во главу угла не любовь и верность, а постель, появляются в браке серьезные проблемы.

...Через какое-то время я пришел к вере, крестился. Мы повенчались – и наш брак обрел полноту. Мы с женой благодарны Богу, что Он так мудро вел нас к настоящему пониманию любви и брака, что уберег от падений.

Мы не ведем со своими детьми специальных бесед на тему «Пришло время поговорить о пчелках и собачках». Просто обсуждаем вместе фильмы, книги. Еще мы дали им прочитать очень хорошие книги «Это нужно знать каждой

девочке» и «Это нужно знать каждому мальчику», они именно о том, как строить личные отношения православ-

Думаю, женщина вообще не обязана ничего объяснять.

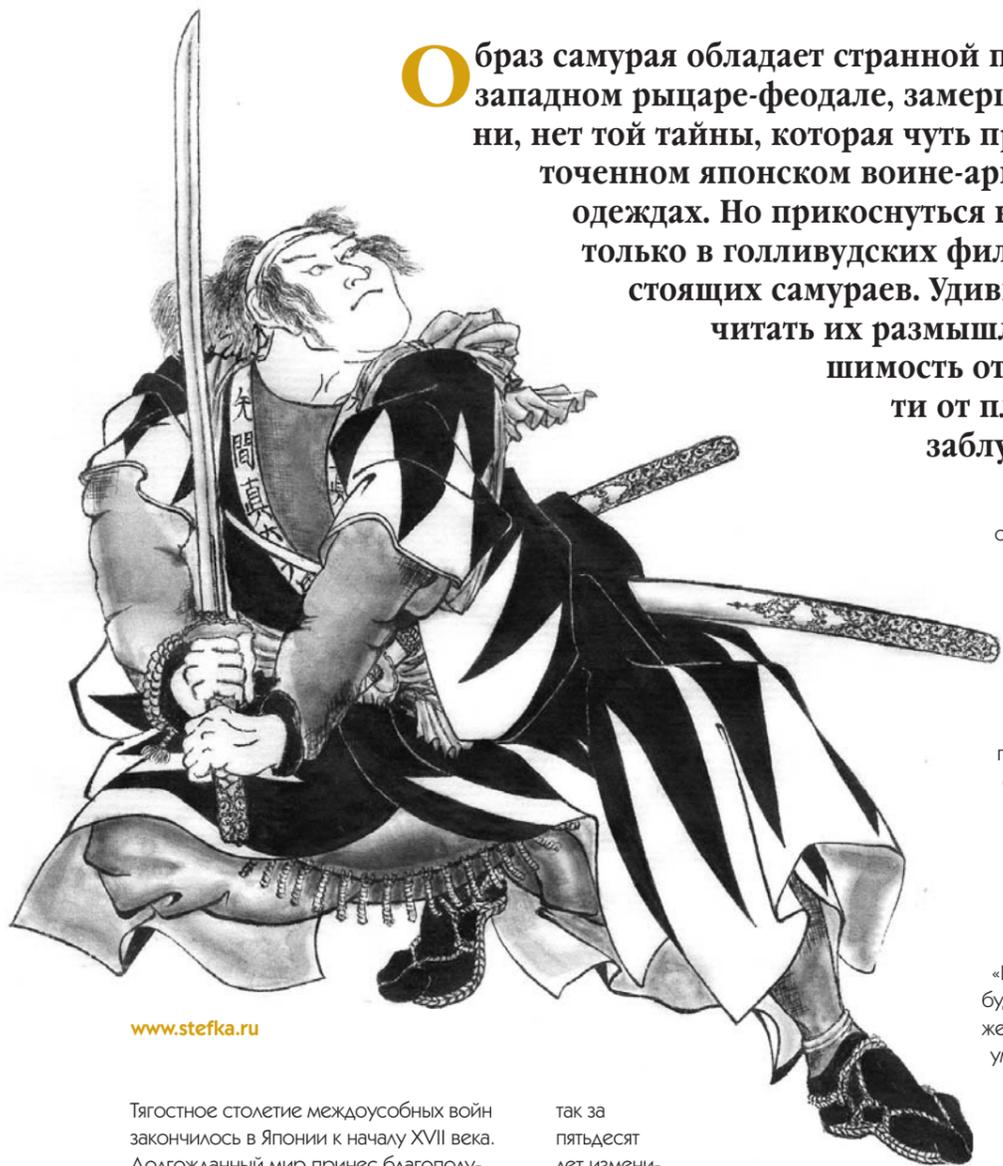
ному человеку. Думаю, такое естественное воспитание лучше, чем запрещать и заставлять.

Петр

Путь верности и сыновней

Образ самурая обладает странной притягательностью. В западном рыцаре-феодале, замершем в объятиях брони, нет той тайны, которая чуть проступает в сосредоточенном японском воине-аристократе в мягких одеждах. Но прикоснуться к ней возможно не только в голливудских фильмах, а в книгах настоящих самураев. Удивительно и полезно читать их размышления, если есть решимость отделять зерна мудрости от плевел духовного заблуждения.

www.stefka.ru

Тягостное столетие междоусобных войн закончилось в Японии к началу XVII века. Долгожданный мир принес благополучие многим, но для воинского сословия он стал серьезным испытанием. Бездействие угрожало простым самураям разложением, а состоятельным – разложением и отступлением от воинского кодекса чести. Мир укреплял экономику, но упразднял боевой дух. Самурай той эпохи с горечью пишет: «До недавних времен самурай ничего не знали о деньгах. Я помню свою юность, тогда молодые люди никогда не говорили о ценах и были те, кто краснел от смущения, слыша непристойные рассказы. Вот

так за пятьдесят лет изменился устои».

Мир требовал заново осмыслить Бусидо – Путь воина. И вот Юдзан Дайдодзи (1639–1731) составляет «Будосёсинсю» (Напутствие вступающему на Путь воина), а Ямамото Цунэмото (1659–1719) пишет «Хагакурэ», что означает «Сокрытое в листве». Эти творения различны и по слогу, и по смыслу, как различны и их авторы. Юдзан Дайдодзи не имел ни господина, ни земли, странствовал, преуспел как книжник в школе военных наук, на него оказало влияние учение Конфуция. Ямамото Цунэмото был предан своему клану до смерти господина, и только официальный запрет сёгуна воспрепятствовал ему совершить должное в таких

случаях ритуальное самоубийство, так что он окончил жизнь дзэнским монахом в полном уединении.

Оба они – великие самураи – много пишут о памяти смертной, и слова их просты и убедительны. Юдзан Дайдодзи: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить... что он должен умереть. Вот его главное дело. Если он всегда помнит об этом, он сможет прожить жизнь в соответствии с верностью и сыновней почитательностью... Он будет исключительной личностью, наделенной прекрасными качествами». Ему вторит и Ямамото Цунэмото: «Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще».

Забвение же смерти приводит к жалкой и ничтожной жизни, которая и заканчивается постыдно и бесчестно. Из «Будосёсинсю»: без памяти смертной «самурай будет беззаботен и неосторожен, он будет говорить слова, которые оскорбляют других, тем самым давая повод для споров, и... будет втянут в ссору прежде, чем поймет это. Тогда он может быть убит, имя его господина – запятнано, а его родители и родственники – засыпаны упреками». Но память смертная потребна не только воинам, но всем: «И верхи, и низы, если они забывают о смерти, склонны к нездоровым излишствам в еде, вине и женщинах, и поэтому они умирают преждевременно от болезни печени и селезенки, и даже пока они живы, болезнь делает их существование бесполезным».

Память о смерти у самураев не выражается в бездейственности. Напротив,

почтительности

Автор:
Денис ГУСЕВ*

Рисунки:
Стефани ЧЭН
по мотивам
гравюр
Итиюся
Куниеси

Я постиг, что Путь самурая – это смерть.

Ямамото Цунэмото

*Ибо жизнь мимолетна,
подобно капле вечерней росы
и утреннему инею,
и тем более такова жизнь воина.*

Юдзан Дайдодзи

обыкновение сидеть днями напролет и размышлять о своем конце удобно для отшельника, но не для воина. Самурай должен быть постоянно занят и общественным, и личным. Но когда бы у него ни появлялось время, чтобы побыть в безмолвии, он не должен забывать возвращаться к вопросу о смерти и размышлять о ней.

Для нас важно понять, что верность неотделима от памятования о смерти, ибо забывающий о ней склонен к предательству. Ямамото Цунэмото пишет: «Расчетливые люди достойны презрения. Это объясняется тем, что расчеты всегда основываются на рассуждениях об удачах и неудачах, а эти рассуждения не имеют конца. Смерть считается неудачей, а жизнь – удачей. Такой человек не готовит себя к смерти... Более того, ученые и подобные им люди за умствованиями и разговорами скрывают свои малодушие и алчность. Часто люди не видят этого». Действительно, такой человек в трудных обстоятельствах может решить, что предательство благоразумно, потому что дает жизнь, верность же ее отнимает. Хотя нельзя и забывать, что Господь

любит осмотрительных во всех путях своих.

Особо следует остановиться на том, что для самурая верность неотделима от сыновней почитательности. Ямамото Цунэмото пишет: «Насколько же глубоко должны быть узы любви, если дело касается наших родителей! Поэтому... как бы хорошо мы ни исполняли сыновний долг, этого всегда недостаточно.

принадлежит ему, если он не дает детям ничего и, не считаясь со скудными средствами семьи, неустанно требует питья, еды и одежды, и если он, встречая людей, всегда говорит: "Мой неблагодарный сын так непопечителен, поэтому я и влачу такую жизнь", – тем самым понося своих детей перед чужими людьми, то даже к такому сварливому родителю следует относиться с

почтением и, не выказывая никаких признаков раздражения, потакать его плохому характеру и утешать в его престарелой немощи. Полностью отдавать свои силы такому

родителю – вот подлинная сыновняя почитательность.

Самурай, исполненный такого чувства, поступая на службу к господину, глубоко понимает Путь верности и проявит его не только тогда, когда его господин процветает, но и когда тот в беде, и не покинет его, даже если из ста всадников у него останется десять, а из десяти – один, но будет защищать его до конца, считая свою жизнь ничем в сравнении с воинской верностью. И хотя слова "родитель" и "господин", "сыновняя почитательность" и "верность" – различны, смысл их одинаков. Невозможно представить, чтобы человек был непопечителен к своим родителям и в то же время бы предан своему господину. Когда такой непопечителный сын поступает на службу к господину, он будет осуждать любые недостатки своего хозяина... забудет о своей преданности и исчезнет в минуту опасности или предаст своего господина, сдавшись в плен врагу. Примеры такого позорного поведения были во все времена, и его следует с презрением остерегаться».

Верность неотделима от памятования о смерти.

Это – обычная сыновняя почитательность, в ней нет ничего выдающегося. Но если родитель зол, стар и своенравен, если он всегда ворчит и повторяет, что все в доме

Денис Гусев

Участник православного молодежного объединения «Молодая Русь».

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

СССР, Мосфильм, 1969, 81 мин.
Режиссер: Владимир Мотыль.
В ролях: Анатолий Кузнецов, Николай Годовиков, Спартак Мишулин, Кахи Кавсадзе, Павел Луспекаев.
Сценарий: Валентин Ежов, Рустам Ибрагимбеков.
Текст песен Булата Окуджавы.

«За державу обидно», «Восток – дело тонкое» – эти ставшие пословицами выражения знает каждый. Наверно, многие из нас хотели понять, почему наша страна такая большая? Почему мы не такие маленькие и не такие богатые, как Швейцария или Кувейт? Почему мы должны оставаться верны нашему имперскому бремени? Посмотрев «Белое солнце пустыни» раз десять, можно понять не только это, но и то, почему русские космонавты всегда перед полетом смотрят этот фильм.

Александр Васильев

Подробнее:

<http://www.kinoexpert.ru/index.asp?comm=4&num=31>
<http://www.lenta.ru/russia/2000/11/05/vereshagin/>
<http://www.peoples.ru/art/cinema/producer/motyl/history1.html>

Семейные ценности и управление домом занимают значительное место в трудах самураев. Из «Будосёйсинсю»: «Если самурай недоволен какими-то поступками своей жены, он должен разумными доводами убедить ее согласиться с ним. При этом в пустяках лучше быть терпимым и снисходительным к ней. Но если она ведет себя плохо и он считает, что от нее не будет никакой пользы, он в исключительных случаях может развестись с ней и отослать ее домой к родителям. И если самурай не делает этого и продолжает держать ее в своем

доме, так что люди обращаются к ней по уважительным именам, но при этом кричит на нее и поносит оскорбитель-

Они стали похожи на женщин, и приблизился конец мира.

ными выражениями, он ведет себя так, как наемники и чернь, что не подобает самураю-рыцарю. Еще менее подобает ему хвататься за меч или гро-

зить жене кулаком – храбрость, на которую осмеливается только трусливый самурай». О том, что мужчины становятся женоподобными, сокрушался и Ямамото Цунэмото три столетия назад. С горечью он пишет: «...я понял, что дух мужчин ослабевает. Они стали похожи на женщин, и приблизился конец мира. Поэтому в наши дни можно победить многих, почти не прилагая для этого усилий. То, что лишь немногие в состоянии умело отрубить голову, еще раз доказывает, что смелость мужчин пошла на убыль.

В наши дни можно победить многих.

Призвание мужчин – иметь дело с кровью. В наши дни это считается неправильным. Поэтому все дела решаются с помощью одних только разговоров. И каждый норовит избежать работы, которая требует приложения усилий. Мне бы хотелось, чтобы молодые люди понимали это». Отвергая пустые разговоры в случаях, когда нужны решительные действия, самураи придавали слову большое значение при воспитании воина. Из «Хагакурэ»: «Высказывать людям свои мнения и исправлять их ошибки – очень важно. В этом проявляется сострадание, которое больше всего помогает в вопросах служения. Однако делать это

очень трудно. Выявлять хорошие и плохие стороны человека легко и высказывать о них свое мнение тоже легко. Чаще всего люди полагают, что делают другим добро, когда говорят нелицеприятные вещи. Если после этого к их замечаниям относятся без должного понимания, эти люди думают, что ничем не могут помочь. Это неправильное мнение. Делать так – все равно что наставлять человека, упрекая его в слабоумии. При этом ты заботаешься только о том, как облегчить себе душу. Прежде чем выразить человеку свое мнение, подумай о том, в состоянии ли он его принять. Для этого нужно вначале поближе сойтись с ним и убедиться, что он

доверяет тебе. Говоря о предметах, которые дороги для него, подыскивай надлежащие высказывания и делай все, чтобы тебя правильно поняли. В зависимости от обстоятельств обдумай, как лучше это сделать, – с помощью письма или во время прощания. Похвали хорошие качества человека и используй любой предлог, чтобы поддержать его. Возможно, тебе следует рассказать о своих недостатках, не упоминая его слабые стороны, – но рассказать так, чтобы он сам задумался о них. Забось о том, чтобы он получил твой совет, как получает воду тот, кто изнывает от жажды, и тогда твое наставление поможет ему исправить ошибки.

Это очень трудно. Если недостаток человека опирается на многолетнюю привычку, то, скорее всего, совладать с ним тебе не удастся. Я знаю это по себе... Но если ты просто заклеишь человека, как ты можешь ожидать, что он станет от этого лучше?» Думаю, читатель удостоверился, что мудрость самураев может быть полезна, особенно когда сердце православного человека огрубело и уже не чувствительно к привычным словам. Только не стоит из любопытства поглощать все, что они написали, и искать духовные откровения там, где в сумерках уже ничего не разобрать.

ПОСЛЕДНИЙ САМУРАЙ

США - Новая Зеландия - Япония 2003, 154 мин.
Режиссер: Эдвард Цвик.
В главной роли: Том Круз

— Вы верите, что человек может изменить судьбу? — Пусть делает то, что должен. Придет время, и он узнает свою судьбу.

Герой Тома Круза, американский военный, волею судьбы оказывается посреди сотрясающего Японию бунта самураев, пытающихся отстоять на фоне грядущих перемен старую добрую Японию. Император терзается, какой путь выбрать, и вот наконец современные ружья сталкиваются с латами и катанами самураев и верных им солдат. На фоне культурного конфликта борьба между прошлым и настоящим, между древней цивилизацией и «цивилизацией» пушек и станковых пулеметов переносится в сознание главного героя, который из врага самураев становится одним из них, тем самым последним самураем. Честное слово, давно не видел фильм, столь точно ложащийся в душу, ни одной натянутой сцены, нет чувства неловкости за режиссера. Песни, мечи, кони, диалоги, дети, старики, воины и крестьяне, они движутся мимо тебя длинной чередой под грозную музыку, уходя, чтобы не возвратиться более никогда. Разве — в памяти народа, который век назад и правда выбрал путь западного мира, но который остался искренне верен своему прошлому.

Роман Корнеев

Потрясающий фильм, где честь, торжество духа, презрение к смерти, бесстрашие и такая чистая, высокая, выстраданная любовь (японской девушки) и есть то, что делает зрителя чище, сильнее, наделяет желанием стать подобным героям фильма. Лучшая работа Тома, он сыграл отлично. Фильм - очищение, это правда! Такие фильмы необходимо смотреть нам с вами, нашим детям, иначе мы прогнем навсегда, глядя все эти «Бригады», «Бандитский Санкт-Петербург» и прочую блатную шушеру.

Алексей Д.

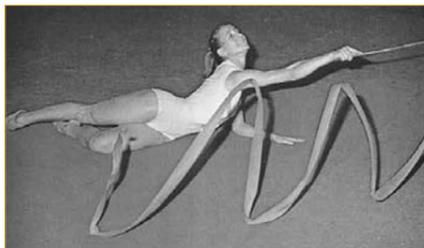
Подробнее:

<http://www.imdb.com/title/tt0325710/>
http://old.russ.ru/culture/cinea/20040209_des.html
http://www.kinokadr.ru/articles/2004/02/08/last_samurai.shtml

Болгарская

поэма без слов

Беседовала
Елена
Меркулова

Нешку Робеву называют человеком-легендой болгарской гимнастики. 25 лет, когда она руководила национальной сборной, запомнились как золотой век болгарской школы гимнастики, а воспитанницы Нешки стали «золотыми девушками» Болгарии. На первенствах мира, Европы и Олимпийских играх они завоевали 294 медали. Когда Нешка ушла из спорта, она создала свою труппу «Нешанал арт» из бывших гимнасток и профессиональных танцоров. Театр успешно гастролирует по всему миру, стал символом Болгарии для многих тысяч людей из разных стран. Спектакли Нешки Робевой уникально сочетают в себе элементы художественной гимнастики и болгарских национальных танцев. Зрители смотрят их на одном дыхании. Прекрасно подобрана музыка, которая никого не может оставить равнодушным. Древние народные мотивы рассказывают о болгарском народе без слов, находят путь к каждому сердцу. Нешка Робева рассказала журналу «Наследник» о своем творческом пути, радостях и тревогах, о том, как она старается возродить болгарскую культуру, оставаясь верной традициям.

Сайт Нешки Робевой и театра «Нешанал-арт»:
www.neskaart.com

Нешка Стефанова РОБЕВА *

Родилась в 1946 году. В 1966 году закончила Софийское государственное хореографическое училище. С 1966 по 1973 год входила в состав сборной Болгарии по художественной гимнастике, была вице-чемпионкой мира. В 1974 году окончила Софийский высший институт физической культуры имени Г. Димитрова, стала там преподавать. В том же году стала старшим тренером сборной Болгарии по художественной гимнастике. В 1976 году была назначена тренером спортивного клуба «Левски-Спартак». С 1993 по 1997 год являлась членом Европейского комитета по гимнастике. В 2000 году закончила тренерскую карьеру и создала театр «Нешанал арт», является сценаристом, хореографом, режиссером и продюсером спектаклей. Театр является лауреатом многих международных премий, в том числе обладателем первого приза на I театральном фестивале «Золотой витязь» за спектакль «Орисию» (2003)

От спорта – к постановке спектаклей

– Чем Вас привлекла художественная гимнастика?

– Я почувствовала себя освобожденной на спортивной площадке, потому что очень стеснялась, когда нужно было что-то говорить. И поняла, что танец, движение тела дают большие возможности без слов выразить то, что ты хочешь. Когда я стала тренером, то старалась передать своим девочкам-гимнасткам, а теперь своим артистам: если они хотят что-то сказать, не надо стесняться. На площадке, на сцене они совсем другие, чем в жизни, – они в образе.

– А откуда потом в Ваших спектаклях взялись болгарские народные мотивы?

– Я окончила хореографическую школу по специальности «Болгарский народный танец». Вспоминаю свою молодость, могу сказать, что до этого я, как и все мое поколение, не любила наши танцы. Мы думали, что это культура крестьян, недостойная нас. И я очень благодарна своим учителям за то, что они научили меня ее любить. Когда мне пришлось уйти из спорта, я создала «Нешанал арт» и посвятила себя возрождению нашей национальной культуры.

– Как переводится это название?

– Его придумал мой друг – от моего имени. Мне было неловко, но мы оставили слово «Нешанал», потому что оно означает и «национальный». Получается игра слов. Мы называемся «группа для пред-

ставлений». Мы специально не стали использовать слово «шоу», я его не люблю.

– Вам было легко ставить свой первый спектакль, сказку «Два мира»?

– Нет, он дался мне с большим трудом. Пришлось собирать нашу национальную музыкальную культуру буквально по фрагментам. К тому же я перешла к постановке на сцене со спортивной площадки, а здесь совсем другие законы. Сейчас мне стыдно вспоминать, как я спорила с художником по костюмам, с осветителями, как и что надо делать. Но они поняли, что я хочу добиться хорошего результата, и не обиделись. Мне не все удалось в этом спектакле так, как хотелось, но эти ошибки многому меня научили.

«Я и хотела вас расплакать»

– Какова цель Вашего творчества?

– Тронуть сердце, если оно есть. Конечно, восприятие наших спектаклей у всех разное. Это во многом зависит от отзывчивости человека, от его мировоззрения. Знаете, когда мы работали с западными менеджерами, они хотели все объяснить зрителям в «Орисию» – что означает этот танец, что это за образ. Хотели даже повесить над сценой табло с разъяснениями. Я им сказала, что это просто невозможно. Я так ощущаю искусство и не хочу объяснять все до мелочей. Это разрушит спектакль. Я хочу, чтобы зритель сам почувствовал, что мы хотим ему донести. Поэтому для меня большая проблема – ставить «Орисию» на западной сцене. А когда мы приезжали в Москву, на театральный форум «Золотой витязь» Николая Бурляева, нас никто не спросил: «Какая у вас история? Что это такое?», – не просили повесить таблички с разъяснениями. Люди просто ощущали. Они плакали и улыбались, они аплодировали. И это было для нас лучшей наградой.

Я не могу делать ничего просто так. Когда я ставлю танец даже на полторы минуты, то я этим хочу что-то сказать. Когда

Мы хотим показать, что наша культура жива.

я была тренером, то однажды ставила композицию, где одна из самых известных гимнасток мира, моя соотечественница Лили Игнатова, выступала под мелодию «If you go away» («Если ты уйдешь»), но без слов, потому что в гимнастике за-

«Это необходимо, я должна». «Орисия»

Это название одного из наших спектаклей. Слово «орисия» переводится с греческого почти как «судьба» (я не могу подобрать именно такого оттенка в русском языке). По болгарскому поверью, когда рождается младенец, в первую ночь к его колыбели приходят три женщины-орисницы и поют о его будущей судьбе. Идея спектакля идет от музыки, которую я услышала у молодой болгарской группы «Исихия». У них такая

потрясающая музыка, что я не могла сделать не что иное, кроме поэмы без слов об орисии болгарского народа. Этот спектакль впитал в себя боль нашего народа.

Когда мы ставили «Орисию», меня удивило, насколько же наши молодые артисты не знают нашей истории. Они постоянно меня спрашивали: «А это что значит? А это что за событие?»

Нужно иметь смелость прожить жизнь, не покидая родины.

И тогда мы вместе стали изучать болгарскую историю. Не только они одни не знают ее. Сейчас мы переживаем очень сложный момент истории. Многие из нас забыли, кто мы, откуда, какой трагичный путь пришлось пройти нашему народу. Я как-то разговаривала с одним из своих мальчиков-артистов. Он, как и почти вся наша молодежь, очень тянется к Западу. Молодые люди боятся своего будущего, им кажется, что лучше эмигрировать из Болгарии. По многим прогнозам, к концу XXI века болгар как нации уже не будет. Молодому человеку нужно иметь смелость прожить жизнь, не покидая своей родины. Наши ребята не знают, какими были их предки, как они боролись за Болгарию, — а ведь это могло бы дать им силы преодолеть сегодняшние трудности. И я ответила тому мальчику-артисту: «Понимаешь, в западном мире все не так привлекательно, как вам преподносят. Это очень холодный мир, там главное — благосостояние.

Он очень отличается от восточного, славянского мира, который нам ближе». Для себя же я решила, что могу сделать в этой области очень мало, но это необходимо, я должна.

В «Орисии» есть образ людей, бредущих наощупь с покрывалами на лицах. Это слепцы. В 1014 году у нас была война с Византией, которая всегда пыталась подчинить себе Болгарию. В одной из битв наше войско предали, и десяти тысячная болгарская армия попала в плен.

Византийский император Василий отдал приказ ослепить наших воинов, оставить только один глаз у одного человека на каждые сто солдат, чтобы они могли вести остальных. Воины закрыли свои лица, чтобы другие не видели их слепые глаза, сделали посохи. И отправились пешком домой, в Болгарию. Когда наш князь Самуил увидел свою армию, он получил сердечный удар и умер. Деревня, где жили эти воины, называется Слепчя, а то место, где Василий ослепил воинов, называется Очи-Вади, то есть «Выколотые глаза». Это была большая трагедия для нашего народа.

В момент в спектакле, когда жены встречают своих ослепленных мужей-воинов, звучит аутентичное пение плакальщицы (у нас они называются оплаквачки). Мы записали его на кладбище. У нас в Болгарии есть обычай оплакивать умерших. Когда мы репетировали в зале, за занавесом стояли гимнастки. Они услышали запись и прибежали ко мне: «Нешка, просим тебя, останови, мы не можем этого слышать! Мы все тоже плачем...» Это на самом деле очень тяжело слушать. Но так было в нашей истории, и люди не должны этого забывать. Я стараюсь говорить со зрителем на таком языке, чтобы заставить его задуматься, когда он выйдет из зала. Люди мне говорили: «Нешка, когда мы вышли после спектакля “Два мира”, то словно парили в воздухе. Мы забыли о своих трудностях. А когда смотрели “Орисию”, плакали, нам стало

еще тяжелее...» — «Я же совсем не то хотела вам сказать! Болгария переживала и гораздо более тяжелые моменты за свою историю — и выжила. Вот что я хотела до вас донести». К тому же в конце спектакля появляются очень светлые, радостные ноты, то есть все кончается хорошо».

еще тяжелее...» — «Я же совсем не то хотела вам сказать! Болгария переживала и гораздо более тяжелые моменты за свою историю — и выжила. Вот что я хотела до вас донести». К тому же в конце спектакля появляются очень светлые, радостные ноты, то есть все кончается хорошо».

прещено музыкальное сопровождение со словами. Потом в Японии был семинар, где одна моя японская коллега спросила: «Нешка, что ты хотела сказать своей композицией? Просто я все это время проплакала...» Я сначала растерялась, а потом ответила: «Я и хотела вас расплакать». Так что для меня главным является без слов передать свою мысль, идею зрителю.

Кстати, мы берем западную музыку, но вплетаем в нее другое содержание. Так мы сделали в молодежном спектакле «Готовы ли вы?». Несмотря на западную форму, там явно слышатся болгарские народные мотивы, под танго, свинг ребята танцуют наши народные танцы, а на заднем плане слышится болгарское аутентичное (то есть настоящее) пение. Мы хотим показать, что наша культура жива.

Найти слова для молодых

— Ваши спектакли — это не просто прекрасные произведения искусства, они говорят о серьезных проблемах Болгарии. Как при этом избежать морализаторства?

— В том же «Готовы ли вы?» есть проблемы подростковой наркомании и алкоголизма, социального неравенства, даже убийства детей детьми — то, что сегодня тревожит очень многих. Мы показали это на примере школьного выпускного бала, где собрались рядом и избалованные дети богачей, и ребята из бедных кварталов, и молодые рэпперы, дающие спектаклю острое звучание. Именно они задают острые социальные и политические вопросы старшему поколению, которое лишило молодежь культуры, своих корней. Они зовут взрослых: сделайте для нас хоть что-нибудь! Но когда мы создавали спектакль, молодые ребята, которые сочинили для него музыку, сказали мне: «Нешка, нельзя говорить молодежи, что ты против чего-то. Спектакль должен иметь созидательный подход». Поэтому получилось два пласта восприятия. Первый наша молодежь называет «просто потанцевать», он яркий, зрелищный. А второй, более глубокий, заставляет зрителей задуматься о тех бедах, что происходят у нас в стране. Как-то после «Готовы ли вы?» ко мне подошел юноша и сказал: «Я благодарю вас, вы дали мне возможность увидеть наш будущий выпускной бал в школе. Я понял все, что вы хотели сказать». И, к счастью, не один он это понял.

— Вы выглядите мягким человеком.

— Мягкой? В Болгарии меня называют же-

лезной леди. В жизни я мягкая, очень люблю своих детей — артистов и гимнасток. Но всегда разделяю: «Здесь мы дружим, а здесь работаем». И довольно жесткая в отношении работы, репетиций.

Мои ребята вне сцены превращаются в сущих детей. Я им говорю: «Что вы делаете? Люди же смотрят, вы должны оставаться профессионалами всегда. Профессионализм не в том, что вы очень хорошо прыгаете и танцуете, знаете много позиций».

— А в чем?

— Это отношение к работе, ответственность, «перфектность», то есть стремление к совершенству. Я никогда не могу позволить своей труппе низкий уровень, даже если мы выступаем в маленькой деревне. Конечно, это очень нелегко. Работа отнимает время, которое ты должна была провести со своей семьей, от этого страдаешь и ты, и они. Моя дочь упрекает меня: «Когда я хотела быть с тобой, когда ты должна была меня воспитывать, ты воспитывала других. Ты была со своими прыгуньями, они тебе ближе, чем я». Нет, она хорошая девушка, но она росла сама, без меня. И до сих пор не может меня понять. Это моя боль, что ради работы приходится жертвовать семьей.

— В России идет возрождение Православия после 70 лет атеизма. А как в Болгарии?

— Знаете, у нас с вами много общего, но много и различий. Наша Болгарская Православная Церковь не сумела привлечь молодежь. У нас очень мало верующих молодых людей. Люди крестятся и венчаются, но они не знают, что это значит, не знают христианскую мораль. И будет очень нелегко возрождать все это. Разрушать всегда легче.

Когда мы на «Золотом витязе» в Москве встретились с архимандритом из Болгарии Игнатием, он начал разговаривать с моими молодыми артистами. Сначала они среагировали презрительно: «Поп! Что он нам тут говорит? Он приехал, наверное, за деньгами». Но он ничего не скрывал перед ними. Не скрывал светскую сторону своей жизни, свои ошибки. Он два часа разговаривал с ними — и их отношение изменилось. Я поблагодарила его, потому что если я с ними говорю о вере, это всегда воспринимается как

Психология молодежи — великая особая страна.

слова учителя. А слушать морали никто не хочет, поэтому надо очень-очень осторожно работать с молодыми, не давить на них. Психология молодежи — великая страна, она особая. Молодые люди рос-

ли в те 15 лет дикости, которые мы пережили после распада СССР.

— Вы говорите о своей вере?

— Я ее не скрываю. Мне говорят: «Госпожа Робева, как это? Вы верите в Бога?» То, во что ты веришь, — это очень сокровенно. Это нельзя так просто рассказать. Я верю в такую силу и справедливость, которую не объяснишь словами. Но я верю. В «Орисии» звучит православная молитва «Господи, воззвах к Тебе...», когда наш народ молится о своей родине. Мы с моими девочками ездим в монастыри, многие из них крестились. Каждый раз перед соревнованиями и теперь перед выступлениями на сцене мы идем в церковь, молимся. Это дает нам силы.

Понедельник начинается

Беседовала
Елена
Меркулова

Фото:
Владимира
Веленгурова,
и из архива
Андрея
Легошина

Их профессия – это чья-то беда. Спасателей зовут, когда случается чрезвычайная ситуация (то есть ЧС), будь то наводнение, пожар, теракт, серьезная автокатастрофа или даже застрявшая на дереве любимая кошка. В последнем случае они интересуются: «Вы когда-нибудь видели скелет кошки на дереве?» – но все равно едут и помогают, в этом – их работа. Как и в том, чтобы вытаскивать живых и мертвых людей из-под завалов, доставлять раненых в госпиталь, обеспечивать пострадавших водой, едой и палатками, разыскивать пропавших без вести...

Наш собеседник Андрей Легошин* пришел в профессию спасателя, когда она только рождалась. МЧС создавалось на его глазах.

– Профессию спасателя часто идеализируют.

– Если вдуматься, многие вещи в реальности совсем не такие, нежели ярлыки, которые на них навесили. На самом деле профессия спасателя тяжелейшая, грязная. Вам приятно видеть чужое горе? Вы видите похороны на улице и получаете от этого удовольствие? Здесь то же самое. Кому приятно видеть, что человек попал в беду? И когда романтически настроенный парень приходит в профессию и сталкивается со всем этим, происходит «ломка» образа.

– Как эту «ломку» переживали Вы?

– А я заранее знал, что это огромный труд, не искал там романтику. Я долго занимался альпинизмом, и пришлось столкнуться со спасением в горах. Там оно посложнее будет, чем на земле, когда вас целая команда.

Благодарность бывает разной. Реальный случай: человек попал в аварию. Чтобы вытащить его живым из машины, пришлось ее разрезать. Он сначала горячо благодарил спасателей. А потом подал на них в суд за порчу имущества... Такое, к счастью, случается нечасто.

Андрей ЛЕГОШИН

Окончил МЭИ, активно занимался альпинизмом. Был одним из первых внештатных спасателей Комиссии по чрезвычайным ситуациям Совмина СССР. С 1992 года работал в аэромобильном отряде «Центроспас», потом стал начальником отряда. Участвовал в ликвидации последствий терактов, землетрясений, авиационных и техногенных катастроф, наводнений и многих других чрезвычайных ситуаций в России и других странах. С 2003 года заместитель начальника Департамента управления в кризисных ситуациях МЧС России. В том же году – лауреат премии «Российский национальный Олимп» в номинации «Национальный герой». Спасатель международного класса, Заслуженный спасатель РФ. Награжден государственными наградами.

В пятницу вечером

Вообще же спасатели всячески избегают благодарности. Они уверены: добро надо делать просто так, не ожидая благодарности, иначе это уже не добро; невозможно жить с чувством, что тебе кто-то всю жизнь благодарен, ведь спасение – это твоя работа. Спасатели рады, когда пострадавшие потом не помнят их в лицо. Человек после ЧС находится в шоке, он жалок и беспомощен. И пусть лучшие это забудется. А лучшая благодарность для спасателя – то, что спасена человеческая жизнь.

– Качества, необходимые спасателю: умение подавить в себе страх, панику, – с этим нужно родиться или можно выработать?

– Страх в кризисной ситуации невозможно полностью подавить, можно не дать ему себя парализовать. А вот бороться с паникой, безусловно, возможно. Это в основном тренировки. Есть психологическая реабилитация спасателей после ЧС.

– В чем она заключается?

– Это специальная работа со спасателями, беседы с психологами. Мы и сами стараемся помогать друг другу, новичкам. Тут и банька, и разговор по душам, и совместный отдых. А есть еще важная вещь. Вот человек прыгал с 10-метровой вышки и ударился о воду. Знаете, что

Не спасти всех – это еще полбеды. А не спасти вот этого конкретного человека – это беда.

делает тренер? Силой загоняет его обратно на вышку и заставляет прыгать еще раз, чтобы перекрыть тот стресс. Так и у нас, многие спасатели занимаются экстремальными видами спорта, помогает.

– Бывает, что у спасателя болит совесть? Например, когда невозможно спасти всех.

– Не спасти всех – это еще полбеды. А вот этого конкретного человека – это беда. Бывает, что просто физически невозможно спасти всех. Поэтому была введена такая прагматическая вещь, как классификация пострадавших по степени тяжести. Да, это ужасно, что приходится высчитывать их шансы. Но что делать? Возможности спасателя не безграничны, он всего лишь человек, будь он хоть трижды профессионалом. Допустим, пожар, дом вот-вот рухнет. Внутри двое: старик и ребенок, есть шанс вытащить одного. Кого первого?

– Наверное, все же ребенка, у него вся жизнь впереди...

– А если ребенок и женщина? Или двое детей? Этих «пар» такое множество, что в них не разобраться. Обычно выбор получается пятьдесят на пятьдесят. При этом общество разделится ровно пополам. И тебя все равно осудят, кого бы ты ни выбрал. Я не знаю, как мы выбираем: вот этот человек будет жить, а этого спасти уже не успеешь... По опыту, по какой-то интуиции, наверное, тут есть и Божие провидение. Какая уж тут романтика, когда на кону человеческая жизнь...

Есть психологическая реабилитация спасателей после ЧС.

Спасатели стараются не запоминать тяжелые моменты своей работы, но есть то, что нельзя забыть. Бывает, что спасти уже некого, например, когда упал самолет. 90 процентов спасательных операций – это мертвые тела и фрагменты. Нужно перешагнуть через себя, чтобы работать с этим. Но, наверное, с еще живым человеком даже тяжелее. Когда видишь, как он сгорает заживо в пожаре на твоих глазах, а ты ничего не можешь сделать. Или придавлен обломком так, что обречен умереть. Спасатель может только быть рядом и постараться, чтобы он умер спокойно. Потом тот человек приходит в снах, живой. А просыпаешься и осознаешь, что он умер и ты не смог спасти его, хотя сделал все, что мог...

– Как не очерстветь после такого?

– Черствый человек не сможет работать спасателем. Спасатель обязательно должен уметь сострадать, иначе это скажется на работе, и его уволят. Но если рыдать над раненым – это ему не поможет. Ему нужна срочная помощь. Так что одно дело крепкие нервы, а другое – черствость. Поначалу, конечно, приходится очень тяжело. Но с этим сталкиваемся не мы одни. А врачи, которые вынуждены выбирать при родах: останется жить мать или ребенок? А когда на операционном столе умирает человек? Но эмоциональная защита, безусловно, вырабатывается. Я называю это обстрелянностью. Боец в первом бою обычно залег и головы поднять не может. А потом уже уверенно воюет.

– Но как привыкнуть к тому, что опять беда и опять надо мобилизовываться?

– А это естественно, в этом состоит работа спасателя. Бывает по десять чрезвычайных ситуаций в день или две одновременно. Но система достаточно хорошо развита, есть кому реагировать. А вообще жизнь – она без бед не бывает. Сколько себя помню, мы всегда от чего-нибудь страдали. То в магазинах ничего не было, то появилось, зато взвинтились цены. То дефолт, то свободы нет, то демократии, то еще чего-то... Сплошные беды, если не большие, то маленькие.

Настоящая кульминация нашей работы – это когда в отпуск уходишь. Вернее, так: сегодня в отпуск, а завтра – опять на работу. Вот недавно я вернулся из отпуска – и тут же нашу команду направили в Пакистан, где произошло громадное землетрясение.

– Сколько длилась Ваша самая долгая командировка?

– Полгода в Африке и полгода в Югославии.

– Какие у Вас остались впечатления от работы со спасателями других стран?

– От любой работы со спасателями, даже соседнего региона, всегда остаются самые светлые впечатления. Спасатели «заточены» под одно – выручать из беды. Тебе нужно два человека – дадут десять, все для тебя сделают. Если я туристом окажусь в Европе, приду в любую пожарную часть и скажу: «Ребята, я спасатель из России. Мне негде переночевать, помогите», – мне тут же найдут место. Наши ребята уже попадали в такие ситуации.

– А что Вы можете сказать о российских спасателях?

– Я не видел, чтобы кто-то работал так самоотверженно, как наши ребята в кризисной ситуации. Как Павка Корчагин – упал, отдохнул, пошел дальше работать.

Ни в коем случае не взял бы к себе в команду героев по натуре.

Первое время после трагедии обломки зданий кричат и стонут – под ними умирают люди. Спасатели выкладываются по полной, делают возможное и невозможное. Первые трое суток – без перерыва на сон и еду. А как иначе, если их всего семьдесят человек на сотни умирающих? Бывает, что гибнут и сами спасатели, в том числе в Беслане, когда заслоняли собой детей-заложников.

– Что для Вас самое трудное в работе теперь, когда Вы работаете в офисе?

– Бумажки (показывает на стопку документов на рабочем столе). Но без них куда. Эта работа, может быть, более нудная, менее благородная со стороны, но предельно нужная. От грамотных действий здесь, за столом, зависит число спасенных там.

– Вы теперь реже выезжаете, чем когда работали в «Центроспасе»?

– Наоборот, гораздо чаще. Понимаете, «Центроспас» – это фаза самого спасения людей. А до нее и после есть еще множество всего. Например, в Новом Орлеане или в том же Пакистане фаза спасения закончена. А сколько все это потом чистится, восстанавливается, приводится в порядок...

Чрезвычайная ситуация – это хаос, паника, горе и смерть. Задача спасателей – максимально быстро организовать процесс спасения, чтобы уменьшить количество жертв. Здесь важна каждая секунда, нужны моментальные решения. Если местные власти растеряны и не знают, что делать, спасателям приходится брать управление на себя. Настоящие мужчины и настоящие профессионалы, они при этом искренне не считают себя героями: «Мы такие же, как все, просто храбримся».

– Каких людей ни в коем случае не возьмете себе в команду?

– Героев по натуре. Тех, кто приходит в профессию и при этом думает: «Вот, посмотрите, я такой классный, я не остаюсь в стороне и лечу на самолет всех спасать». А на самом деле он – просто один из команды. И спасать – это его работа, а не личное призвание. Это абсолютно разные вещи. Мы спасатели, а не спасители. А насчет настоящего героизма – я уверен, те люди в тот момент и не думают, что совершают подвиг.

– Существует ли профессиональная этика в поведении спасателей друг с другом?

– Да, но она рождается и соблюдается молча. Чувство локтя, чувство сострадания, чувство достоинства, ответственность за пострадавшего. Я никогда над этим не думал, просто пытался следовать внутренним моральным устоям и никогда не обсуждал это даже со своими товарищами. А в итоге мы все пришли к одному. Когда человек приходит устраиваться на работу, я с первого взгляда вижу, сможет ли он быть спасателем. Но объяснить это словами не могу. На самом деле все сложнее, глубже.

– Что для Вас – верность?

– Недавно по телевизору показывали передачу про испытателей. Полковник в отставке рассказывал, как испытывал на себе химическое оружие. Он сказал: «Я не жалею об этом, так было нужно. И если сейчас мне докажут, что что-то нужно, я снова решусь – если поверю в это». Наверное, это и есть настоящая верность.

Для меня это понятие связано с любовью, ради которой чем-то жертвуешь, – к женщине, к ребенку, к Родине, к своему делу. Для одних главное в работе – финансовая составляющая, другие работают

ради идеи. Наверное, к ним относятся и спасатели. Знаете, плохой человек не останется долго в нашей профессии. Ему просто неинтересно делать добро. Спасать «нельзя на двойки-тройки». Либо есть самоотдача, либо ее нет, либо ты спасатель, либо нет – и делать тебе здесь нечего.

Иногда люди сами виноваты в том, что их постигает беда. Например, известно, что в этом месте бывают наводнения или сходят лавины, – поэтому здесь жить нельзя. Все равно селятся. А потом случается беда, и помочь просят МЧС.

Спасатели «заточены» под одно – выручать из беды.

– Бывало, что Вам хотелось уйти из профессии?

– Да постоянно. Вот вечером думаю: уйду и все. А утром проснулся, настроение другое, солнышко за окном светит. И вроде все нормально. Так бывает в любой профессии – от продавца в ларьке до президента. Раз в неделю все дают себе обещание: работаю досюда и ухожу. А потом это «досюда» приходит, и откуда-то силы берутся работать дальше.

– Вы видели, как спасатели «ломаются» и на самом деле уходят?

– Да, конечно. По-всякому бывает.

– В СМИ была информация: последствия урагана «Катрина» в Америке были так ужасны, что спасатели кончали с собой...

– Не могу сказать, так как сам не был этому свидетелем. Я вообще не склонен верить прессе, особенно американской. Склонность к суициду – психическое нарушение. Такой человек думает, что только самоубийством можно покончить со всем сразу. Знаете, у японцев на дверях написано не «Выхода нет», а «Ищите выход в другом месте». Психически здоровый человек понимает, что самоубийство – не выход.

– Как проходит Ваш рабочий день, если не нужно куда ехать?

– Я живу в Жуковском и встаю в 5 утра, чтобы в 9 быть в МЧС. Работа с документами, совещания, бывает, допоздна. Я редко уезжаю домой в 6 вечера, когда официально работе конец. Мы – оперативное управление в кризисных ситуациях по всей России, работаем и за рубежом. Например, бухгалтерия может закрыть дверь и уйти домой, и ничего не изменится. А вот случилось что-то в 17.55. И что, я уйду домой? Да не уйду.

Зарплата в этой профессии, которая связана с самопожертвованием и риском для жизни, – всего 6000 рублей в месяц, это с премиями и надбавками. Больше всего получает спасатель международного класса – около 10000 рублей. График работы – сутки через трое, не считая экстренных вызовов. Вместо того чтобы набираться сил в эти трое суток, спасателям приходится подрабатывать, чтобы содержать семьи.

– А как отдыхают спасатели?

– Чего-то характерного для всех спасателей нет. Поэтому скажу за себя. Люблю отдыхать на природе, чтобы не было слышно машин, не работали мобильные телефоны. Поём с ребятами под гитару у костра. Люблю ловить рыбу и собирать грибы. А вот море терпеть не могу. Часами лежать на пляже, вокруг эта суета туристов... Съел мороженое, искупался, понырял. И что дальше? Мне просто скучно. Три дня на море – и с меня хватит (улыбается).

– А есть в Вашей профессии особые традиции, например посвящение в спасатели?

– Устойчивых традиций пока нет. Наша профессия еще молодая, родилась в 1994 году. Появился День спасателя, 27 декабря. Как раз в этот день мы в прошлом году улетели в Шри-Ланку, где прошло цунами. Отметим...

Да, вспомнил. Недавняя традиция: в 6 часов в пятницу мы сели в самолет, готовый лететь на Америку, где побывал ураган «Катрина». А в понедельник, бодрые и отдохнувшие, пошли на работу (американцы далеко не сразу смогли принять нашу помощь, мы сидели, ждали). И так бывает часто. Все начинается аккуратно под конец рабочей недели. Это закономерно: к выходным все расслабляются, возрастает опасность техногенных катастроф. И понеслась... Так что если у Стругацких понедельник начинался в субботу, то у нас – в пятницу вечером.

Беседовала
Ирина
Капитан-
никова

Мироносицы

— Марина, расскажите, пожалуйста, как родилась сама идея этого фильма и как случилось, что студентка Свято-Тихоновского университета стала снимать кино.

— Я родилась в семье кинематографистов, выросла в этой среде. Это для меня родное. Как я нашла эту тему? Мы с одноклассником приехали к нему в деревню в Тульскую область, где, по его словам, «две бабушки восстанавливают храм». Вечные проблемы — денег нет и т. п. Он ни к чему не призывал, просто говорил: «Есть такой храм, осколок классицизма: колоннады, портики, фрески итальянских мастеров». А этим бабушкам — одной восемьдесят, другой — восемьдесят один. И вторая, действительно, почти ежедневно забирается под купол храма и шпательничит его. Если Вы видели, там половина свода более темная, а половина белая — это работа бабы Тани.

— Присутствие камеры настолько незаметно...

— А я просто говорю: «Баба Таня, а если мы Вас снимать будем?» Она согласилась. В кадре она никак на это не реагирует. Она словно размышляет про себя о том, как она прожила. В жизни у нее было очень много трудностей, переживаний: кто-то из детей погиб. Да и сейчас их хватает. Но, несмотря на это она не жалуется, а занимается своей работой. Причем она не делает из этого никакого подвига. Для нее это жизнь, без этого она гаснет.

— Позволила ли эта работа в чем-то по-другому взглянуть на жизнь?

— Помогла скорее именно героиня, общение с ней. Она — очень простой, живой, легкий, с юмором человек. Все, кто был в работе, посмотрев изображение, заражались характером героини. Все воспринимают и ее спокойствие, и ее юмор. Бывает, что человек делает героическое дело и понимает это, и эти, грубо говоря, «понты» не встречают сочувствия, а здесь эта простота всех просто подкупила. И в конце все не столько радовались от сдачи картины, сколько желали здоровья бабе Тане и всей деревне. Сейчас поколение какое-то расшатанное: многие болеют, если не болеют, то жалуется. Это уже душевное состояние людей. А те бабушки — столпы. Вот как они могут в 80 лет сохранить такую крепость духа, цельность, характер, не расшатанный депрессиями, жалобами и т. п., оптимизм, мажорный подход к жизни?

— Ее жизненный путь можно считать проявлением верности Церкви?

— У меня не было цели зафиксировать здесь именно церковность, хотя это выходит само собой. Мне очень нравится подход бабы Тани, ко-

торая говорит: «Я не могу никого осуждать, но чего-то не хватает, чтобы люди работали». Пришлось при монтаже вырезать звуковой кусок, когда у нее спрашивают: «Вы же задаром работаете?» — а она отвечает: «Ну я-то задаром, а людям нужно кому-то на что-то жить, кому-то семью кормить». Желательно, чтобы по возможности был факт соборности, чтобы люди друг друга не укоряли: «Вот эта ходит, а эта нет». Но скорее здесь не столько верность Церкви, сколько верность своей совести. Баба Таня поступает так не потому, что ей так заповедано: она просто по-другому не может. Хотя есть в этой же деревне люди, которые говорят: «А-а-а, почему тебя снимают, а нас не снимают? Мы тоже работали».

«Я не могу никого осуждать, но чего-то не хватает, чтобы люди работали».

Она отвечает: «Работайте дальше, и вас тоже снимут». А на самом деле она как есть одна, так и есть, вторая чуть-чуть помогает, потому что болеет.

— Ставили ли Вы перед собой при съемке какие-либо миссионерские задачи?

— Я учусь на миссионерском отделении. Но я не ставила целью вкладывать в этот фильм какую-либо проповедь. Здесь всего лишь факт документа, как он есть. В этом заслуга документального кино, когда не приукрашиваешь, не делаешь что-либо за героя, а герой целиком показывает себя сам: какой он в своей жизни, в своей деятельности, каковы его жизненные принципы, позиции. Человек просто живет. Можно было, конечно, написать дикторский текст и сказать: «Вот, такой храм, и никто не помогает...» Но этого нет. Все есть как есть. Жизнь идет своим чередом, а кто как ее проживает — все по-разному.

— Что, на Ваш взгляд, документальное кино и, в частности, кино, которое представляет «Золотой витязь», должно нести людям?

— У «Витязя» есть девиз — «За нравственные христианские идеалы, за возвышение души человека». То есть «Витязь» исповедует вполне конкретную установку фильмов, которые идут на фестиваль. И есть такой безынтересный факт: когда три года назад этот фестиваль прошел в

Уже не первый год по России проходит кинофестиваль «Золотой витязь». Но все как-то недосуг дойти в это время до кинотеатра. Но как-то раз мой хороший знакомый рекомендовал обязательно сходить на фильм-дебют молодого режиссера Марины Добровольской «Мироносицы». После просмотра я поняла его настойчивость. Все 10 минут просто невозможно оторваться от экрана. Фильм притягивает своей простотой, искренностью и жизненной правдой при документальном сюжете до предела простом. Как непохож он на современный привычный видеоряд.

Кадры из фильма «Мироносицы»

Рязани, официальная криминальная статистика спустя некоторое время показала, что уменьшилось число самоубийств, количество наркомагов и т. п. Имел место вот такой положительный общественный резонанс. К сожалению, у «Витязя» мало денег, чтобы делать себе хорошую рекламу, — многие просто не знают. Но из того, что становится известным, многое находит отклик. Был фестиваль игрового, детского, мультипликационного кино. Мультифильмы вообще интересны не только для детей. Они очень символичны сами по себе: в рисованной, стилизованной форме можно воплотить очень многое. Но лично мне наиболее близко документальное кино. Мы называем его неигровым. Ведь если взять тех же самых двух бабушек и сыграть, они снизят свои планки, на мой взгляд, потому что сыграть, да еще с помощью спецэффектов, можно все что угодно. А когда ты знаешь, что этот человек не актер, что это просто его жизнь, и ты видишь, как он совершенно неподдельно делает в кадре что-то, что вызывает если не восхищение, то хотя бы уважение к человеку, который в 80 лет не боится подниматься под купол храма, — это совсем другое дело. По этой шаткой лестнице мы с оператором, трясясь и держась друг за друга, едва лезли, а баба Таня

Сыграть, да еще с помощью спецэффектов, можно все что угодно.

каждый день шутя туда поднимается, замешивает раствор, втаскивает очень тяжелое ведро с известью. На мой взгляд, это главная заслуга документального кино, когда оно несет в себе сам факт, как он есть. Он как документ — не сыгран, не придуман. Но при этом оно может быть и художественным: это уже зависит от того, как его увидеть, как снять, как ответить шумами, музыкой и т. п. В этом смысле мы с оператором шли в одном русле. Он тоже любит кино, когда оно все-таки кино: не просто несет в себе идею, содержание, но и не перестает быть искусством, синтезом изобразительного искусства, музыки и слова.

— Что, на Ваш взгляд, тогда должно отличать православное документальное кино? Как Вы расцениваете эффективность назидания на экране?

— Прямого назидания просто не нужно. Люди, которые уже в Церкви, в нем не нуждаются. А людям, которые пока вне Церкви, оно может, как минимум, не дать ничего, а то и вызвать обратную реакцию. На данный же момент важны скорее просто человеческие ценности. Как сказано в апостольских посланиях, сначала душевное, потом духовное. Скорее даже сначала народное, что сплавливает людей между собой, — совесть и тому подобные понятия. Мы показали в одном месте эту картину, а там человек пять молодежи встают и говорят: «А можно нам помочь этому храму? Мы летом свободны». И вот в июле собираются ехать. Почему была такая реакция? Я думаю, дело даже не столько в храме, прости меня, Господи, а в движении душ людей, которые отозвались. И баба Таня увидит, что не ей одной этот храм нужен: она торопится его сделать, плохо себя чувствует, боится, что не доживет до того времени, когда он будет красивый. Очень важен отклик душ людей на человеческую простоту, человеческое содержание. И на самом деле приятно, когда говорит «Мы поедем, мы поможем» именно сегодняшняя молодежь, по пятнадцать сережек в каждом ухе. В этом отличие живого примера от «Давайте, вот надол!». Здесь не говоришь, что надо, а просто показываешь, что человек этим занимается. И рождается желание помочь, рождается сострадание к бабушке, понимание, что ей, наверное, должно быть тяжело, что у нее может что-то болеть. Она на самом деле ходит вперевалочку, ноги у нее отекают, сердце болит, глаза слезятся. В фильме видно, когда она наверху мажет мастерком, глаза красные. А этот отклик дорогого стоит.

Слава Богу, фильм получилась именно такой, каким был задуман. Известно, что картина рождается трижды: при написании, при съемке и при монтаже. А родилась она именно как маленький мазочек народной жизни.

17 октября фильм «Мироносицы» был удостоен Гран-при на международном фестивале кино и СМИ «ПОКРОВ-2005», прошедшем в Киеве. Искренне поздравляем Марину Добровольскую с этой победой!

Великий проект, или Технология

Ответ читателю

Современный читатель, который знает, как ежемесячно издаются тысячи всевозможных книг, который видит православные книжные магазины, забитые духовной литературой, в том числе и творениями святых отцов, может задать резонный вопрос: а нам-то что до «великого» проекта – до каких-то 16 книг, издан-

ных в середине XIX века? Вполне вероятно, что он даже признает Православие как важное культурное наследие, но, по словам современного читателя, – сейчас же на дворе XXI век!

Ответ современному читателю достаточно прост. Если Россия хочет выжить в XXI веке и остаться при этом самой собой, то без этих 16 книг ей никак не обойтись. Россия не может существовать без монастырей. Монастырь – ее духовный архетип, школа на пути в Царство Небесное, в небесный Иерусалим. А жизнь

Автор:
Василий
Пичугин

Что такое 16 книг, изданных в середине XIX века в небольшом монастыре, для России XXI века? Почему книги по православной аскетике актуальны в наш век безумного технического прогресса? Что такое святоотеческое наследие для современной России? Все эти вопросы встают перед любым человеком, который тем или иным способом столкнулся с уникальным издательским проектом, предпринятым монахами тогда еще мало кому известного монастыря – Оптиной пустыни – ровно 160 лет назад.

духовная ни одного монастыря не может быть налажена без глубокого усвоения монашествующими этих книг.

Монастырь на Руси – это и университет, так как именно монастырь задавал основные направления просвещения с позиции Православия, и предприятие – образец взаимоотношений внутри любого коллектива (от армейской роты до государства), на котором «производилась» одна из уникальных русских «технологий» – русский аскетизм. Благодаря последнему даже формально атеистический Советский Союз достиг феноменальных успехов – достаточно вспомнить победу в Великой Отечественной войне (разрушив же монастыри, советский строй подрубил сук, на котором сидел, – каждое следующее поколение советских людей все меньше хотело отдавать, а все больше получать... Результаты последнего известны). Но, конечно же, монастырь – это прежде всего молитва, молитва о живых и умерших, молитва о делах прошедших и делах нынешних.

Нетерпимое положение

Летом 1846 года в Калужской губернии, в дворянском имении Долбино, принадлежавшем великому русскому мыслителю Киреевскому, гостил духовник его семьи – Оптинский старец преподобный Макарий.

выживания России в XXI веке

Предыдущий год и начало 1846-го для Ивана Васильевича Киреевского и его супруги Наталии Петровны выдались сверхтяжелыми. За этот период ушли из жизни несколько дорогих им людей, среди них – и трехлетняя дочь Катя.

Старец Макарий чем мог пытался утешить своих духовных чад. Он постоянно приводил примеры из творений святых отцов, чьи труды знал в совершенстве. В ходе общих разговоров вышли на тему острой нехватки хороших книг на русском и церковнославянском языках, наставляющих в христианской жизни. Так получилось, что жемчужины святоотеческой аскетической литературы в России почти не издавались (некоторые даже не были переведены с греческого и других восточных языков, а переводы других были утеряны) и были практически неизвестны основной массе монахов и мирян.

Подобное положение вещей было нетерпимо. Российская империя, практически единственное на тот момент независимое православное государство, главная хранительница сокровищ Православия, фактически не имела доступа к одной из важнейших частей православного Предания – святоотеческой литературе. Именно православное Предание через святоотеческую литературу, по сути, задает взгляд Православия на окружающий мир. Без этого можно было даже и не мечтать о построении собственной оригинальной школы, оригинальной науки. И процесс поглощения русской культуры западноевропейской был бы только вопросом времени.

Промыслительно, что и у старца Макария, и у Киреевских были переводы святоотеческих трудов. У преподобного Макария хранились переводы, выполненные самим преподобным Паисием Величковским, который в середине XVIII века, собственно, и начал процесс перемещения святоотеческого наследия в Россию. Он совершил паломничество на Афон, где сумел найти драгоценные рукописи творений святых отцов, и начал грандиозный культурный проект – их перевод. Семье Киреевских переводы святоотеческих творений достались от их первого духовника, иеромонаха Новоспасского монастыря старца Филарета (Пуляшкина). Так получилось, что именно он и благословил Киреевских перед своей кончиной окормляться у преподобного Макария.

Святой о святых

Опыт совместной деятельности у Киреевских и их духовника уже был. В предыдущем 1845 году Иван Васильевич Киреевский помог напечатать старцу Макарию в журнале «Москвитянин» житие преподобного Паисия Величковского. И супруги не сомневались, что при переводе святоотеческих творений необходимо не только отличное знание древних языков, но и реальный опыт подвижнической жизни. Поэтому и духовно, и практически возглавить подобный проект было под силу только старцу Макарию.

В результате этого согласия за 15 лет под руководством старца Макария было издано

Без этих 16 книг
России никак
не обойтись.

16 книг, из которых пять – на русском языке, одна – и на славянском, и на русском, остальные десять – на славянском. Среди этих книг – жемчужины святоотеческой аскетической литературы: труды преподобных Исаака Сирина, аввы Доротея, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Феодора Студита, отцев Варсонофия и Иоанна, Симеона Нового Богослова. И если книга преподобного Исаака Сирина предназначена опытным подвижникам благочестия, то книга преподобного аввы Доротея

Участники

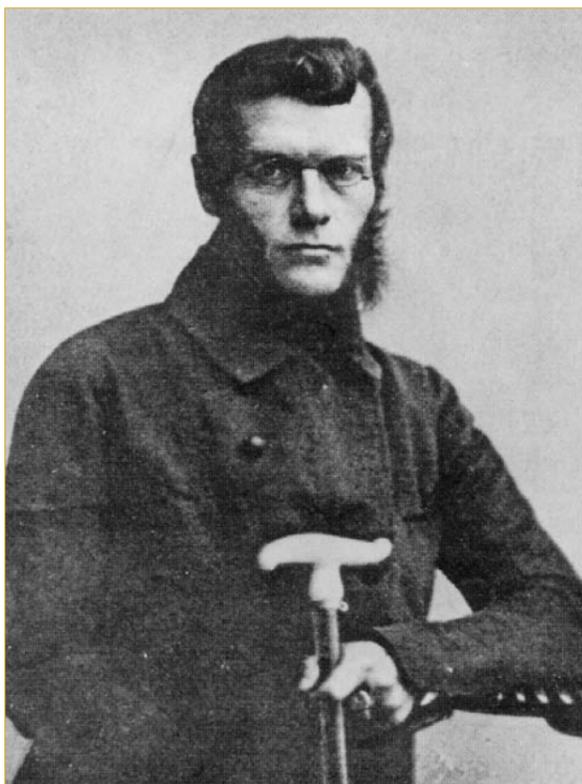
В этой уникальной издательской работе объединились самые яркие представители православной интеллектуальной элиты того времени: сам митрополит Московский Филарет; духовные цензоры – профессор Московской духовной академии, философ протоиерей Федор Алексеевич Голубинский, основатель русской теистической философии; инспектор Московской духовной академии архимандрит Сергей (Ляпидевский), в будущем митрополит Московский; профессор Московского университета, поэт, историк и филолог Степан Федорович Шевырев; Константин Карлович Зедергольм, сын лютеранского пастора, магистр в области древних языков (впоследствии перешел в Православие, принял монашеский постриг и стал иеромонахом Оптиной пустыни отцом Климентом).

Непосредственно в Оптиной у преподобного Макария были не менее замечательные помощники: будущий знаменитый Оп-

Святитель Филарет, митрополит Московский.

доступна любому монаху и мирянину. Эти книги получили все академические и семинарские библиотеки, все епархиальные архиереи, ректора и инспектора духовных академий и семинарий, лавры и все общежительные русские монастыри, многие славянские обители на Афоне.

Иван Васильевич Киреевский.

Преподобный Макарий Оптинский.

тинский старец, тогда иеромонах, преподобный Амвросий; монах Ювеналий (Половцев), бывший артиллерийский офицер, будущий наместник Александро-Невской и Киево-Печерской лавр; будущий архиепископ Литовский и Виленский монах отец Лев (Кавелин); также бывший офицер, будущий архимандрит Леонид, наместник Троице-Сергиевой лавры, виднейший церковный историк и писатель.

Несколько лет за то, чтобы слышать

Эта работа потребовала колоссальных усилий – и духовных, и интеллектуальных. По сути, перевод святоотеческих творений на русский язык для людей XIX–XX веков был сделан таким образом, чтобы показать предельную актуальность святоотеческого предания как для этого времени, так и для всех времен. При подобном переводе требовалось сделать труды святых отцов максимально доступными, но при этом несколько не утратить всей

духовной глубины переводимого. Основная тяжесть в этой работе, безусловно, легла на плечи преподобного Макария. В житии святого архимандрит Леонид (Кавелин) так описывал его деятельность: «Для сих занятий все вышеупомянутые лица ежедневно собирались в келии старца, который не прекращал своих обычных занятий с братией и приходящими... тем не менее принимал самое деятельное участие в сих занятиях: можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно слово не было вписано в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения... Деятельность его в этом отношении была поистине изумительна: старец, одаренный от природы живым энергическим характером, в этих занятиях точно забывал себя, почасту жертвуя для них тем кратким отдыхом, который был очевидно необходим его утружденному и немощствующему телу. Но зато как щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объяснения старца на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его...»

Хранителям Великого проекта

В современном мире, где количество природных ресурсов стремительно уменьшается, наилучшие шансы будут иметь те народы, которые в массовых масштабах сумеют освоить технологию аскетизма, то есть сумеют сократить свои потребности и кроме того будут иметь свою идею. Только настоящая идея дает народу силу.

Для России эта идея известна – идея Святой Руси, идея Третьего Рима, последнего оплота истины в современном мире. Обе эти идеи зиждятся на православном аскетизме. И если сейчас мы с ужасом видим, как ведут себя в Новом Орлеане «свободные», «демократичные» американцы, то лет через 10–15 после массовой обработки населения программами типа «Последнего героя» и «Слабого звена» мы получим свой отечественный Новый Орлеан. Когда перед новой реальной угрозой мы не сможем сплотить-

Без аскетичной элиты шансы у нас минимальны.

ся, а начнем каждый по одиночке спасать свою шкуру, уничтожая на пути «спасения» все встречающиеся «слабые звенья».

Поэтому аскетизм (помощь ближнему, жертва собственными интересами ради интересов общества) потребует в XXI веке и от простого труженика, и тем более от самого высокого начальства. Без аскетичного начальства, аскетичной элиты шансы у России в XXI первом веке минимальны.

«Война – мера всех вещей», – сказал еще древнегреческий философ Гераклит. В современном мире идут войны самых разных типов: «классические», экономические, идеологические, демографические... Но главная война, которая бушует в этом мире, – это война духовная. И наши противники это прекрасно понимают. К сожалению, большинство наших соотечественников имеет об этом слабое представление, в их умах господствует представление о «классической» войне – с танками, пушками, ракетами. Духовная же война – война добра со злом – имеет свои законы. Эти законы прекрасно изложены святыми отцами. Для нас сделали их доступными деятели Великого проекта. И если мы хотим выжить в надвигающихся испытаниях, то мы должны стать творческими хранителями и продолжателями этого проекта.

Московская Патриархия Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

ОПТОВАЯ ЛАВКА

Предлагает большой выбор церковной утвари:

Иконы разных форматов на дереве,
на пластике,
на керамике, на бумаге.
Производство и распространение
ламинированных икон.
Киоты под стандартные иконы на дереве.
Изготовление киотов на заказ.
Свечи (парафин, воск)
№ 140, 120, 100, 80, 60, 40, 30, 20,
полиелейные.
Свечи «праздничные» и «иерусалимские»
разных цветов, венчальные.
Лампадное масло российских производителей:
0,5 л., 1 л., 5 л., 50 л., 200 л.
Уголь, ладан, благовония греческие
и отечественные. Церковное вино.
Виде- и аудио-продукция, CD
(в т. ч. издания Новоспасского монастыря).
Изделия из серебра. Церковная утварь из латуни.
Изделия из фарфора, керамики и т. д.

Православная литература

Более 2000 наименований
по издательским ценам
(в т. ч. издания Новоспасского монастыря).
Священное Писание. Творения святых отцов.
Жития святых. Богослужебные книги.
Книги по искусству.
Книги по церковному пению.
Пособия для педагогов, учебники.
Большой выбор детской духовной литературы
для разных возрастов.
Склады расположены на территории монастыря.
Возможна доставка.

тел./факс: (095) 676-93-71, 676-99-90
115172 Москва, Крестьянская пл., 10,
ст. м. «Крестьянская застава»
E-mail: m-novospassky@mtu-net.ru

Орден Святого Андрея Первозванного является старейшей и высшей наградой России.

Андрей — первый ученик и апостол Господень — издавна почитался как заступник и просветитель будущей Руси. Уже первые русские летописи повествуют о его путешествии по Днепру к «горам Киевским» и далее на север (разные источники называют крайней точкой Старую Ладугу, Валаам и даже Соловки). Кроме того, в земной жизни апостол Андрей был рыбаком и традиционно считается в христианском мире помощником мореплавателей. Все эти обстоятельства, а также то, что Андрей был братом апостола Петра, небесного покровителя Петра I, побудили царя выбрать для первого русского орденского знака особый X-образной формы крест, на котором Андрей, по преданию, принял мученическую смерть в 70 году в греческом городе Патры. Учрежденный Петром I в 1698 году Андреевский крест 15 лет был единственной официальной государственной наградой, предназначенной, по мысли Петра, «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и Отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям». Помимо креста атрибутами ордена являются также звезда, лента и золотая цепь. Внешний вид орденских знаков в XVIII—XX веках неоднократно менялся, однако все разновидности Андреевской звезды украшены единым орденским девизом: «ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ».

Первым кавалером ордена Андрея Первозванного в 1699 году стал генерал-адмирал боярин Федор Алексеевич Головин. Один из старших сподвижников Петра, умерший в 1706 году, Головин немало потрудился почти во всех сферах государственной и военной жизни. Его основными заслугами нужно считать заключение выгодного мирного договора с Китаем в 1689

году и организацию совершенно нового для России дела — военно-морского строительства и обучения. Петр I очень скупно жаловал свой любимый орден. Сам он получил его только седьмым за победу над шведами в 1703 году. Позднее по указу Павла I орден жаловали всем без исключения мужчинам в династии Романовых: Великим князьям — при крещении, а князьям императорской крови — по достижении ими совершеннолетия. Всего с 1699 по 1916 год орденом Андрея Первозванного было награждено свыше тысячи человек. Среди них такие полководцы, как П. А. Румянцев, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, герцог Веллингтон; такие государственные деятели, как А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, Г. А. Потемкин, Санкт-Петербургский митрополит Гавриил (Петров). С В 1732 году у ордена появился Андреевский собор на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Каждый кавалер ордена при награждении теперь был обязан хотя бы раз внести деньги на его содержание.

После революции 1917 года награждение орденом Андрея Первозванного прекратилось. Андреевский собор был захвачен обновленцами, а в 1938 году закрыт ленинградскими властями. Богослужение в нем возобновилось лишь в 1990-м. А в 1998 году в рамках празднования 300-летия главного русского ордена Президент России Борис Ельцин подписал указ о возрождении ордена Святого апостола Андрея Первозванного как высшей государственной награды Российской Федерации. Первыми Андреевскими кавалерами в том же году стали Святейший Патриарх Алексий II и академик Д. С. Лихачев. Сегодня орденом награждаются выдающиеся государственные и общественные деятели и другие граждане Российской Федерации за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России. Девиз его остается прежним: «ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ».

Возвращение на Родину

Культурный центр «МАЯК» представляет VI часть благотворительного духовно-просветительского цикла

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

20 вечеров с выдающимися деятелями русской духовной культуры

29 декабря (четверг)

К 120-летию Лавры М. Игуменни Таисии Леушинской и 150-летию хиротонии ее духовника св. праведного Иоанна Кронштадтского
Фильм «Голгофа на водах». Герои вечера — прот. Геннадий Беловолов (СПб), иеромонах Варнава (Лосев) (Троице-Сергиева Лавра), Т. И. Орнатская (Пушкинский дом, СПб); в вечере участвует певица А. Широченко.

11 января (среда)

Детский святочный вечер
Фильм «Царица светлица». Герои вечера — о. Владимир Ханцевич, Е. Краснобаева (радио «Радонеж»), детский фольклорный ансамбль «Звонница».

23 января (понедельник)

Вечер посвящен батюшке Серафиму Саровскому и Н. А. Мотовилову
Герои вечера — глава издательства «Отчий дом» М. Е. Шкатов, профессор В. И. Мельник, профессор В. А. Воропаев.

7 февраля (вторник)

Пушкинский вечер
100-летие создания Пушкинского дома
Герои вечера — поэт о. Леонид Сафронов (Вятка) пушкинист Б. М. Конухов, писатель, поэт, главный редактор журнала «Наш современник» С. Ю. Куняев. Поэзия Пушкина прозвучит в исполнении В. А. Никитина. Фильм о встрече Пушкина с преподобным Серафимом.

16 февраля (четверг)

Вечер посвящен Великому князю Сергею Александровичу Романову
Герои вечера — Н. Н. Лисовой, Ю. И. Архипов, Т. Л. Миронова.

28 февраля (вторник)

«Побеждающие страх»
Герои вечера — автор фильма В. П. Виноградов, игумен Савва (Молчанов), капитан 1-го ранга писатель Кавад Раш, писатель В. Н. Носков.

15 марта (среда)

205-летие со дня убийства Государя императора Павла Петровича
Фильм об императоре Павле I. Герои вечера —

о. Валентин Асмус, историк А. В. Ермаков, в вечере принимает участие В. А. Никитин.

3 апреля (понедельник)

«Одинокий рай»
Герои вечера — авторы фильма: режиссер В. Тимошенко (Екатеринодар), о. Виктор Салтыков (Иваново), философ, богослов Е. А. Авдеенко.

3 мая (среда)

Христос воскрес!
Герои вечера — глава комитета «За нравственное возрождение Отечества», настоятель храма Николы в Пыжах о. Александр Шаргунов. В конце вечера — музыкальное приношение.

11 мая (четверг)

Итоги трагического «празднования» 60-летия Великой Победы
Фильм «Очень личное».
Герои вечера — о. Александр Шумский, Л. В. Родионова, депутат Госдумы Н. А. Нарочницкая, киновед, сценарист С. А. Сваровская, режиссер Д. С. Фирсова, В. А. Саулкин (радио «Радонеж»), в вечере участвует ансамбль «Измайловская слобода».

29 мая (понедельник)

Вечер посвящен женам мироносицам
Пять героинь — игуменья, русские ученые жены, солдатская мать; в вечере участвует кобзарь В. Жданкин (Почаев). Фильм «Ной».

7 июня (среда)

Вечер посвящен Пушкину и Достоевскому
Герои вечера — пушкинист В. А. Кожевников (автор нового перевода «Слова о полку Игореве»), Н. В. Панишев (библиофил, член Международного общества Достоевского), д-р Л. И. Сараскина, директор музея Достоевского в Москве Г. Б. Пономарева, снс. музея Достоевского в Петербурге прот. Геннадий Беловолов Речь Достоевского на открытии памятника Пушкину прозвучит в исполнении В. А. Никитина.

15 июня (четверг)

Торжественное закрытие VI части цикла
Фильм о Дионисии. Встреча с духовенством, с художником П. Рыженко, кобзарем В. Жданкиным (Почаев), ансамблем «Измайловская слобода».

В VI части цикла также примут участие: о. Алексей Василенко, о. Павел Буров, о. Максим Первозванский, О. Н. Куликовская-Романова, Л. В. Родионова, ученые: К. Б. Белова (МГИМО), ректор Барнаульского университета С. И. Григорьев, психолог И. Я. Медведева, З. Я. Дерягина (РГБ), А. В. Гулин (ИМЛИ РАН); писатель, историк Е. Р. Стрельникова (Кириллов), писатель В. Г. Галактионова, поэт С. И. Сирков; ансамбль «Русичи», ансамбль «Сирин», певица М. Азаренко.

Автор и ведущая — певица, лауреат Пушкинской премии, член комитета «За нравственное возрождение Отечества», певчая храма Николы в Пыжах Лина Мкртчян.

Начало всех вечеров в 18:30.

Адрес культурного центра «Маяк»: ул. Газопровод, д. 9 А.
Проезд: ст. м. «Ул. ак. Янгеля» (в пяти минутах ходьбы от метро).
Телефон: 381-85-78.

Билеты распространяются в книжных лавках:

Сретенского монастыря, Марфо-Мариинской обители, храма Николы в Пыжах, газеты «Русский вестник» (953-70-10), на радиостанции «Радонеж» (ул. Пятницкая, 25).

Подробную информацию о цикле слушайте на радио «Радонеж», читайте в журналах «Ныне и присно» и «Наследник», в газете «Русский вестник».

Государственное учреждение культуры города Москвы
Русский духовный театр "Глас"

28 января премьера
Священник Андрей Кононов

**У БОГА
ВСЕГО
МНОГО!**

Пасхальная сказка для детей
Режиссер-постановщик -
Александр Захарьев

Театр ждет уважаемого зрителя
по адресу:
ул. Малая Ордынка, 30/6,
проезд до ст. М. "Третьяковская"
тел.факс: 959 17 40, 959-17-39, 959 38 93,
www.teatrglas.ru

Художественный руководитель
- заслуженный деятель искусств РФ
Никита Астахов

Государственное учреждение культуры города Москвы
Русский духовный театр "Глас"

Открылся 17 сезон!
20 января А. Чехов

**РЕПЕТИРУЕМ
"ЧАЙКУ"**

Театральная версия Никиты Астахова

Театр ждет уважаемого зрителя по адресу:
ул. Малая Ордынка, 30/6,
проезд до ст. М. "Третьяковская"
тел.факс: 959 17 40, 959-17-39, 959 38 93,
www.teatrglas.ru

Художественный руководитель театра -
заслуженный деятель искусств России
Никита АСТАХОВ

ЕСЛИ ТЫ МОЛОД И ИЩЕШЬ ДРУЗЕЙ

Если ты чувствуешь, что в твоей душе есть такие силы, которые не должны пропасть даром, то знай, что возможность их реализовать есть.

Где? Например, в православном молодежном объединении «Молодая Русь», в кругу твоих сверстников.

Как? Если тебе интересны социальное служение и помощь ближнему, то применение своих сил ты найдешь в поездках в детские дома и в госпитали. Цель этих поездок одна – общение и создание уютной, дружеской атмосферы для тех, кто почти отчаялся и нуждается в поддержке – ласковом взгляде, добром слове.

Если ты ищешь чего-то большего и хочешь помочь своим ровесникам открыть для себя «неизвестную религию» – Православие, обрести истинные ценности и жизненную опору, то, возможно, миссионерское направление – для тебя.

Вместе с «Молодой Русью» ты можешь отправиться в паломничество, познакомиться с православными святынями, ощутить дух и уклад монастырской жизни.

В «Молодой Руси» еженедельно проводятся тематические встречи, во время которых можно познакомиться с известными людьми и просто пообщаться и лучше узнать друг друга. И еще много всего, о чем ты узнаешь при встрече.

А если у тебя есть свои идеи, как с пользой провести время, – захвати их с собой.

Приглашаем вас посетить наш Интернет-сайт: www.molrus.ru

По телефону 8-906-760-00-22 можно прослушать информационное сообщение о ближайших мероприятиях.

Пишите по адресу: molrus@mail.ru. Также можно оставить сообщение на пейджер по телефону: 797-4444 для аб. 117960.

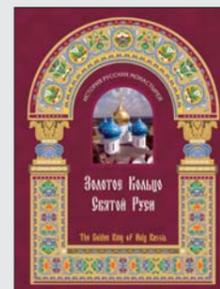
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ АЛЬБОМЫ-ПУТЕВОДИТЕЛИ СЕРИИ

ИСТОРИЯ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ

**Монастыри
в окрестностях
Москвы**

27 монастырей
332 страницы
Твердый переплет

**Золотое Кольцо
Святой Руси**

16 монастырей
320 страниц
Твердый переплет

На русском
и английском языках

Альбом «Золотое Кольцо Святой Руси» стал официальным подарком Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II гостям на праздновании 15-летия его интронизации в июне 2005 г.

Отдельным альбомом
вышел в свет новый
путеводитель:

**Рождество Богородицы
Свято-Пафнутиево-
Боровский мужской
монастырь**

НОВЫЙ ПРОЕКТ

В 2006 году
готовится к выходу
альбом-путеводитель

**Дорога
к Северной
Фиваиде**

Издательский Дом «Евразия Экс-пресс»
представляет:

**Иллюстрированные альбомы-путеводители
по монастырям Русской Земли**

В наших книгах читатель найдет описания истории обителей и жизни их святых основателей, уникальные кадры, сделанные с высоты птичьего полета, панорамы и интерьеры храмов, фотографии святых мощей и чудотворных икон, а также подробные карты и схемы проезда.

Подробнее о книгах на Интернет-сайте
www.monastery-guide.ru

Чтобы приобрести альбомы-путеводители вы можете обратиться в издательство по адресу: 119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 12, а также по телефону: (095) 954-1752 или электронной почте: info@monastery-guide.ru

Притча о молодом дипломате

Молодой дипломат окончил обучение и получил назначение в другую страну. Но условием его поездки был брак — он должен был быть женат. Тогда он пошел к своему другу и сказал:

— Ты у меня один друг, остальные все товарищи. Дай мне совет. Мне нужно жениться, а я не могу сделать выбор. Две девушки очень любят меня, и обе готовы дать согласие.

— Выбери ту, которую любишь ты, — ответил друг, — и будешь счастлив.

— Я не знаю, какую из них люблю, — одна очень красива, изящна, и все ею любят, другая — проста, незаметна и скромна.

Друг улыбнулся и сказал:

— Тогда выбери ту, которая тебя не предаст и будет тебе верна до конца.

— Спасибо тебе, — ответил молодой дипломат, — я не смог бы выбрать сам, ты мне помог. Верна будет та, что проста и неприметна.

Дипломат женился, но еще какое-то время жил в своей стране, готовясь к отъезду. Он часто виделся по необходимости с другой — той, которой был вынужден отказать. Все товарищи молодого дипломата не понимали его выбора, удивлялись и жалели его. В то-

варищеских беседах они часто говорили ему, что он поступил неразумно. Тогда молодой дипломат стал сомневаться. Он пришел к другу и сказал:

— Я женился и скоро поеду в другую страну. Но что если моя жена все же предаст меня и не будет мне верна до конца?

— Послушай, — ответил ему друг, — не жениться вообще — значит не стать дипломатом. Не стать дипломатом для тебя — как бы и вообще не родиться. Если твоя жена и предаст, то предаст она твое неверие, а не те-

Если твоя жена и предаст,
то предаст она твое неверие,
а не тебя.

бя. Блажен, кто, выбрав, не жалеет о том, что выбрал. А там, где нет любви, не найдешь и доверия.

— Воистину, у меня только один друг, — сказал молодой дипломат, — остальные все товарищи!

Собрав вещи, он уехал с молодой женой в другую страну.

Алексей Кузнециков.

Фрагмент картины Павла Рыженко «Прощание государя с войсками»

**Темы
следующих
номеров:**

свобода
честь
простота
справедливость